СТИВЕН КИНГ

Копилка сатаны

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

История — любимый предмет американского школьника Тодда Боудена. Со страхом и трепетом он листает летопись кровавого прошлого, вглядываясь в лица безымянных жертв. Неожиданно мальчик выясняет, что его сосед — жестокий нацистский преступник, сумевший избежать правосудия. В обмен на свое молчание подросток требует, чтобы старик открыл ему зловещие тайны самой мрачной страницы в истории человечества.

Пока его сверстники штудируют физику и математику, Тодд изучает страшную науку, которую не проходят в школе — науку зла. Его сосед оказывается хорошим учителем. В тихом запуганном старике снова просыпается кровавый надзиратель концлагеря Курт Дюссандер. И для способного ученика наступает время решающего экзамена…

- Стивен Кинг
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25

- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30

Стивен Кинг
Ученик дьявола

Посвящается Элен Костер и Герберту Шналлу

1

Это был типичный среднеамериканский мальчик, спешащий по улочке предместья на своем велосипеде («швинн», 28 дюймов) с изогнутым рулем. Его звали Тодд Бауден. В тринадцать лет его рост составлял сто шестьдесят сантиметров, вес — шестьдесят три с половиной килограмма, глаза голубые, зубы — белые, ровные, лицо слегка загорелое, чистое, без малейших признаков юношеских прыщей.

Мальчик улыбался, как улыбаются на каникулах, проносясь на велосипеде сквозь солнце и тени в трех кварталах от своего дома. Он был похож на тех мальчишек, что развозят газеты — он и в самом деле развозил местную газету Санто-Донато — «Кларион». Он мог бы также продавать поздравительные открытки за премию, и это тоже делал. Открытки были с напечатанными внутри именами, например, Джек и Мэри Бэрк или Джон и Салли, или семья Мэрчисон. Такие мальчишки любят насвистывать во время работы, и он так делал. Отец его был инженер-архитектор с годовым доходом сорок тысяч долларов. Мама — домохозяйка, она окончила школу секретарей (с отцом Тодда встретилась, когда тому однажды понадобился секретарь из бюро) и в свободное время печатала на машинке рукописи. В особой папке она хранила все школьные табели Тодда. Ее любимый табель сына — последний за четвертый класс, на котором миссис Апшоу написала: «Тодд — исключительно способный ученик.» Он и правда был способный. Одни пятерки и четверки. Если бы учился лучше — на одни пятерки, к примеру, — его друзья подумали бы, что он колдун.

Тодд остановил велосипед перед домом номер 963 по Клермонт-стрит. Дом представлял собой маленькое бунгало, расположенное в глубине участка, белое с зелеными ставнями и зеленым газоном. Перед фасадом — живая изгородь, хорошо политая и аккуратно подстриженная.

Тодд откинул с лица белокурые волосы и повел велосипед по бетонной дорожке к крыльцу. Он все время улыбался, и улыбка была открытая, предвкушающая и прекрасная — отлично демонстрирующая достижения современной стоматологии и фторированной воды. Он отогнул подставку для велосипеда ногой, обутой в кроссовку «Найк», и поднял с нижней ступеньки сложенную газету. Это была «Лос-Анджелес Таймс», а не «Кларион». Сунул ее под мышку и поднялся на крыльцо. Наверху была массивная деревянная дверь без окошка, а перед ней — дверь-экран, закрытая на засов. Под звонком, на правом косяке,

висели две маленькие таблички, аккуратно привинченные к дереву и покрытые защитным пластиком, чтобы не пожелтели и не размокли. «Немецкая аккуратность», — подумал Тодд, и его улыбка стала чуть шире. Это была взрослая мысль, а он всегда поздравлял себя, когда в голову приходили взрослые мысли.

На верхней табличке указано имя: «Артур Денкер».

Нижняя гласила: «Не звонить: сборщикам пожертвований, разносчикам и торговцам».

Все так же улыбаясь, Тодд позвонил.

И услышал приглушенный звук где-то в глубине дома. Убрав палец с кнопки звонка и слегка наклонив голову, он прислушался к шагам. Их не было. Тодд посмотрел на свои часы «Таймекс», купленные за премию от продажи поздравительных открыток. Часы показывали двадцать минут одиннадцатого. Хозяин должен уже подняться. Сам Тодд всегда вставал самое позднее в половине восьмого, даже во время летних каникул. Кто рано встает — тому Бог дает.

Тодд послушал еще с полминуты, но в доме было тихо. Тогда он надавил кнопку звонка, глядя на секундную стрелку «Таймекса», и звонил ровно семьдесят одну секунду, когда, наконец, послышались шаркающие шаги. Шлепанцы — определил он по характерному «шлеп-шлеп». Тодд увлекался дедукцией. Нынешняя мечта его была стать частным детективом, когда вырастет.

— Ладно, ладно! — ворчливо кричал тот, кто выдавал себя за Артура Денкера. — Иду уже! Перестаньте! Я иду!

Тодд отпустил кнопку звонка и посмотрел на палец. На нем был красный кружок. Зазвенела цепочка и заскрежетал замок с внутренней стороны деревянной двери без окошка. Потом дверь распахнулась.

Пожилой мужчина, закутанный в банный халат, стоял и смотрел сквозь экран. Между пальцами у него дымилась сигарета. Тодд подумал, что мужчина похож одновременно на Альберта Эйнштейна и Бориса Карлоффа. Его длинные белые волосы, начавшие неприятно желтеть, напоминали скорее цвет никотина, чем слоновой кости. Лицо было морщинистым, с мешками под глазами, отекшими ото сна, и Тодд с отвращением заметил, что мужчина не брился уже дня два. Отец Тодда любил повторять: «Бритье придает блеск утру». Он брился каждый день, независимо от того, шел на работу или нет.

Глаза, настороженно смотревшие на Тодда, были запавшие, с красными кругами. Тодд почувствовал разочарование. Этот мужчина и впрямь был немного похож на Альберта Эйнштейна и слегка напоминал Бориса Карлоффа, но больше всего походил на

старого жалкого пьяницу, из тех, что слоняются на заброшенной станции.

«Ничего, — напомнил себе Тодд, — ведь он только что встал». Тодд видел этого мужчину много раз до сегодняшнего дня (хотя очень старался, чтобы тот ни в коем случае его не заметил); на официальных выходах Денкер держался подтянуто, сохраняя выправку отставного военного, несмотря на то, что ему было 76 лет, если в статье, которую Тодд прочитал в библиотеке, правильно указана дата рождения. В те дни, когда Тодд незаметно сопровождал его в Шоп-райт, где Денкер делал покупки, или в один из трех кинотеатров, куда старик ходил, тот всегда был одет в один из четырех хорошо сохранившихся костюмов, независимо от погоды. Если собирался дождь, Денкер брал с собой складной зонт и нес под мышкой, как офицерскую трость. Иногда он надевал мягкую фетровую шляпу. Когда Денкер выходил гулять, то всегда был чисто выбрит, а белые усы (которые носил, чтобы скрыть неудачно исправленную заячью губу) были аккуратно подстрижены.

— Мальчик, — сказал Денкер.

Его голос был грустным и сонным. Тодд увидел с новым разочарованием, что на нем вылинявший и грязный халат. Одна сторона закругленного воротника была приподнята под прямым углом и упиралась в складки шеи. На левом лацкане сверкали пятна от чего-то, похожего на соус чили или соус к бифштексу А-1, от халата исходил запах сигарет и перегара.

— Мальчик, — повторил старик. — Мне ничего не нужно, мальчик. Прочти табличку. Ты ведь умеешь читать? Все американские мальчики умеют читать. Не будь надоедливым. Всего хорошего.

Дверь стала закрываться.

«Я мог упустить все именно тогда», — думал потом Тодд в одну из ночей, когда не мог заснуть Возможно, повлияло разочарование от первой личной встречи, когда он увидел мужчину вблизи, как бы без парадного лица, словно тот спрятал лицо в шкаф вместе со шляпой и зонтом. В тот миг все могло окончиться, простой незначительный щелчок замка мог, словно ножницами, отсечь все, что произошло потом. Но, как заметил сам мужчина, он — американский мальчик, и его учили, что упорство — это достоинство.

— Не забудьте газету, мистер Дуссандер, — сказал Тодд, вежливо протягивая «Таймс».

Дверь вдруг замерла в нескольких дюймах от косяка. На лице Курта Дуссандера мелькнуло напряженное и настороженное выражение, даже проступил страх, но тут же пропал. Тодду

понравилось, как он справился со своими чувствами, но мальчик был разочарован в третий раз. Он ожидал от Дуссандера полнейшей невозмутимости, а не просто умения владеть собой.

— О, Господи, — подумал Тодд с отвращением, — Боже мой!

Мужчина снова открыл дверь. Рука, скрюченная подагрой, отодвинула задвижку на двери-экране. Та же рука слегка приоткрыла эту дверь, ровно настолько, чтобы, как паук, проскользнуть в щель и ухватить край газеты, протянутой Тоддом. Мальчик с неприязнью заметил, что ногти у мужчины длинные, желтоватые и ороговевшие. Это та рука, что во время прогулок держит зажженные сигареты — одну за другой. Тодд считал, что курение — пагубная привычка, лично он этого делать не будет никогда. И вообще интересно, как Дуссандеру удалось прожить так долго.

Старик потянул газету к себе:

— Отдай мне газету.

— Конечно, мистер Дуссандер. — Тодд разжал пальцы. Паучья рука тут же утащила газету внутрь. Дверь-экран закрылась.

— Меня зовут Денкер, — сказал старик. — А никакой не Дуузандер. По-видимому, читать ты не умеешь. А жаль. Всего хорошего.

Вторая дверь опять начала закрываться. Тодд быстро проговорил в сужающуюся щель:

— Берген-Балзен, с января 1943 до июня 1943, Аушвиц — с июня 1943 до июня 1944, унтеркоммандант. Патин…

Дверь снова замерла. Старик выглянул, и его бледное лицо повисло в проеме, как смятый, сдувшийся воздушный шарик. Тодд улыбался.

— Вы уехали из Патина прямо перед приходом русских. Сбежали в Буэнос-Айрес. Говорят, что там вы разбогатели, вкладывая золото, вывезенное из Германии, в наркобизнес. Во всяком случае, с 1950 по 1952 вы жили в Мехико. Потом…

— Мальчик, у тебя, должно быть, крыша поехала, — один из скрюченных артритом пальцев описал дугу у виска. Но беззубый рот дрожал в неприкрытом страхе.

— С 1952 до 1958, я не знаю точно, — продолжал Тодд, улыбаясь еще шире, — да и никто, наверное, не знает, а если и знают, то не говорят. Но израильский агент засек вас на Кубе, где вы работали консьержем в большом отеле, перед тем как Кастро пришел к власти. Вас потеряли из виду, когда мятежники вошли в Гавану. Вы вынырнули в Западном Берлине в 1965. Там вас чуть не сцапали.

Последние слова этой фразы мальчик выдохнул в одно слово.

Одновременно он сжал пальцы в большой скользящий кулак. Взгляд Дуссандера упал на ухоженные, холеные американские руки, созданные для склеивания гоночных катеров-мыльниц и моделей «Авроры». Тодд мастерил и то, и другое. В самом деле, год назад они с отцом построили модель «Титаника». На это ушло почти четыре месяца, и отец Тодда поставил модель у себя в кабинете.

— Я не понимаю, о чем ты говоришь, — промямлил Дуссандер.

Без вставных зубов слова его звучали шепеляво, Тодду это не нравилось. Они звучали как-то… не по-настоящему. Полковник Клинк из «Героев Хогана» был больше похож на настоящего нациста, чем Дуссандер. Но в свое время он, наверное, был орел. В статье о концлагерях в журнале «Менс Экшен» автор назвал его «кровавый изверг Патина».

— Убирайся, пацан. Пока я не вызвал полицию.

— Ага, вам и правда лучше вызвать ее, мистер Дуссандер. Или герр Дуссандер, если вам угодно.

Тодд продолжал улыбаться, демонстрируя белизну зубов, которые трижды в день обрабатывались всю жизнь пастой «КРЭСТ».

— С 1965 никто вас больше не видел… пока я два месяца назад не заметил вас на автобусной остановке.

— Ты явно нездоров.

— Так что, если хотите вызвать полицию, — продолжал, улыбаясь, Тодд, — пожалуйста. Я подожду на крылечке. Но если вам не очень хочется вызывать их прямо сейчас, я бы мог зайти. Мы бы поговорили.

Старик довольно долго рассматривал улыбающегося мальчика. Птицы щебетали на деревьях. Было слышно, как в соседнем квартале работает газонокосилка, а издалека, с оживленных улиц, доносились звуки клаксонов машин, ощущался ритм жизни и коммерции.

Несмотря ни на что, Тодд почувствовал тень сомнения. Он же не мог ошибиться, ведь так? Неужели где-то ошибся? Ему так не казалось, но это была не задачка из учебника, а реальная жизнь. Поэтому он ощутил прилив облегчения (слабого облегчения, уверял он себя потом), когда Дуссандер сказал:

— Ну, если хочешь, зайди ненадолго. Но только потому что я не желаю тебе неприятностей, понял?

— Конечно, мистер Дуссандер, — сказал Тодд.

Он открыл дверь-экран и шагнул в прихожую. Дуссандер запер за ним дверь, оставив утро снаружи.

В доме был затхлый, слегка хмельной запах. Так иногда

пахло и в доме Тодда, наутро после вечеринки, устроенной родителями, и перед проветриванием. Но здесь пахло хуже. Здесь был впитавшийся, въевшийся навсегда запах. Пахло ликером, чем-то жареным, старой одеждой, какими-то вонючими лекарствами типа «Викс» или «Ментолатум».

В прихожей темно, Дуссандер стоял очень близко, голова его возвышалась над воротником халата как голова стервятника в ожидании, когда раненое животное отдаст Богу душу. И в этот миг Тодд вдруг отчетливо, лучше, чем на улице, разглядел в нем мужчину в черной форме СС. И лезвие страха вонзилось куда-то в живот. Слабого страха, поправлял он себя позже.

— Я хочу сказать, что если со мной что-то случится… — начал Тодд.

Но Дуссандер прошел мимо него в гостиную, шаркая шлепанцами по полу, и как-то презрительно махнув рукой. Тодд ощутил прилив горячей крови к шее и щекам.

Мальчик прошел следом за стариком, улыбка впервые исчезла с его лица. Он представлял себе это несколько иначе. Но все равно, все должно сработать. Надо собраться, сосредоточиться. Он опять заулыбался, входя в гостиную.

Еще одно разочарование — и какое! — хотя к этому он, в общем-то, был готов. Естественно, на стенах не было ни портрета Гитлера с косой челкой и глазами, преследующими тебя всюду. Ни медалей в коробочках, ни церемониального меча на стене, ни «парабеллума» или «вальтера» на камине.

«Конечно, — говорил себе Тодд, — только полный идиот мог выставить такие штуки на всеобщее обозрение».

И все равно, трудно порой выбросить из головы то, что показывают в кино и по телевизору. Обстановка в гостиной была типичной для одинокого старика, живущего на мизерную пенсию. Имитация камина, выложенного ненастоящим кирпичом. Над камином — часы. Усы комнатной антенны черно-белого телевизора «Моторола» обмотаны алюминиевой фольгой для улучшения приема. Темно-серый палас протерт во многих местах. У дивана на подставке — экземпляры «Нэшнл Джеографик», «Ридерс Дайджест» и «Лос-Анджелес Таймс». Вместо портрета Гитлера или церемониального меча на стене в рамочке свидетельство о гражданстве и портрет женщины в забавной шляпке. Позже Дуссандер объяснил ему, что такие шляпки назывались «колпак» и были очень модны в двадцатые и тридцатые годы.

— Моя жена, — сказал Дуссандер сентиментально. — Она умерла в 1955 после болезни легких. Я тогда работал чертежником в компании «Меншлер Моторс Уоркс» в Эссене. Я

ужасно переживал.

Тодд продолжал улыбаться. Он подошел ближе, словно желая получше рассмотреть фотографию. Но вместо этого вдруг потрогал абажур небольшой настольной лампы.

— Не трогай! — резко крикнул Дуссандер.

Тодд аж отскочил.

— Вот это да! — искренне признался он. — Настоящий командный голос. А это у Эльзы Кох были абажуры из человеческой кожи, да? И еще она проделывала фокус с маленькими газовыми трубочками.

— Я не знаю, о чем ты говоришь, — сказал Дуссандер.

На телевизоре лежала пачка сигарет «Кул» без фильтра. Он предложил сигарету Тодду.

— Закуришь? — спросил Дуссандер и улыбнулся.

Улыбка была недоброй.

— Нет. От сигарет бывает рак легких. Мой отец раньше курил, а потом бросил. Он вступил в Клуб бросивших курить.

— Неужели?

Дуссандер достал деревянную спичку из кармана халата и бездумно чиркнул ею о пластиковый корпус телевизора. Выпуская дым, он сказал:

— Ты мог бы привести мне хоть одну причину, почему мне не вызвать полицию и не рассказать о твоих чудовищных обвинениях. Есть хоть одна причина? Говори быстро, парень. Телефон в прихожей. Я думаю, твой отец тебя выпорет. И тебе за обедом потом придется с неделю сидеть на подушке, да?

— Мои родители не сторонники порки. Телесные наказания порождают больше проблем, чем решают. — Глаза Тодда вдруг сверкнули. — А вы кого-нибудь из них пороли? А женщин? Вы снимали с них одежду и…

Со сдавленным стоном Дуссандер направился к телефону.

Тодд холодно произнес:

— Вам лучше этого не делать.

Дуссандер повернулся. Взвешенным тоном, который несколько портило отсутствие вставных зубов, он сказал:

— Вот что я скажу тебе, мальчик, скажу раз и навсегда. Мое имя Артур Денкер. Я его никогда не изменял, даже не американизировал. Артуром меня назвал отец, который очень увлекался рассказами Артура Конан Дойля. Я никогда не был ни Ду-зандером, ни Гиммлером, ни Санта-Клаусом. Я был лейтенантом запаса во время войны, и никогда не вступал в нацистскую партию. В берлинской каше я варился три года. Принял эти взгляды в конце тридцатых, когда женился в первый раз, и тогда поддерживал Гитлера. Он покончил с депрессией и

вернул стране часть той гордости, которую мы потеряли после отвратительного и позорного Версальского договора. Считаю, что поддерживал его, в основном, потому, что у меня снова была работа и табак, и не надо было подбирать окурки на улицах, если хотелось курить. Тогда, в конце тридцатых, он мне казался великим. И был по-своему великим человеком. Но под конец стал безумцем, направляющим мифические армии по указанию астролога. Он даже собаке своей — Блонди — дал капсулу с ядом. Поступок безумца — к концу войны они все обезумели: пели песню Хорста Весселя и поили ядом своих детей. 2 мая мой полк сдался в плен американцам. Я помню, что рядовой по фамилии Хакенмайер дал мне шоколадку. Я плакал. Уже незачем было сражаться: война закончилась, хотя, по правде говоря, она кончилась еще в феврале. Я был интернирован в Эссен и со мной обращались нормально. Мы по радио слушали процесс в Нюрнберге, и когда Геринг покончил с собой, я сменял четырнадцать американских сигарет на полбутылки шнапса и напился. Освободили в январе 1946. Я ставил колеса на автомобили в «Меншлер Моторс Уоркс» в Эссене до 1963, потом вышел на пенсию и эмигрировал в Штаты. Приехать сюда я мечтал давно. В 1967 получил гражданство. Я — американец. Имею право голосовать. И никакого Буэнос-Айреса, никакого наркобизнеса, никакого Берлина, никакой Кубы — он произносил протяжно Ку-уба — а теперь, если ты не уйдешь, я позвоню в полицию.

Он видел, что Тодд не пошевелился. Тогда вышел в прихожую и снял трубку. Тодд по-прежнему стоял в гостиной, у стола с небольшой лампой.

Дуссандер стал набирать номер. Тодд наблюдал за ним, но его сердце билось все чаще. После четвертой цифры Дуссандер повернулся и посмотрел. Плечи его обвисли. Он положил трубку.

— Мальчишка, — выдохнул он. — Пацан.

Тодд улыбался широко, но скромно.

— Как ты узнал?

— Немного удачи и много тяжелой работы, — ответил Тодд. — У меня есть товарищ, его зовут Гарольд Пеглер, но друзья называют его Фокси. Он играет в защите второй базы у нас в команде. А у его отца в гараже полно журналов. Целые кипы. Военных журналов. Оки старые. Я искал более свежие, но продавец в киоске напротив школы сказал, что большинство из них уже не выходит. Во многих есть фотографии фрицев, — я имею в виду немецких солдат, — и японцев, издевающихся над женщинами. И статьи о концентрационных лагерях. Я чуть не рехнулся на этих лагерях.

— Ты на этом, повелся, — Дуссандер уставился на него, почесывая щеку с характерным абразивным звуком.

— Повелся. Ну знаете, меня это захватило. Мне стало интересно.

Тодд запомнил тот день в гараже Фокси во всех мельчайших подробностях — более точно и ясно, чем все остальное в жизни. Он вспомнил, как в четвертом классе перед Днем карьеры миссис Андерсон (все дети называли ее Кроликом из-за крупных передних зубов) говорила им о том, что она называла «Свой главный интерес».

— Он возникает внезапно, — торжественно изрекала она. — Однажды впервые увидишь что-то и сразу почувствуешь, что ты обрел «Свой главный интерес». Это — как ключ в момент открывания замка. Или первая любовь. Вот почему, дети, День карьеры имеет такое огромное значение — он может стать днем, когда вы найдете «Свой главный интерес». — И она стала рассказывать о своем главном интересе, который, как оказалось, заключался не в том, чтобы учить четвероклассников, а коллекционировать открытки девятнадцатого века.

Тодд тогда считал, что все это чушь собачья, но потом в гараже Фокси вспомнил каждое ее слово и подумал, что, может быть, она не так уж не права.

В тот день запускали цветные ракеты и устроили фейерверк. Тодд запомнил запах гари — жаркий и жирный. Запомнил стрижку Фокси «ежик» и хлопья бриолина, прилипшие к его лбу. Он запомнил все.

— Здесь где-то должны быть комиксы, — сказал Фокси. У его матери с похмелья болела голова, и она вытолкала их из дома, чтобы не шумели. — Потрясные комиксы, в основном вестерны, но есть и «Турок», «Сын камней», и…

— А это что за журналы? — спросил Тодд, указывая на огромные стопки подшивок в картонных коробках под лестницей.

— Да так, ничего хорошего, — ответил Фокси, — документальные рассказы о войне. Скукотища.

— Можно посмотреть?

— Конечно. А я поищу комиксы.

Но когда Фокси Пеглер нашел комиксы, Тодду уже было не до них. Он с головой окунулся в чтение.

…Как ключ, открывающий замок. Или первая любовь.

Именно так и было. Он, конечно же, знал о войне, не о той глупой, что идет сейчас, где американцев бьет и громит кучка узкоглазых в черных пижамах, а о Второй мировой войне. Он знал, что американцы носили круглые каски с сеткой, а у немцев были квадратные. Знал, что американцы выиграли почти все

сражения, и что к концу войны германцы изобрели ракеты и обстреливали Лондон. Он даже кое-что слышал о концентрационных лагерях.

То, что он нашел в журналах под лестницей в гараже Фокси, отличалось от прежних знаний так, как статья о микробах от препарата под микроскопом, где они живые ползают и извиваются.

Вот Эльза Кох. А вот крематории с открытыми дверями на закопченных петлях. Вот офицеры в форме СС и заключенные в полосатых робах. От старых бумажных страниц исходил тот же запах, что и от фейерверков, загоревшихся на восточной окраине Санто-Донато, и он ощущал, как старая бумага крошится между пальцами, и переворачивал страницы, но уже не в гараже, а где-то посередине времени, пытаясь осознать, что *они действительно такое творили,* что *кто-то действительно такое делал,* и что *кто-то позволил им такое вытворять.* У него разболелась голова от смеси отвращения и возбуждения, глаза стало жечь от напряжения, но он продолжал читать, и из колонки текста под фотографией, где были изображены сваленные в кучу тела в местечке под названием Дахау, он выделил вдруг цифру

6 000 000.

И он подумал: *тут что-то не так, кто-то по ошибке добавил ноль или два, это же в три раза больше, чем людей в Лос-Анджелесе.* Но потом, в другом журнале (на обложке была женщина, прикованная к стене, а мужчина в нацистской форме приближался к ней с кочергой в руке и ухмылкой на лице), он опять увидел:

6 000 000.

Голова стала болеть сильнее, во рту пересохло. Смутно, словно издалека, он слышал, как Фокси говорил, что ему пора ужинать, Тодд спросил Фокси, нельзя ли побыть в гараже и почитать, пока тот будет есть. Фокси взглянул на него с недоумением, пожал плечами и разрешил. И Тодд читал, согнувшись над кипами старых настоящих военных журналов, пока мама не позвонила и не спросила, собирается ли он вообще идти домой.

Как ключ в момент открывания замка.

Во всех журналах говорилось, что все, что произошло, было ужасно. Но все истории имели продолжения в конце книжки, и когда переходишь к нужной странице, видишь, что вокруг слов о том, как ужасно это было, полно рекламных объявлений о продаже немецких ножей, ремней и касок, а рядом — «волшебный корсет», патентованный восстановитель для волос. Продавались фашистские флаги со свастикой и нацистские «парабеллумы»,

игра под названием «Танковая атака» и тут же разнообразные уроки и предложения разбогатеть на продаже туфель на каблуках для мужчин невысокого роста. Говорят, что это было ужасно, но похоже, что многим было просто все равно.

Как первая любовь.

Да, он хорошо запомнил тот день. Запомнил все, связанное с ним: пожелтевший настенный календарь за давнишний год на черной стене, масляное пятно на бетонном полу, оранжевую веревку, перетягивающую связки журналов. Помнил, как сильно начинала болеть голова, когда он думал об этой невероятной цифре:

6 000 000.

Он запомнил свою мысль: «Я хочу знать обо всем, что происходило в тех местах. Все. И хочу знать, где больше правды — в статьях или рекламных объявлениях, помещенных рядом».

Он вспомнил миссис Кролик Андерсон, когда, наконец, запихнул коробки обратно под лестницу, и подумал: «Она была права. Я нашел свой главный интерес».

Дуссандер долго глядел на Тодда. Потом прошел через гостиную и тяжело опустился в кресло-качалку. Снова посмотрел на Тодда, не в силах понять чуть мечтательное, чуть ностальгическое выражение на лице мальчика.

— Да. Я заинтересовался этим после журналов, но мне показалось, что многое из того, что написано, — чушь собачья. Поэтому пошел в библиотеку и узнал гораздо больше. Кое-что было даже покруче. Сначала противная библиотекарша не давала мне посмотреть, потому что это во взрослом отделе, но я сказал ей, что мне нужно для школы. Если для школы — тогда можно. Хотя она все равно позвонила отцу. — Тодд презрительно поднял глаза вверх. — Она думала, что отец не знает, чем я занимаюсь, понимаете?

— А он знал?

— Конечно. Мой отец считает, что дети должны узнавать о жизни все и как можно раньше — и плохое, и хорошее. Тогда они к этому будут готовы. Он говорит, что жизнь — это тигр, которого надо ухватить за хвост, и если не будешь знать его повадки, он тебя загрызет.

— Да-а-а, — протянул Дуссандер.

— И мама так считает.

— Да-а.

Дуссандер, похоже, был настолько изумлен, что плохо понимал, что происходит.

— Во всяком случае, — сказал Тодд, — в библиотеке оказалось много нужной информации. Наверное, сотни книг, где

написано о нацистских концлагерях, хранятся в библиотеке Санто-Донато. Оказывается, многие читают об этом. В этих книгах не так много фотографий, как в журналах Фокси, но подробности просто потрясают. Стулья с гвоздями, торчащими из сидений, специальные щипцы для вырывания золотых зубов, отравляющий газ, выпускаемый из душевых распылителей. — Тодд покачал головой. — Вы здорово перегнули палку тогда, знаете? В самом деле.

— Перегнули, — тяжело вздохнул Дуссандер.

— Я провел исследовательскую работу, и знаете, что мне поставили? Пять с плюсом. Конечно, мне надо быть осторожным. Приходится все писать определенным образом. Приходится быть осторожным.

— Определенным образом? — спросил Дуссандер.

Он взял еще одну сигарету дрожащей рукой.

— Да, все эти библиотечные книги, они как-то по-особому написаны. Как будто тех, кто их писал, тошнило от того, о чем они писали. — Тодд напряженно сдвигал брови, старательно подбирая слова. Задачу усложняло то, что в его лексиконе не было слова «тон» применительно к литературе. — Они все пишут так, будто не спали ночами из-за этого. И о том, как должны следить, чтобы ничего подобного не повторилось. Я написал свой реферат так же, и, думаю, учитель поставил мне «пять» только за то, что, когда я читал первоисточники, меня не вырвало. — Тодд победно улыбнулся.

Дуссандер глубоко затянулся сигаретой без фильтра. Окурок слегка дрожал. Выпуская дым через ноздри, он закашлялся по-стариковски, мокрым, глухим кашлем.

— Мне с трудом верится, что мы разговариваем наяву, — сказал он. Потом наклонился вперед и пристально посмотрел на Тодда. — Парень, а ты знаешь такое слово «экзистенциализм»?

Тодд пропустил вопрос мимо ушей.

— А вы встречали хоть раз Эльзу Кох?

— Эльзу Кох? — переспросил Дуссандер и еле слышно ответил. — Да, мы встречались.

— Она была красивая? — нетерпеливо спросил Тодд — Я имею в виду… — его руки нарисовали в воздухе песочные часы.

— Неужели ты не видел ее фотографии? — спросил Дуссандер. — Такой энтузиаст, и не видел?

— Кто это — «энтузиаст»?

— Энтузиаст, — объяснил Дуссандер, — тот, кто увлекается, кто… подражает чему-то.

— Да? Круто, — Улыбка Тодда, недоумевающая и слабая, снова засияла торжествующе. — Конечно, я видел ее фото. Но вы

же знаете, какие фото в этих книгах, — сказал он так, словно Дуссандер все их читал. — Черно-белые, нерезкие — так, просто снимки. Никто из этих ребят не знал, кого они фотографируют, как бы это… историю. А она правда была пышной?

— Она была толстая и коренастая, с плохой кожей, — коротко ответил Дуссандер и потушил свою недокуренную до половины сигарету об одноразовую тарелочку «Тейбл Ток», полную окурков.

— Вот ужас! — лицо Тодда потухло.

— Просто удача, — задумчиво произнес Дуссандер, глядя на Тодда. — Значит, ты увидел мою фотографию в военно-приключенческом журнале, а потом оказался рядом на автобусной остановке. Черт! — Он стукнул кулаком по подлокотнику, но не сильно.

— Не только, мистер Дуссандер. Все было гораздо сложнее. Гораздо, — честно добавил Тодд, с полупоклоном наклонившись вперед.

— В самом деле? — лохматые брови старика изогнулись, выражая вежливое недоверие.

— Конечно. Я имею в виду, что все фото в моем блокноте с вырезками были тридцатилетней давности, как минимум. Считая от 1974.

— Ты собирал вырезки?

— Да, сэр. У меня очень хороший блокнот — сотни фотографий. Когда-нибудь я вам покажу. Вы обалдеете. — На лице Дуссандера появилась гримаса отвращения, но он промолчал.

— Первые пару раз, когда видел вас, я совсем не был уверен. А потом вы садились как-то в автобус, когда шел дождь, и на вас был такой черный блестящий плащ…

— Так… — выдохнул Дуссандер.

— Да, а в одном из журналов в гараже Фокси было ваше фото примерно в таком же плаще. А еще в одной библиотечной книге было ваше фото в шинели СС. И когда я увидел вас в тот день, то сказал себе: «Точно. Это Курт Дуссандер». И я стал вас сопровождать.

— Ты стал делать что?

— Сопровождать, ну… следить за вами. Я мечтаю стать частным детективом, как Сэм Спейд из книжки или Мэннокс из телесериала. Я был очень осторожен. Не хотел, чтобы вы что-то заметили. Хотите взглянуть на снимки?

Тодд достал из заднего кармана сложенный вдвое желтый конверт. От тепла клапан приклеился. Он аккуратно его отклеил. Глаза сверкали, как у мальчишки, думающем о своем дне

рождения, или о Рождестве, или о петардах и ракетах, которые он будет запускать в День независимости четвертого июля.

— *Ты меня фотографировал?*

— Еще бы! У меня есть маленький аппарат. Кодак. Тонкий и плоский, и помещается на ладони. Если отвинтить ремешок, то можно снимать объекты просто держа камеру в руке и раздвигая пальцы, чтобы не закрывать объектив. Потом нажимаешь кнопку большим пальцем. — Тодд скромно захихикал. — Пока я отвинчивал ремешок, столько наделал кадров со своими пальцами. Держал его вот так. И считаю, что можно сделать, что угодно, если постараться. Это затасканная фраза, но это правда.

Курт Дуссандер стал бледнеть прямо на глазах.

— Ты печатал снимки в агентстве, да, мальчик?

— Чего? — Тодд поглядел возмущенно и испуганно, потом с подозрением. — Нет, конечно, что я, дурак, что ли? У моего отца есть фотолаборатория. Я сам проявляю и печатаю снимки с девяти лет.

Дуссандер ничего не сказал, но у него слегка отлегло от сердца, и лицо снова стало приобретать живые краски.

Тодд протянул ему несколько блестящих снимков, неровные края которых выдавали их домашнее происхождение. Дуссандер просмотрел их в печальном молчании. Вот он сидит у окна в автобусе в центре города, спина прямая, со свежим номером газеты Джеймса Миченера «Сентенниал» в руках. Вот он на автобусной остановке на Девон-авеню с зонтом под мышкой, гордо подняв голову и напоминая Шарля де Голля в лучшие его годы. А здесь он стоит в очереди под навесом театра «Мажестик», прямой и молчаливый, сильно выделяющийся своей выправкой и ростом среди вальяжных подростков и бесцветных домохозяек в бигудях. Наконец, вот заглядывает в свой собственный почтовый ящик.

— Я боялся, что здесь меня засечете, — сказал Тодд, — это было очень рискованно. Я стоял напротив. Как жаль, что у меня не было «Минолты» с телеобъективом. Когда-нибудь… — сожалел он.

— У тебя, конечно же, была заготовлена история, на всякий случай.

— Я собирался спросить, не видели ли вы моей собаки. Так вот, когда я проявил пленку, то сравнил снимки вот с этим.

Он протянул Дуссандеру три ксерокопии фотографий. Дуссандер их видел раньше, и не раз. На первой он в своем кабинете в Патине; ее так отретушировали, что ничего не было видно, кроме него и нацистского флага на древке у стола. Вторая фотография была сделана в день его поступления на службу. На

последней он пожимал руку Генриху Глюку, который подчинялся только самому Гиммлеру.

— Я тогда был уверен, но не мог разобрать, есть ли у вас заячья губа из-за ваших проклятых усов. И чтобы убедиться окончательно, раздобыл вот это, — сказал Тодд.

Он достал последний листок из конверта. Листок был сложен в несколько раз и загрязнился на сгибах. Уголки загнуты и стерты — такой становятся бумаги после долгого пребывания в карманах мальчишек, у которых всегда есть, чем заняться и куда пойти. Это была копия израильского объявления о розыске Курта Дуссандера. Держа листок в руках, Дуссандер подумал о трупах, которые не успокоились и не желают быть погребенными.

— Я снял ваши отпечатки пальцев, — сказал Тодд, улыбаясь, — а потом сравнил с теми, что на листе розыска.

Дуссандер от изумления открыл рот, а потом выругался по-немецки.

— Не может быть!

— Почему? Мама с папой подарили мне в прошлом году на Рождество набор для снятия отпечатков пальцев. Настоящий, а не игрушечный. Там порошок, три кисточки для трех разных поверхностей и специальная бумага, чтобы переводить отпечатки. Мои родители знают, что я хочу быть частным детективом, когда вырасту. Естественно, они думают, что я перерасту. — Он отмел эту идею безразличным пожатием плеч. — В книге рассказано все про линии, поля и точки похожести. Они называются сравнительные признаки. Нужно восемь таких признаков, чтобы отпечаток был принят судом. Так что однажды, когда вы были в кино, я пришел сюда, напылил порошок на почтовый ящик и дверную ручку и снял все отпечатки. Здорово, да?

Дуссандер молчал. Он сжимал подлокотники кресла, и его беззубый, провалившийся рот дрожал. Тодду это не нравилось. Казалось, старик вот-вот расплачется. А это уже было смешно. Кровавый изверг Патина в слезах? Скорее Шевроле обанкротится, или Макдональдс откажется от гамбургеров и станет продавать икру и трюфели.

— У меня два комплекта отпечатков. В одном из них нет ни одного похожего на те, что в розыске. Очевидно, это пальцы почтальона. Остальные — ваши. Я нашел больше восьми признаков. Нашел четырнадцать и отличных. — Он улыбнулся. — Вот так все и было.

— Ты — маленький ублюдок, — сказал Дуссандер, и на секунду его глаза опасно засверкали. Тодд опять ощутил страх, тот же-что и в прихожей. Потом Дуссандер снова откинулся назад.

— Кому ты рассказал?

— Никому.

— Даже этому другу? Этому Кони Пеглеру?

— Фокси. Фокси Пеглер. Нет, он трепло. Не сказал никому. Я никому не доверяю.

— И чего тебе надо? Денег? Здесь их у меня нет. Они-были в Южной Америке, ведь нет ничего более романтичного и в то же время более опасного, чем торговля наркотиками. Существует, вернее существовала, такая сеть из старых друзей в Бразилии, Парагвае и Санто-Доминго. Беглецы после войны. Я вошел в их круг и сколотил состояние на минералах и рудах — олово, медь, бокситы. А потом все изменилось. Национализм, антиамериканизм. Я уже было пересидел все эти перемены, когда вдруг напали на мой след. Беда никогда не приходит одна, парень, как кобели за сучкой во время течки. Дважды меня чуть не поймали. Я даже слышал однажды голоса этих еврейских выродков в соседней комнате. — Они повесили Эйхмана, — прошептал он. Рука его потянулась к затылку, а глаза округлились, как у ребенка, слушающего самую ужасную часть страшной сказки «Гензель и Гретель», а может «Синяя Борода». — Он был старик, не опасный ни для кого. Был вне политики. И все равно его повесили.

Тодд кивнул.

— В конце концов я обратился к единственным людям, кто мог помочь. Они помогали другим, а я не мог больше убегать.

— Вы поехали в Одессу? — нетерпеливо спросил Тодд.

— На Сицилию, — сухо сказал Дуссандер. И лицо Тодда опять потухло. — Все было в ажуре. Фальшивые документы, фальшивое прошлое. Ты не хочешь выпить, пацан?

— С удовольствием. У вас есть кока-кола?

— Кока-колы нет. — Он произносил «кёка».

— А молоко?

— Молоко есть, — Дуссандер прошел через арку в кухню. Зажглась длинная лампа дневного света. — Я сейчас живу на дивиденды от акций, — вернулся его голос. — Акции приобрел после войны на другое имя. Через один банк в штате Мэн, если хотите. Банкир, купивший их для меня, сел в тюрьму за убийство своей жены через год после того, как я их приобрел… странная иногда эта штука — жизнь, а, пацан?

Дверь холодильника открылась и закрылась.

— Сицилийские шакалы ничего не знали об этих акциях, — продолжал он. — Это сегодня они — повсюду, а в те годы ближе Бостона их было не найти. Если бы они узнали, отобрали б. Они бы отправили меня в Америку безо всего, голодать на пособие и

талоны на питание.

Тодд услышал, как открылась дверь буфета, потом звук наливаемой в стакан жидкости.

— Немного «Дженерал Моторс», немного «Американ Телефон энд Телеграф», сто пятьдесят акций «Ревлона». Все по выбору банкира. Его звали Дуфресне, — я запомнил, потому что похоже на мое имя. Кажется, в женоубийстве он был не столь ловок, как в выборе нужных акций. Убийство в порыве страсти, мальчик. Это подтверждает только то, что все мужчины — ослы, умеющие читать.

Он вернулся в комнату, шаркая шлепанцами. В руках держал два зеленых пластиковых стакана, из тех, что иногда дают в виде премии на открытии бензоколонок. Заправил бак — получи бесплатно стакан. Дуссандер протянул стакан Тодду.

— Первые пять лет я жил в соответствии с портфелем акций, купленных этим Дуфресне. А потом продал акции «Даймонд Матч», чтобы купить вот этот дом и небольшой коттедж недалеко от Биг Сур. А потом инфляция. Спад. Я продал коттедж, потом одну за другой все акции, многие с фантастической прибылью. Я так жалел, что не купил тогда больше. Но думал, что хорошо защищен в других отношениях, эти акции были, как говорите вы, американцы, — авантюра. — Он присвистнул беззубым ртом и сжал пальцы.

Тодду стало скучно. Он сюда пришел не за тем, чтобы выслушивать, как Дуссандер скулит о своих деньгах или бормочет об акциях. У него и в мыслях не было шантажировать Дуссандера. Деньги? Зачем они ему? У него были деньги на карманные расходы, он разносил газеты. Если ему нужно было больше, чем обычно зарабатывал в неделю, всегда можно найти, кому подстричь газон.

Тодд поднес молоко к губам и засомневался. Улыбка опять зажглась, на этот раз восхищенная. Он протянул стакан с бензоколонки Дуссандеру:

— Попробуйте сначала вы, — хитро сказал он.

Дуссандер поглядел на него непонимающе, а потом закатил покрасневшие глаза: «Майн Готт!» Он взял стакан, дважды отхлебнул и вернул обратно.

— Дыхания не перехватывает. Горла не обжигает, горьким миндалем не пахнет. Это молоко, мальчик. Молоко. С фермы Дэйрили. На коробке картинка с улыбающейся коровой.

Тодд посмотрел на него недоверчиво, а потом сделал глоток. Да, вкус как у молока, правда, пить почему-то расхотелось. Он поставил стакан. Дуссандер пожал плечами, поднял свой стакан — а там была добрая порция виски — и сделал большой глоток.

Потом облизал губы.

— Шнапс? — спросил Тодд.

— Виски «Древние века». Очень хорошее. И недорогое.

Тодд потер пальцами швы на джинсах.

— Итак, — сказал Дуссандер, — если ты решил влезть в свою собственную «авантюру», то должен быть уверен, что выбрал стоящие акции.

— Чего?

— Шантаж, — сказал Дуссандер. — Разве это не так называют в «Манниксе», «Гаваи 5–0» и «Барнаба Джонсе»? Вымогательство. Если из-за этого…

Но Тодд расхохотался от души мальчишеским смехом. Он тряс головой, пытаясь что-то сказать, но не мог, и опять смеялся.

— Нет, — сказал Дуссандер, и вдруг стал седым и еще более испуганным, чем в начале разговора с Тоддом. Он снова отхлебнул из своего стакана, поморщился и вздрогнул. — Я вижу, это не так, по крайней мере, не вымогательство денег. Но по тому, как ты смеешься, я чувствую все-таки, что вымогательство есть. Чего тебе надо? Зачем ты пришел и потревожил старика? Ну, предположим, как ты сказал, я когда-то был нацистом. Даже в гестапо. Но теперь я всего лишь старик, мне нужны свечки, чтобы заставить работать кишечник. Что тебе нужно?

Тодд снова посерьезнел. Он взглянул на Дуссандера открыто и подкупающе откровенно:

— Что? Я хочу услышать об этом. Обо всем. Это все, что мне нужно. Правда.

— *Услышать об этом?* — отозвался Дуссандер. Он был в полнейшем недоумении.

— Да, об огневых ротах, о газовых камерах, печах. Как люди выкапывали себе могилы, а потом стояли на краю и падали. О, — он облизал губы, — о допросах, экспериментах. Обо всем. Обо всех ужасах.

Дуссандер глядел на него пристально, но как-то отрешенно, как ветеринар мог бы смотреть на кошку, только что родившую двухголовых котят.

— Ты — чудовище, — мягко сказал он.

Тодд фыркнул.

— Если судить по книгам, которые я прочел для своего реферата, это вы — чудовище, мистер Дуссандер. А не я. Это вы отправляли их в печи, а не я. Две тысячи в день в Патине до вашего прихода, три тысячи после, три с половиной миллиона перед тем, как пришли русские и остановили вас. Гиммлер называл вас специалистом по производительности и вручил вам медаль. И это *вы* называете меня чудовищем? Господи!

— Это все грязная американская ложь, — сказал удивленно Дуссандер. Он со стуком поставил стакан, расплескав виски на руки и на стол. — Это было не моего ума дело. Мне давали приказы и директивы, а я их выполнял.

Улыбка Тодда стала шире, почти превратившись в ухмылку.

— Я знаю, как американцы все исказили, — пробормотал Дуссандер. — Но это ваши политиканы представили нашего доктора Геббельса в виде ребенка, играющего с книжкой с картинками в детском саду. Они рассуждают о морали, а в то же время обливают плачущих детей и старух горящим напалмом. Ваших законопротивников называют трусами и пацифистами. За отказ выполнять приказы их сажают в тюрьму или выдворяют из страны. Те, кто хочет продемонстрировать протест против неудачной азиатской кампании, выходят на улицу. Солдаты, убивающие невинных, получают награды из рук президента, их встречают парадами и почестями после того, как они насаживали детей на штыки и сжигали госпитали. В их честь даются обеды, им вручают ключи от города, бесплатные билеты на игры профессиональных футболистов. — Он поднял стакан в сторону Тодда. — Военными преступниками считают только тех, кто проигрывает, за то, что они выполняли приказы и директивы. — Он выпил, а потом закашлялся так, что краска вернулась к его щекам.

Весь этот монолог Тодд прослушал, ерзая, как обычно при разговорах родителей, когда они обсуждали вечерние новости — все, что говорил «старый добрый Уолтер Клондайк», как называл его отец. Политические взгляды Дуссандера волновали его не больше, чем акции. Он считал, что люди придумали политику, чтобы оправдывать свои действия. Как в прошлом году, когда ему ужасно хотелось заглянуть под юбку Шэрон Эккерман. Шэрон осудила его за это желание, но по ее тону можно было догадаться, что эта мысль ее даже волнует. Поэтому он сказал ей, что, когда вырастет и станет врачом, тогда она разрешит. Вот это и есть политика. А ему хотелось услышать о попытках немецких врачей заставить женщин совокупляться с собаками, о том, как помещали близнецов в холодильники, чтобы посмотреть, умрут ли они одновременно, или один из них продержится дольше. Об электрошоковой терапии и операциях без анестезии, о том, как немецкие солдаты насиловали всех женщин подряд. Последнее было уже так затасканно, словно кто-то придумал это для прикрытия настоящих ужасов.

— Если бы я не выполнял приказы, то был бы мертв. — Дуссандер тяжело дышал, верхняя часть туловища качалась туда-сюда в кресле, скрипели пружины. Вокруг него сгустился запах

алкоголя. — Ведь всегда был русский фронт, так? Наши лидеры были безумны, это доказано, но разве можно спорить с безумцами… особенно, когда главному безумцу дьявольски везет? Он был на волосок от смерти во время того отлично спланированного покушения. Заговорщиков удавили струнами от фортепиано, давили медленно. Их агонию снимали на кинопленку — в назидание элите…

— Вот это да! Круто! — импульсивно выкрикнул Тодд. — Вы видели эту пленку?

— Да. Видел. Мы все видели, что случилось с теми, кто не хотел или не мог бежать от ветра и выжидал, пока буря утихнет. То, что мы делали тогда, было правильно. В то время и в том месте это было правильно. Я бы поступил так снова. Но… Его взгляд упал на стакан. Стакан был пуст, — …но я не хочу об этом говорить, даже думать не хочу. То, что мы делали, было мотивировано только желанием выжить, а в выживании ничего красивого нет. Мне снилось… — Он медленно вытащил сигарету из пачки на телевизоре. — Да, много лет подряд мне снились кошмары. Темнота и звуки в темноте. Двигатели тракторов. Моторы бульдозеров. Удары прикладов по мерзлой земле или человеческим черепам. Свистки, сирены, пистолетные выстрелы, крики. Лязг дверей скотовозов, открывающихся в холодные зимние вечера. Потом в моих кошмарах все звуки замирают, и в темноте открываются глаза, сверкающие, как у диких зверей в лесу. Я много лет жил на краю джунглей, и, наверное, поэтому в моих кошмарах всегда запах джунглей. Когда я просыпался — мокрый, в холодном поту, с колотящимся в груди сердцем, рука была прижата ко рту, чтобы сдержать крик. И я думал: кошмар — это правда. Бразилия, Парагвай, Куба… Эти места — сон. Наяву я все еще в Патине. И сегодня русские ближе, чем вчера. Некоторые из них помнят, что в 1943 пришлось есть замерзшие трупы немцев, чтобы выжить. Теперь они жаждут горячей немецкой крови. Мне говорили, мальчик, что некоторые из них, войдя в Германию, перерезали глотки пленным и пили кровь из сапога. Я просыпался и думал: *«Работу надо продолжать, и оставить только тогда, когда не останется и следов того, что мы натворили здесь, или останется так мало, что мир, который не хочет в это верить, не поверит». Я* часто думал: *«Надо продолжать работать, чтобы выжить».*

В отличие от предыдущих монологов этот Тодд слушал с большим вниманием и живым интересом. Это было любопытно, но он был уверен, что более интересные рассказы еще впереди. Дуссандера нужно лишь подтолкнуть; ему чертовски повезло: многие в таком возрасте впадают в маразм.

Дуссандер глубоко затянулся сигаретой.

— Позже, когда кошмары прошли, наступили дни, когда мне стало казаться, что я встречаю кого-нибудь из Патина. Но только не охранников или офицеров, а узников. Я помню, однажды вечером в Западной Германии, это было 10 лет назад, на автостраде произошла катастрофа. Движение на всех полосах замерло. Я сидел в своем «Морисе», слушал радио и ждал, когда движение возобновится. Посмотрел направо. В соседнем ряду стояла очень старая «симка», и мужчина за рулем уставился на меня. Он был лет пятидесяти, довольно болезненного вида, со шрамом на щеке. Волосы седые, короткие и плохо подстриженные. Я отвернулся. Время шло, но никто не двигался. Я стал украдкой поглядывать на мужчину в «симке». И каждый раз он смотрел на меня своими запавшими глазами на неподвижном лице. Мне стало казаться, что он был в Патине. И он меня узнал.

Дуссандер потер глаза рукой.

— Была зима, мужчина был в куртке. Но мне казалось, что если я выйду из машины, подойду к нему и заставлю его снять куртку и засучить рукава рубашки, то увижу номер на руке.

Наконец, движение опять возобновилось. Я рванулся подальше от этой «симки». Если бы пробка задержала меня еще хоть на десять минут, я бы точно вышел и выволок старика из его машины. Избил бы его, невзирая на то, есть номер на его руке или нет. Избил бы за то, что так смотрел на меня. Вскоре после этого я уехал из Германии навсегда.

— И очень кстати, — сказал Тодд.

Дуссандер пожал плечами.

— Везде было одно и то же. Гавана, Мехико, Рим. Я жил три года в Риме и, знаешь, мне казалось, что на меня смотрят все: мужчина с чашкой капуччино в кафе… женщина в вестибюле отеля, которую, как мне казалось, больше интересую я, чем ее журнал… официант в ресторане, который все время смотрел в мою сторону, хотя обслуживал других. Мне казалось, эти люди изучают меня, и в ту же ночь ко мне возвращался кошмар: звуки, джунгли, глаза.

Но когда я приехал в Америку, все это выбросил из головы. Ходил в кино, раз в неделю ел в одном из ресторанчиков-бистро — чистых и хорошо освещенных лампами дневного света. А у себя дома складывал разрезные картинки-головоломки, читал романы, по большей части плохие, смотрел телевизор. Вечером я пил, пока не засыпал. Больше кошмары мне не снились. Когда кто-то на меня смотрел в супермаркете, библиотеке или в табачной лавке, я думал, что, наверное, я похож на их дедушку…

или старого учителя… или соседа в городе, из которого они давно уехали. — Он покачал головой, обращаясь к Тодду: — Все, что произошло в Патине, случилось не со мной. Там был совсем другой человек.

— Отлично, — сказал Тодд. — Расскажите об этом все.

Глаза Дуссандера сощурились, а потом медленно открылись вновь:

— Ты не понял. Я не хочу говорить об этом.

— Придется. Не то я расскажу всем, кто вы такой.

Дуссандер повернул к нему серое лицо:

— Я знал, — проговорил он, — что рано или поздно начнется вымогательство.

— Сегодня я хочу услышать о газовых печах, — сказал Тодд, — о том, как вы пекли евреев. — Он опять широко и лучисто улыбнулся. — Только сначала вставьте свои зубы. С ними вам лучше.

Дуссандер повиновался. Он рассказывал Тодду о газовых печах, пока мальчик не ушел домой обедать. Каждый раз, когда Дуссандер пытался углубиться в обобщения, Тодд строго хмурился и задавал специальные вопросы, возвращая рассказчика к теме. Во время разговора Дуссандер много пил. Он не улыбался.

Зато улыбался Тодд. Улыбался за них обоих.

2

Август, 1974 г.

Они сидели у Дуссандера на веранде под безоблачным улыбающимся небом. На Тодде были джинсы, кеды и футболка «Литтл лиг». Дуссандер был одет в серую мешковатую рубашку и брюки цвета хаки на подтяжках, — брюки пропойцы, — как презрительно называл их про себя Тодд. Они имели такой вид, словно их достали из коробки на заднем дворе магазина Армии спасения, что в центре города. Тодду хотелось, чтобы Дуссандер лучше одевался дома. Это портило все удовольствие.

Оба ели гамбургеры, которые Тодд привозил на велосипеде, изо всех сил крутя педали, чтобы гамбургеры не остыли. Тодд потягивал кока-колу через соломинку, перед Дуссандером стоял стакан с виски.

Голос старика то возвышался, то затихал — бесцветный, неуверенный, иногда еле слышный. Его выцветшие голубые глаза с красными прожилками все время бегали. Со стороны казалось, что это дедушка передает внуку жизненный опыт.

— Вот и все, что я помню, — закончил Дуссандер и откусил огромный кусок сэндвича. Секретный соус Макдональдса потек у него по подбородку.

— Ну постарайтесь, вспомните еще что-нибудь, — мягко попросил Тодд.

Дуссандер сделал большой глоток.

— Робы делались из бумаги, — сказал он, наконец, почти проворчал. — Когда один узник умирал, робу передавали другому, если ее еще можно было носить. Иногда одну и ту же робу носили до сорока человек. Я получал высокие оценки за бережливость.

— От Глюка?

— От Гиммлера.

— Но в Патине была швейная фабрика. Вы мне об этом говорили на прошлой неделе. Почему вы там не шили робы? Заключенные сами могли бы это делать.

— На фабрике в Патине шили форму для немецких солдат. А что касается нас… — Дуссандер на мгновение умолк, но потом заставил себя продолжать. — Мы не занимались перевоспитанием, — закончил он.

Лицо Тодда осветилось широкой улыбкой.

— Может, хватит на сегодня? Пожалуйста. У меня уже в горле першит.

— Вам не следует столько курить, — сказал Тодд, продолжая

улыбаться. — Расскажите еще об униформе.

— О чьей? Заключенных или СС? — Дуссандер покорился.

Улыбаясь, Тодд ответил:

— И о той, и о другой.

3

Сентябрь 1974 г.

Тодд стоял на кухне у себя дома и намазывал хлеб арахисовым маслом и джемом. Чтобы попасть на кухню, нужно подняться на шесть ступенек из красного дерева, и сразу оказываешься в комнате, сияющей хромом и пластиком. Электрическая пишущая машинка матери стрекотала непрерывно с тех пор, как Тодд пришел из школы. Она печатала дипломную работу для студента выпускника. У студента были короткие волосы и очки с толстыми стеклами, — похож на существо с другой планеты, по мнению Тодда. Диплом был на тему влияния плодовых мушек на Салинас-Велли после Второй мировой войны, или еще какая-то чепуха в этом роде. Вот машинка замолчала, и мать вышла из кабинета.

— Тодд-малыш, — приветствовала она сына.

— Моника-малышка, — откликнулся он достаточно дружелюбно.

Мать неплохо выглядела для своих тридцати шести, как казалось Тодду: светлые волосы, кое-где чуть тронутые сединой, высокая, стройная. Сейчас на ней были темно-красные шорты и тонкая блуза теплого коньячного цвета, небрежно завязанная узлом под грудью, оставлявшая для всеобщего обозрения плоский гладкий живот. Ножичек для исправления ошибок в тексте она воткнула в волосы, небрежно убранные назад и сколотые черепаховой заколкой.

— Ну, как дела в школе? — спросила она, поднимаясь по ступенькам в кухню. Мать мимоходом коснулась губами его губ и уселась на табурет у стола.

— В школе? — все круто.

— Будешь опять на Доске почета?

— Конечно.

Хотя на самом деле в первой четверти его оценки могут сползти на балл. Он много времени проводил с Дуссандером, а когда был не со старым фрицем, то думал о его рассказах. Но с этим от справится.

— Способный ученик, — сказала она, взлохматив ею белокурые волосы. — Вкусный сэндвич?

— Вкусный, — ответил он и поднялся. — Я обещал мистеру Денкеру прийти и с часик почитать.

— Вы все еще читаете «Робинзона Крузо»?

— Не-а. Он показал ей корешок толстенной книги, которую он купил у букиниста за двадцать центов. — «Тома Джонса».

— Господи, Боже мой! На это уйдет целый учебный год, Тодд-малыш. Неужели нельзя было найти сокращенное издание, как «Крузо»?

— Можно, наверное, но он хотел услышать ее целиком. Так сказал.

— А-а, — она посмотрела на сына и вдруг обняла его. Она редко проявляла свои чувства, и Тодд почувствовал неловкость. — Ты слишком много свободного времени тратишь на чтение. Мы с твоим отцом думаем, что это просто… просто исключительно.

Тодд скромно опустил глаза.

— И ты не хочешь никому ничего рассказывать, — продолжала она, — по-моему, ты страдаешь излишней скромностью.

— Ну мама, ребята, с которыми я общаюсь, начнут говорить, что я вундеркинд, — ответил Тодд, скромно улыбаясь в пол. — И всякую такую фигню.

— Не произноси этого слова, — рассеянно одернула она. Потом добавила: — Как ты думаешь, может мистер Денкер как-нибудь придет к нам пообедать?

— Может быть, — неопределенно сказал Тодд. — Слушай, мне пора идти.

— Ладно. Ужин в полседьмого. Не забудь.

— Не забуду.

— Отец сегодня задержится, так что будем опять вдвоем с тобой, хорошо?

— Ладно, малышка.

Она наблюдала, как он идет, и гордо улыбалась, надеясь, что в «Томе Джонсе» нет ничего, что ему не следовало бы знать: ему ведь только тринадцать. Скорей всего, ничего такого нет. Он рос в обществе, где журналы типа «Пентхаус» доступны любому, у кого есть доллар с четвертью, или любому пацану, который может дотянуться до полки, схватить журнал и листать, пока продавец не закричит, а потом удрать. В обществе, кредо которого «киданье ближнего своего», вряд ли может быть что-то такое в книге двухсотлетней давности, что могло бы сбить с толку Тодда, хотя она думала, что старику понравится. Но, как любит говорить Ричард, для ребенка весь мир — лаборатория. Надо разрешить ему изучить все ее закоулки. И если у ребенка нормальная обстановка в семье и любящие родители, он будет сильнее и выдержит удары, полученные в незнакомых углах.

И вот по улице ехал самый здоровый изо всех детей, кого сна знала, нажимая на педали своего «швинна». «Мы правильно его воспитываем, — подумала она, намазывая себе бутерброд. — И

черт нас возьми, если это не так.»

4

Октябрь 1974 г.

Дуссандер похудел. Они сидели на кухне, потертый томик «Тома Джонса» — на столе, покрытом клеенкой (Тодд, не упускавший случая схитрить, купил комментарии к книге за свои карманные деньги и тщательно изучил краткое содержание на случай, если мать или отец спросят, о чем там идет речь). Тодд ел сладкое колечко, купленное по дороге. Купил еще одно, для Дуссандера, но тот к нему не притронулся. Он только время от времени мрачно смотрел на колечко и пил виски. Тодд не мог видеть, как пропадает добро, особенно такое вкусное. Если старик не начнет его есть, Тодд попросит уступить ему.

— А как газ попадал в Патин? — спросил он Дуссандера.

— В железнодорожных вагонах, — ответил Дуссандер. — Эти вагоны имели маркировку «Медпрепараты».

Газ был в длинных сосудах, похожих на гробы. Специально, наверное. Заключенные разгружали эти «гробы» и складывали в лазарете. Позже уже наши люди перетаскивали их в сараи. Делалось это ночью. Сараи находились позади душевых.

— Это всегда был «Циклон-Б»?

— Нет, время от времени мы получали кое-что еще. Экспериментальные газы. Высшее командование всегда заинтересовано в улучшении эффективности. Однажды к нам прислали газ под кодовым названием «Пегас». Нервно-паралитический. Слава Богу, больше его не присылали. Он… — Дуссандер увидел, что Тодд наклонился вперед, увидел, каким пристальным стал его взгляд, и замолчал, сделав небрежный жест стаканом с бензоколонки. — Он плохо действовал, — объяснил Дуссандер. — Это было скучно.

Но Тодда трудно провести.

— И как он действовал?

— Он убивал, — а ты думаешь, заставлял гулять по воде? Убивал, вот и все.

— Расскажите.

— Нет, — сказал Дуссандер, не в силах скрыть переживаемый ужас. Он не вспоминал о «Пегасе»… Сколько? Десять лет? Двадцать? — Я не расскажу! Отказываюсь!

— Расскажите, — повторил Тодд, слизывая шоколадную глазурь с пальцев. — Расскажите, или сами знаете…

«Да, — подумал Дуссандер, — знаю. Хорошо знаю, испорченный маленький изверг».

— Он заставлял их танцевать, — нехотя произнес он.

— Танцевать?

— Как и «Циклон-Б», его подавали через душевые головки. И узники… их начинало рвать, и они… непроизвольно испражнялись.

— Боже, — сказал Тодд. — В собственном дерьме, да? — Он показал на колечко на тарелке Дуссандера. Свое он уже съел. — Вы будете это есть?

Дуссандер не ответил. Его глаза затуманились от воспоминаний. Лицо стало далеким и холодным, как темная сторона невращающейся планеты. А внутри он ощущал очень странное сочетание презрения и — может ли так быть? — ностальгии.

— Они начинали дергаться и издавать странные высокие горловые звуки. Мои люди… назвали «Пегас» веселящим газом. В конце концов узники падали и просто лежали на полу в собственном дерьме, лежали там, да, лежали на бетоне, вскрикивая и стеная, из носа у них текла кровь. Но я соврал, парень. Газ не убивал их, наверное, потому, что был недостаточно силен, или потому, что мы не могли ждать достаточно долго. Думаю, что так. Не знаю, сколько эти мужчины и женщины могли бы так продержаться. В конце концов я послал пятерых с винтовками, чтобы прекратить агонию. Конечно, мог бы испортить себе карьеру, если бы стало известно, в этом я не сомневаюсь — сочли бы бесполезной тратой патронов в то время, когда фюрер объявил каждый патрон национальным достоянием. Но этим пятерым я доверял. Были времена, мальчик, когда думал, что вечно буду помнить те звуки, которые они издавали. Как тирольские песни. Как смех.

— Да, представляю, — сказал Тодд. Он покончил с колечком Дуссандера в два укуса. «Чтоб добро не пропадало», — говорила мать Тодда в редких случаях, когда Тодд оставлял еду на тарелке. — Отличная история, мистер Дуссандер. Вы всегда хорошо рассказываете. Когда я вас заставлю.

Тодд улыбнулся ему. И невероятно — уж конечно не по собственной воле — Дуссандер почувствовал, что улыбается в ответ.

5

Ноябрь 1974 г.

Дик Бауден, отец Тодда, был очень похож на актера кино и телевидения Ллойда Бокнера. Ему — Баудену, а не Бокнеру, — было тридцать восемь. Высокий, худощавый, любил рубашки в стиле «Айви лиг» и костюмы сочных тонов, обычно темные.

На стройплощадку надевал хаки и каску — воспоминание о днях работы в Корпусе мира, когда он помогал проектировать и строить две плотины в Африке. А у себя дома, в кабинете, он надевал очки с полустеклами, которые сползали обычно на кончик носа и делали его похожим на декана из колледжа. Он и сейчас был в очках и сидел, постукивая табелем сына за первую четверть по блестящей стеклянной поверхности стола.

— Одна четверка, четыре четверки с минусом, одна тройка. Тройка, черт побери! Тодд, твоя мама, хоть и не показывает этого, но она очень расстроена. — Тодд опустил глаза. Он не улыбался. Когда отец начинает чертыхаться, хорошего не жди.

— Черт возьми, у тебя *никогда* не было такого табеля. Тройка по началам алгебры? Что же это такое?

— Не знаю, папа. — Тодд тупо смотрел на свои колени.

— Мы с мамой считаем, что ты слишком много времени проводишь с мистером Денкером. Мало заглядываешь в учебники. Думаем, тебе следует ограничиться лишь выходными, труженик. По крайней мере до тех пор, пока у тебя не наладятся дела с учебой.

Тодд посмотрел на отца, и на секунду Баудену показалось, что глаза сына побелели от гнева. Его собственные глаза округлились, а пальцы сильнее сжали желтоватый листок табеля… но спустя мгновение перед ним снова сидел прежний Тодд и глядел открыто и печально. Был ли это в самом деле гнев? Конечно, нет. Но теперь Бауден чувствовал себя не очень уверенно и не знал, как продолжить. Тодд не был рассержен, да и отец не хотел выводить его из себя. Они с сыном — друзья, и всегда были друзьями, и Дик хотел, чтобы так все и оставалось. У них не было секретов друг от друга (кроме, правда, того, что Дик иногда изменял жене со своей секретаршей, но о таких вещах обычно не говорят тринадцатилетнему сыну, ведь так?… и притом, это абсолютно никак не влияло на его жизнь дома, на *семейную* жизнь).

Это нормально, так должно быть в невероятном, непостижимом мире, где убийцы остаются безнаказанными, школьники вгоняют под кожу героин, а младшие школьники —

ровесники Тодда, — лечатся от венерических болезней.

— Папа, не надо, не делай этого. Не нужно наказывать мистера Денкера за то, в чем виноват я. Он ведь пропадет без меня. Я подтянусь, правда. Эта алгебра… Мне только сначала было сложно. Но я пошел к Бену Тременсу, и после того, как мы с ним позанимались несколько дней, начал ее понимать. Я просто, ну не знаю, подавился ею вначале.

— Я все-таки думаю, ты слишком много времени проводишь с мистером Денкером, — сказал Бауден, но уже не так твердо. Ему было трудно отказывать сыну, не хотелось огорчать его, да и то, что он сказал о наказании старика, в конце концов имело смысл. Старик так ждал его прихода.

— Этот мистер Сторман — учитель алгебры, очень строгий, — пожаловался Тодд. — Многие ребята получили тройки, а трое или четверо даже двойки.

Бауден задумчиво кивнул.

— Я не буду больше ходить к нему по средам. Пока не подтяну оценки, — сказал Тодд, читая по глазам отца. — И вместо того, чтобы заниматься чем-то еще в школе, буду каждый день оставаться после уроков и учиться. Обещаю.

— Тебе действительно нравится этот старик?

— Он правда классный, — искренне ответил Тодд.

— Понятно… Ну, ладно. Попробуем сделать по-твоему, труженик. Но я бы хотел, чтобы к январю были заметные улучшения в отметках, ты меня понял? Я думаю о твоем будущем. Ты, наверное, считаешь, что в средней школе еще рано об этом думать, но это не так. Вовсе не так. — Если мамина поговорка была «чтоб добро не пропадало», то отец любил говорить «вовсе не так».

— Я понимаю, папа, — печально сказал Тодд. Как мужчина мужчине.

— А теперь ступай и садись за учебники. — Отец поправил очки на носу и похлопал сына по плечу.

Лицо Тодда озарила широкая радостная улыбка.

— Прямо сейчас, папа!

Бауден проводил Тодда гордым взглядом. Один на миллион… Нет, не было гнева во взгляде сына. Это точно. Обида, может быть… но не то высокое эмоциональное напряжение, которое ему показалось вначале. Если бы Тодд был разъярен, он бы это понял. Он ведь читает своего сына, как книгу. Так было всегда.

С чувством исполненного родительского долга, Дик Бауден насвистывая, развернул чертежи и углубился в них.

6

Декабрь 1974 г.

Лицо человека, открывшего дверь в ответ на настойчивый звонок Тодда, было изможденным и пожелтевшим. Волосы, еще в июле пышные, стали редеть со лба и казались хрупкими и безжизненными. Фигура Дуссандера, и без того сухощавая, теперь стала совсем костлявой, хотя Тодд считал, что ему еще далеко до узников, попадавших к нему в лапы.

Левую руку Тодд держал за спиной, когда немец открыл дверь. Теперь он вытянул ее вперед и протянул Дуссандеру завернутый пакет. «Счастливого Рождества!» — прокричал он.

Дуссандер сжался при виде коробки, потом взял ее без удовольствия, осторожно, словно в ней могла быть взрывчатка. На улице уже почти неделю шел дождь, поэтому Тодд вез коробку под пальто. Коробка была завернута в веселенькую бумагу и перевязана лентой.

— Что это? — без энтузиазма спросил Дуссандер, когда они вошли в кухню.

— Откройте и посмотрите.

Тодд достал банку кока-колы из кармана куртки и поставил на клетчатую красно-белую клеенку на кухонном столе.

— Лучше задерните шторы, — сказал он таинственно.

— Да? Зачем?

— Ну, неизвестно, кто может подсмотреть, — сказал Тодд, улыбаясь. — Разве не так вы провели все эти годы, встречая людей, которые могли что-то подсмотреть до знакомства с вами?

Дуссандер опустил кухонные жалюзи. Потом налил себе в стакан виски. Снял ленты с коробки. Тодд завернул все так, как обычно мальчишки упаковывают рождественские подарки — мальчишки, у которых всегда много других дел: футбол, хоккей, фильм «Призрак в пятницу ночью», который смотрят на пару с другом, завернувшись в одеяло, забившись от страха в уголок дивана и хихикая. Много острых углов, неровные сгибы и масса липкой ленты. Это говорит о таком, скорее женском, качестве, как нетерпеливость.

И все равно, вопреки своей воле, Дуссандер был слегка растроган. Позже, когда ужас слегка схлынул, он подумал: «А ведь я должен был предугадать».

В пакете была форменная одежда СС и сапоги к ней.

Он тупо перевел взгляд с содержимого коробки на этикетку: «Питер Кволити Костюм Клозерс — на одном и том же месте с 1951!»

— Нет, — сказал он тихо. — Этого я не надену. На этом все и закончится, мальчик. Только через мой труп.

— Вспомните, что стало с Эйхманном, — серьезно сказал Тодд. — Он был просто пожилой человек, вне политики. Разве не так вы говорили? Кроме того, я копил деньги всю осень. Она стоит больше восьмидесяти баксов вместе с сапогами. И в 1944 вы же носили ее без возражений.

— Маленький ублюдок! — Дуссандер занес кулак над головой Тодда. Тот даже не уклонился. Он стоял твердо, с сияющими глазами.

— Ну, — сказал он тихо. — Ударьте меня. Вы уже раз меня тронули.

Дуссандер опустил руку. Его губы дрожали.

— Ты — исчадие ада, — пробормотал старик.

— Надевайте, — предложил Тодд тоном приказа.

Руки Дуссандера потянулись к поясу халата, но помедлили. Глаза, покорные и умоляющие, смотрели в глаза Тодда.

— Пожалуйста, — сказал он, — я старый человек. Не надо больше.

Тодд медленно, но убедительно покачал головой. Глаза все еще сияли. Ему нравилось, когда Дуссандер просил. Просил так, как когда-то, наверное, просили и его самого. Узники в Патине.

Дуссандер сбросил халат на пол и стоял голый, если не считать шлепанцев и трусов. У него была впалая грудь и слегка отвислый живот. Руки были дряблые, как у старика. Но форма, думал Тодд, должна все изменить.

Медленно Дуссандер достал из коробки гимнастерку и начал *натягивать*.

Через десять минут он стоял полностью одетый в форму СС. Кепка слегка набок, плечи обвисали, но нашивки с черепами были ясно видны. Во всем облике Дуссандера проступало мрачное достоинство — по крайней мере в глазах Тодда, — которое раньше не бросалось в глаза. И все же, несмотря на неуклюжесть и косолапость старика, Тодду было приятно. Впервые Дуссандер выглядел, по мнению Тодда, должным образом. Старше — да. Подавленно — конечно. Но снова в форме. Не тот старик, что годами просиживал вечера перед черно-белым телевизором с фольгой на антенне, глядя на Лоуренса Уилка, а настоящий Курт Дуссандер — кровавый изверг Патина.

Сам же Дуссандер чувствовал отвращение, неудобство… и едва ощутимое подступающее облегчение. Он слегка презирал такое ощущение, понимая, что это верный признак превосходства мальчишки. Он был пленником, и после каждого очередного

унижения, после такого вот переодевания, власть мальчишки над ним возрастала. И все-таки ему и впрямь стало легче. Ведь это всего лишь тряпка, пуговицы и нашивки… маскарадный костюм. Ширинка на молнии, хотя должна быть на пуговицах. Нашивки были не те, покрой мешковат, а сапоги — из дешевого кожзаменителя. В конце концов это всего-навсего игрушечная униформа, она не могла его убить, так? Нет, она…

— Поправьте кепку! — громко сказал Тодд.

Дуссандер непонимающе посмотрел на него.

— Поправьте кепку, солдат!

Дуссандер повиновался, машинально придав кепке высокомерный наклон, характерный для оберлейтенантов, — как ни печально, форма-то была оберлейтенантской.

— Поставьте ноги вместе!

Он опять повиновался, сдвинул ноги, щелкнув каблуками, не задумываясь, привычным движением, словно вместе с халатом сбросил все эти годы.

— Ахтунг! Внимание.

Дуссандер резко выпрямился, и на секунду Тодд испугался — действительно испугался. Испугался, как ученик колдуна, который сумел оживить щетки, но которому не хватило умения остановить их. Старик, живущий на пенсию, пропал. Остался Дуссандер.

Потом страх сменился чувством превосходства.

— Кру-гом!

Дуссандер четко повернулся, забыв и про виски, и про мучения последних трех месяцев. Еще раз щелкнули каблуки, когда он повернулся лицом к заляпанной жиром плите. За ней он увидел пыльный плац военной академии, где проходил солдатскую науку.

— Кру-гом!

Он повернулся опять, но на этот раз выполнил команду не так четко, слегка потеряв равновесие. Когда-то он получил за это десять неудов и удар палкой в живот, да такой, что перехватило дыхание. Про себя он слегка усмехнулся. Мальчик не знал всех хитростей. Не знал.

— Шагом, марш! — скомандовал Тодд. Глаза его жарко блестели.

Плечи Дуссандера опять поникли, и он снова качнулся вперед:

— Нет, пожалуйста, — попросил он.

— Шагом, марш! Марш, я сказал!

Со сдавленным вздохом Дуссандер начал семенить по выцветшему линолеуму кухни. Он повернул направо, обходя стол,

снова направо, подошел к стене. Лицо его, слегка приподнятое, было бесстрастным. Ноги высоко поднимались, потом чеканили шаг, и от этих шагов в буфете звенела посуда. Руки вырисовывали короткие полукружья.

Образ шагающих щеток снова возник перед Тоддом, вернув страх. Вдруг до него дошло, что он не хотел, чтобы Дуссандеру было хоть чуточку приятно, и что, наверное, хотел только, чтобы Дуссандер выглядел смешным, а не достоверным. Но почему-то, несмотря на возраст и дешевую кухонную обстановку, он был совсем не смешон. Он был страшен. Впервые тела, сваленные в кучи, и крематории вдруг перестали быть абстрактными для Тодда. Вывернутые руки, ноги, торсы с фотографий, неестественно белые под холодными дождями Германии, уже не напоминали антураж фильмов ужасов, свалку из манекенов, позаимствованных из универмага, которую потом рабочие растащат по местам. Они стали реальным фактом, колоссальным, необъяснимым и ужасным. На секунду ему показалось, что он даже чувствует легкий, слегка отдающий дымом, запах разложения.

Страх обуял его.

— Стой! — закричал он.

Дуссандер продолжал шагать с отсутствующим, ничего не выражающим взглядом. Он держал голову еще выше, напрягая жилы на шее и надменно задрав подбородок. Острый нос резко выдавался вперед.

Тодд почувствовал пот под мышками.

— Хальт! — закричал он.

Дуссандер остановился: сначала правая нога, потом левая с оглушительным щелчком. Секунду его лицо оставалось бесстрастным, как у робота, потом стало смущенным. За смущением последовало поражение. Он как-то весь обмяк.

Тодд вздохнул с облегчением, и вдруг обозлился на самого себя. «В конце концов, кто командует?» Затем самообладание вернулось: «Я командую, я».

Дуссандер стоял молча, опустив голову.

— Теперь можете снять, — великодушно объявил Тодд… и не мог не задуматься, а захочет ли он снова, чтобы Дуссандер надел эту форму. Хоть на несколько секунд…

7

Январь 1975 г.

Тодд вышел из школы, когда уже прозвенел последний звонок. Сел на велосипед и поехал в парк. Там он нашел пустую скамейку, поставил велосипед на подставку и достал из кармана табель. Огляделся вокруг, нет ли кого поблизости, но в обозримом пространстве была только парочка школьников, целующихся у пруда, и два пьяницы, передающих друг другу бумажный пакет. «Мерзкие алкаши», — подумал он, но не они были причиной его раздражения. Он открыл табель.

Английский — 3, История Америки — 3, естествознание — 3, «Общество и ты» — 4, начальный курс французского — 2, начала алгебры — 2.

Он смотрел на оценки, не веря своим глазам. Предполагал, что оценки будут не очень, но это была просто катастрофа.

«А может, это и к лучшему, — сказал вдруг внутренний голос. — Может быть, ты сделал это специально, потому что половина тебя уже хочет с этим покончить. Уже пора прекратить. Пока не случилось что-то ужасное.»

Тодд тут же отмел эту мысль. Ничего ужасного не случится. Дуссандер у него в руках. Полностью под контролем. Старик думает, что у одного из друзей Тодда есть письмо, но он не знает, у кого именно. Если с Тоддом что-нибудь случится — что-нибудь — письмо попадет в полицию. Когда-то он считал, что Дуссандер попытался бы что-то предпринять. Но он уже слишком стар, чтобы бегать, даже с высокого старта.

— Он полностью под контролем, черт побери, — прошептал Тодд и топнул ногой так, что напряглись все мышцы. Говорить с самим собой — плохой знак, сумасшедшие разговаривают сами с собой. Эта привычка у него появилась в последние полтора месяца, и похоже, останется надолго. Из-за этой привычки кое-кто на него начал странно поглядывать. Учителя, например, а этот олух Берни Эверсон подошел и прямо спросил, не поехала ли у него крыша. Тодд чуть было не дал ему по морде, но эти штуки — драки, потасовки, мордобой — не лучший метод. Такие штуки всегда выставляют тебя не в лучшем свете. Разговаривать с самим собой плохо, это ясно, но…

— Хуже всего сны, — прошептал он. На этот раз он не сдержался.

В последнее время его сны превратились в кошмары. В этих снах он всегда был в униформе и стоял в шеренге сотен изможденных мужчин, пахло горелым, и доносился чавкающий

рокот бульдозерных двигателей. Потом вдоль шеренги проходил Дуссандер, указывая то на одного, то на другого. Они оставались. Остальные уходили в сторону крематориев. Некоторые брыкались и сопротивлялись, но большинство слишком истощено и измучено. Затем Дуссандер останавливался перед Тоддом. Их взгляды встречались в течение долгой парализующей минуты, а потом Дуссандер указывал кончиком выгоревшего зонта на Тодда.

— Этого берите в лабораторию, — говорил Дуссандер из сна. Его губа оттопыривалась, и видны были вставные зубы. — Возьмите этого американского пацана.

В другом кошмаре Тодд сам был в форме СС. Его сапоги сияли, как зеркало. Нашивки с черепом и перекрещенными молниями сверкали. Он стоял посередине бульвара Санто-Донато, и все на него смотрели. И показывали пальцами. Некоторые смеялись. Другие смотрели оскорбленно, сердито или с недоумением. В этом кошмаре подъезжал странный автомобиль, резко, с визгом тормозов, останавливался, и оттуда на него смотрел Дуссандер, который казался лет на двести старше и был похож на мумию с желтой, как пергамент, кожей.

— Я тебя знаю! — объявлял пронзительно Дуссандер из сна. Он оглядывал зрителей вокруг, потом смотрел на Тодда.

— Ты командовал в Патине! Смотрите все! Это — кровавый изверг Патина! Специалист Гиммлера по производительности! Я разоблачил тебя, мясник! Я разоблачил тебя, детоубийца! Я разоблачил!

А еще в одном сне Тодд был одет в полосатую робу узника, и его вели по каменному коридору два охранника, которые были похожи на его родителей. У обоих были яркие желтые повязки на рукавах со звездой Давида. Вслед за ними шел священник и читал из Второзакония. Тодд посмотрел через плечо и увидел что священник этот — Дуссандер в черном плаще офицера СС.

В конце каменного коридора двойные двери открывались в восьмиугольную комнату со стеклянными стенами. Посреди комнаты находилась виселица. За стеклом рядами стояли изможденные мужчины и женщины, все обнаженные, с одинаковым мрачным тупо сосредоточенным выражением лица. У каждого на руке был синий номер.

— Все в порядке, — прошептал Тодд самому себе. — Все в порядке, все действительно под контролем.

Целующаяся парочка посмотрела на него. Тодд глянул на них злобно, ожидая, что они что-нибудь скажут. Они тут же стали смотреть в сторону. Неужели мальчик улыбается?

Тодд встал, сунул табель в карман и сел на велосипед. Он

направился в магазинчик в двух кварталах от парка. Там он купил флакон средства для выведения чернильных пятен и авторучку с синими чернилами. Когда вернулся в парк (целующаяся парочка уже ушла, но алкаши все еще сидели, отравляя воздух вокруг), он исправил оценки по английскому — на 4, по истории Америки — на 5, естествознанию — на 4, начальному курсу французского — на 3 и началам алгебры — на 4. «Общество и ты» он стер совсем, а потом написал заново, так что весь табель приобрел одинаковый единообразный вид.

Как униформа.

— Не важно, — прошептал он себе. — Это их задержит. Это их хорошо задержит.

Однажды ночью в конце месяца, где-то после двух часов, Курт Дуссандер проснулся, в*ою*я с простыней, вскрикивая и глядя в темноту, казавшуюся близкой и устрашающей. Ему нечем было дышать, он лежал, словно парализованный страхом. Как будто тяжелый камень придавил ему грудь, и он опасался сердечного приступа. Пошарил в темноте, ища настольную лампу, и чуть не свалил ее с тумбочки, пытаясь включить.

«Я у себя дома, — думал он, — в своей спальне, здесь в Санто-Донато, в Калифорнии, в Америке. Видишь, те же коричневые шторы на том же окне, те же полки заставлены моими дешевыми книжками из магазина на Сорен-стрит, тот же серый ковер и голубые обои. Никакого сердечного приступа. Никаких джунглей. Никаких глаз.»

Но страх вцепился в него, как клещ, и сердце продолжало биться учащенно. Возвращался кошмар. Он знал, что рано или поздно кошмар вернется, если пацан будет продолжать приходить. Проклятый пацан. Он подумал, что защитное письмо у товарища — скорее всего блеф, и при том не самый удачный, наверное, он взял эту идею из какого-нибудь теледетектива. Кто из друзей, даже самых надежных, не вскрыл бы такого рода письма? Так что никакого друга нет. Или он думает, что нет. Если бы знать *точно*…

Его руки сомкнулись в подагрический болезненный замок, а потом медленно разжались.

Он взял со стола пачку сигарет и зажег одну, машинально чиркнув спичкой о спинку кровати. Стрелки на часах показывали 2.41. Больше этой ночью не заснет. Он затянулся и закашлялся. Не заснет, если не спустится вниз и не выпьет рюмочку или две. А то и три. Да, последние месяца полтора он стал слишком много пить. Уже не так молод, чтобы опрокидывать одну за другой, как бывало, когда он, офицер, был в Берлине в отпуске в тридцать

девятом, когда в воздухе витал дух победы, и везде был слышен голос фюрера, и отовсюду смотрели его сверкающие, повелевающие глаза.

Пацан… проклятый пацан!

— Давай начистоту, — сказал он громко, и вздрогнул от звука собственного голоса в тишине комнаты.

В его привычки не входило разговаривать с самим собой, хотя такое случалось и раньше, помнит, частенько случалось в последние недели пребывания в Патине, когда все вокруг летело кувырком, и все слышнее с каждым днем и часом становилась канонада русских орудий с востока.

Тогда говорить с самим собой было нормально. Он переживал стресс, а люди под воздействием стресса часто делают странные вещи: трогают свои яйца сквозь карман брюк, скрежещут зубами… Вольф сильно скрежетал зубами. При этом скалился. Хоффман щелкал пальцами и похлопывал себя по бедрам, выстукивая быстрые, сложные ритмы, совершенно об этом не подозревая. Да и сам он, Курт Дуссандер, иногда говорил сам с собой. Но сейчас…

— У тебя опять стресс, — сказал он вслух.

И понял, что говорит по-немецки. Он не говорил по-немецки много лет, и сейчас язык казался теплым и удобным. Он успокаивал и расслаблял. Был приятным и темным.

— Да, у тебя стресс. Из-за пацана. Но давай говорить начистоту. Сейчас слишком раннее утро, чтобы лгать. Ты ведь не очень сожалеешь о том, что говоришь. Сначала боялся, что пацан не сможет или не станет хранить тайну, что скажет другу, а тот другому, а тот еще двум. Но если он не проболтался до сих пор, то не расколется и дальше. Если меня заберут, он потеряет свою… свою говорящую книгу. А я для него — именно книга. Думаю, так.

Он замолчал. Но мысленно продолжал рассуждать. Он был одинок — никто не знает, как одинок. Одно время даже почти всерьез подумывал о самоубийстве. Отшельник из него получился плохой. Из живых голосов слышал только радио, а лица видел только с той стороны пыльного стеклянного экрана. Он был старик, и хотя и боялся смерти, больше всего боялся быть одиноким стариком.

Иногда его подводил мочевой пузырь. На полпути к туалету вдруг обнаруживалось темное расплывающееся пятно на брюках. В сырую погоду суставы сначала ныли, а потом их начинало страшно ломить, и бывало так, что за день мог сжевать целую упаковку лекарств от подагры… И все равно аспирин только слегка ослаблял боль, и даже просто снять книжку с полки или

включить телевизор становилось невыносимей пыткой. Ухудшилось зрение, он частенько опрокидывал вещи, сбивал ноги, набивал шишки на голове. Жил в постоянном страхе, что сломает кости и не сможет доползти до телефона, а если и доползет, то доктор обнаружит его реальное прошлое, когда заподозрит недостоверность медицинской карты мистера Денкера.

Мальчик внес некоторое облегчение в его жизнь. Когда приходил, Дуссандер мог вспоминать прошлое. Помнил те дни поразительно ясно, выдавал кажущийся бесконечным список имен и событий, даже мог сказать, какая погода была в тот или иной день. Помнил рядового Хенрайда, отвечавшего за пулемет в северо-восточной башне, и то, что у него была шишка между глаз. Поэтому его называли Трехглазым или Циклопом. Помнил Кесселя, у которого была фотография подружки, лежащей обнаженной на диване, закинув руки за голову. Кессель приказывал своим людям глядеть на нее. Он помнил имена врачей и их эксперименты: болевые пороги, энцефалограммы умирающих мужчин и женщин, физиологическое замедление, влияние различных типов радиации и десятки других. Сотни других.

Он полагал, что рассказывает мальчишке так, как рассказывают все старики, но потом понял, что счастливее большинства стариков, которые встречали нетерпимость, отсутствие интереса или открытую грубость со стороны публики. Его слушатель бесконечно заинтересован.

Неужели несколько кошмарных снов такая большая цена?

Затушив сигарету, он полежал, глядя в потолок, а потом спустил ноги на пол. Они с мальчиком были противны друг другу, думал он, питая друг друга и… питаясь друг другом. Если его желудок плохо переваривал мрачную, но богатую трапезу, которую они делили по вечерам в кухне, то каково было мальчику? Хорошо ли он спал? Наверное, нет. Последнее время Дуссандеру казалось, что мальчик, побледнел и похудел с тех пор, как впервые вошел в его жизнь.

Дуссандер подошел к шкафу и открыл дверцу. Потом, сдвинув вешалки вправо, протянул руку в темноту и извлек игрушечную форму. Она свисала с руки, как кожа стервятника. Он прикоснулся к ней другой рукой. Коснулся… и погладил ее.

Спустя некоторое время стал медленно надевать форму, не глядя в зеркало, пока не застегнул все пуговицы, не затянул ремень (и не застегнул на молнию ширинку).

Только тогда посмотрел на себя в зеркало и кивнул.

Затем вернулся в кровать, улегся и выкурил еще сигарету.

Когда докурил, почувствовал, что хочет спать. Погасил лампу, не веря, что это так легко. Через пять минут уже спал, и на этот раз без сновидений.

8

Февраль 1975 г.

После обеда Дик Бауден достал коньяк, который Дуссандеру ужасно не понравился. Но, конечно, он широко улыбнулся и экстравагантно похвалил его. Мальчику мать подала жидкий шоколад. Мальчик вел себя необычайно тихо во время всего обеда. Напряжен? Да. По какой-то причине он казался очень напряженным.

Дуссандер очаровал Дика и Монику Бауден сразу же, как только они с Тоддом вошли в дом. Мальчик сказал родителям, что зрение у мистера Денкера намного хуже, чем оно было на самом деле (из-за чего бедняге Денкеру и понадобилась собака-поводырь, сухо подумал Дуссандер), потому что этим объяснялась необходимость в чтении вслух, чем предположительно он и занимался. Дуссандер тщательно следил за этим, и как ему казалось, проколов не было.

Он надел свой лучший костюм, и хотя вечером было сыро, его подагра была к нему милостива — ничего кроме редких, коротких приступов. Непонятно, почему мальчик просил его оставить дома зонт, но Дуссандер настоял на своем. В любом случае, это был приятный и довольно волнующий вечер. Ужасный коньяк или нет, но Дуссандер не обедал вне дома уже лет девять.

За обедом они обсуждали «Эссен мотор уоркс», проблемы восстановления послевоенной Германии — Бауден задал несколько интеллигентных вопросов об этом и был, похоже, доволен ответами, — и произведения немецких писателей. Моника Бауден спросила, как случилось, что он приехал в Америку так поздно, и Дуссандер, приняв соответствующее близорукости выражение скорби, рассказал о смерти своей вымышленной жены. Моника Бауден выразила искреннее сочувствие. И вот теперь за абсурдным коньяком Дик Бауден сказал:

— Если это слишком личный вопрос, мистер Денкер, то, пожалуйста, не отвечайте… но мне интересно, что вы делали во время войны.

Мальчик слегка насторожился.

Дуссандер улыбнулся и стал наощупь искать сигареты. Он их прекрасно видел, но нельзя было допустить ни малейшего прокола. Моника вложила сигареты ему в руку.

— Спасибо, дорогая леди. Обед был превосходным. Вы отлично готовите. Моей жене так не удавалось.

Моника поблагодарила, она была взволнована. Тодд

посмотрел на нее раздраженно.

— Нет, совсем не личный, — ответил Дуссандер, зажигая сигарету и поворачиваясь к Баудену. — Я был в запасе с 1943, как все годные мужчины, но слишком старый для участия в военных действиях. К тому времени на стенах третьего рейха уже был написан приговор безумцам, создавшим его, вернее одному конкретному безумцу.

Он задул спичку и смотрел серьезно.

— Большое облегчение пришло, когда волна пошла против Гитлера. Огромное облегчение. Конечно, — и тут он обезоруживающе, как мужчина с мужчиной, переглянулся с Бауденом, — такие чувства нельзя было выражать открыто.

— Думаю, да, — с пониманием отозвался Бауден.

— Да, — печально произнес Дуссандер, — Только тайно. Я помню однажды мы четверо или пятеро, все друзья, зашли выпить в местный кабачок. Тогда уже не всегда был шнапс или пиво, но в ту ночь было и то, и другое. Мы все знали друг друга почти двадцать лет. Один из нас — Ганс Гасслер — упомянул мимоходом, что фюреру плохо посоветовали открыть фронт против русских. Я сказал ему: «Ганс, ради Бога, думай, что ты говоришь!». Бедный Ганс побледнел и тут же сменил тему. А через три дня он исчез. Больше я его не видел, и, насколько знаю, никто из сидевших с нами в тот вечер тоже.

— Какой ужас! — воскликнула Моника, — Еще коньяку, мистер Денкер?

— Нет, спасибо, — он улыбнулся ей, — Моя жена часто повторяла поговорку своей матери: «Нельзя злоупотреблять блаженством».

Тодд еще сильнее нахмурился.

— Вы думаете, его отправили в концлагерь? — спросил Дик. — Вашего друга Гесслера?

— Гасслера, — мягко поправил Дуссандер. Он посерьезнел. — Многих туда отправили. Концлагеря… они еще тысячу, лет будут позором для немцев. Вот уж, действительно, наследство Гитлера.

— Я думаю, это слишком сурово, — сказал Бауден, зажигая трубку и выпуская удушливое облачко «Черри Бленд». — Я читал, что большинство немцев даже не подозревали, что происходит. Жители Аушвица считали, что там колбасная фабрика.

— Фу, как ужасно, — сказала Моника и состроила мужу гримасу «ну-хватит-уже». Потом, улыбаясь, обратилась к Дуссандеру:

— Мне нравится запах курительной трубки, а как вам, мистер Денкер?

— Мне тоже, мадам, — ответил Дуссандер. Он только что

еле-еле удержался, чтобы не чихнуть.

Бауден вдруг потянулся через стол и похлопал сына по плечу. Тодд вздрогнул.

— Что-то ты тихий сегодня. Что-нибудь случилось?

Тодд улыбнулся одновременно и отцу, и Дуссандеру:

— Все нормально. Просто почти все эти рассказы я уже слышал, понятно?

— Тодд, — сказала Моника, — это не совсем…

— Мальчик просто говорит честно, — возразил Дуссандер. — Привилегия мальчишек, от которой взрослые часто отказываются. Правда, мистер Бауден?

Дик засмеялся и кивнул.

— Пожалуй, Тодду пора проводить меня домой, — сказал Дуссандер. — Я думаю, у него еще уроки сегодня.

— Тодд — очень способный ученик, — сказала Моника, но произнесла это почти машинально, глядя на Тодда чуть удивленно. — Обычно одни четверки и пятерки. В прошлой четверти была одна тройка, но он обещал подтянуть свой французский к мартовскому табелю. Так, Тодд-малыш?

Тодд снова широко улыбнулся и кивнул.

— Вам не нужно идти пешком, — сказал Дик, — Я с радостью отвезу вас.

— Я предпочитаю пройтись, подышать воздухом и размяться, — сказал Дуссандер, — И я бы прошелся, если Тодд не против.

— Да конечно, я с удовольствием пройдусь, — сказал Тодд, и его родители просияли.

Они уже дошли почти до угла, когда Дуссандер нарушил молчание. Моросил дождь, и он держал зонт над ними обоими. И все равно его подагра вела себя тихо. Удивительно.

— Ты похож на мою подагру, — сказал он.

Тодд поднял голову:

— Чего?

— И ты, и она были не очень разговорчивы сегодня. Кто откусил тебе язык? Кот или баклан?

— Никто, — пробормотал Тодд. Они повернули на улицу, где жил Дуссандер.

— Я попробую угадать, — сказал Дуссандер не без издевки. — Когда ты пришел за мной, то боялся, что я ошибусь и, как ты выразился, выпущу кота из мешка. Это тебе нужен был этот обед потому что у тебя уже кончились все отговорки. А теперь ты не доволен, что все прошло гладко. Ведь так?

— Какая разница? — нехотя ответил Тодд, пожав плечами.

— А почему все не должно было пройти гладко? — настаивал

Дуссандер. — Я умел притворяться еще тогда, когда тебя и на свете не было. Ты умеешь хранить тайну. Этого у тебя не отнять. Но ты видел меня сегодня? Я ведь очаровал их. *Очаровал!*

Тодд вдруг выпалил:

— Вам не надо было этого делать!

Дуссандер резко остановился и уставился на Тодда:

— Не надо? Как это не надо? Я полагал, что именно этого ты и хотел, пацан! Естественно, теперь они не будут возражать, если и дальше будешь приходить и «читать» для меня.

— А вы не слишком много на себя берете? — горячо возразил Тодд. — А может, мне уже ничего от вас не нужно. Вы что, думаете, что кто-то *заставляет* меня приходить в ваш мерзкий дом и смотреть, как вы накачиваетесь виски, как старый алкаш из тех, кто слоняется по сортировочной станции? Вы так думаете? — Его голос взвился до тонкой, дрожащей, истеричной ноты. — Потому что никто меня не заставляет. Захочу — приду, не захочу — не приду.

— Говори потише, а то услышат.

— Плевать! — крикнул Тодд и двинулся вперед. Теперь он специально шел под дождем.

— Конечно, тебя никто не заставляет приходить, — сказал Дуссандер, а потом сделал рассчитанный выстрел в темноту. — Наоборот, лучше бы тебе держаться подальше. Поверь мне, мальчик, я не испытываю угрызений совести оттого, что пью в одиночку. Вовсе нет.

Тодд посмотрел на него презрительно:

— Но вам это нравится, да?

Дуссандер только неопределенно улыбнулся:

— Ладно, не обращай внимания. — Они дошли до бетонной дорожки, ведущей к крыльцу. Дуссандер поискал в кармане ключ. Подагра тут же дала о себе знать, но потом затихла, словно выжидая. Теперь Дуссандер понял: она ждала, когда он опять останется один. Вот тогда она себя покажет.

— Я хочу вам сказать кое-что, — начал Тодд. Его голос звучал так, словно ему не хватало дыхания. — Если бы они знали, кто вы такой, если бы я сказал им, они бы плюнули вам в лицо, а потом дали пинка под старый костлявый зад. Моя мама, наверное, схватилась бы за кухонный нож. Ведь ее мать была на четверть еврейкой, она мне сама как-то сказала.

Дуссандер пристально вгляделся в лицо Тодда в моросящей темноте. Лицо мальчика было обращено к нему, выражение лица — вызывающее, но кожа бледная, мешки под глазами — темные и припухшие; такое лицо бывает у тех, кто сильно недосыпает.

— Я уверен, что, кроме отвращения, они вряд ли бы что-

нибудь почувствовали, — сказал Дуссандер, хотя ему казалось, что старший Бауден преодолел бы отвращение, чтобы задать многие из тех вопросов, которые задавал его сын. — Отвращение, вот и все. А вот что они подумали о тебе, если бы я рассказал, что ты уже восемь месяцев обо мне знаешь все и ничего не говоришь им?

Тодд глядел на него молча.

— Приходи ко мне, если хочешь, — сказал Дуссандер безразличным тоном. — А если не хочешь, сиди дома. Спокойной ночи, пацан.

Он пошел по дорожке к двери, а Тодд остался стоять под дождем, глядя ему вслед с открытым ртом.

На следующее утро Моника сказала за завтраком:

— Твоему отцу, Тодд, мистер Денкер очень понравился… Он находит, что твой приятель похож на твоего деда.

Тодд пробурчал что-то неразборчивое, прожевывая гренок. Моника посмотрела на сына и подумала, что он, наверное, плохо спал. Был бледен, да и отметки так необъяснимо снизились. Тодд *никогда* не получал троек.

— Тодд, ты хорошо себя чувствуешь?

Сын взглянул на нее сначала безучастно, но потом лучезарная улыбка озарила его лицо, чаруя ее… и успокаивая. На подбородке было пятнышко клубничного крема.

— Конечно, всё класс.

— Тодд-малыш, — сказала она.

— Моника-малышка, — отозвался он, и они рассмеялись.

9

Март 1975 г.

— Кис-кис-кис, — звал Дуссандер. — Иди сюда, киска, кис-кис-кис. Он сидел на заднем крыльце, у ног стояла розовая пластиковая миска с молоком. Сейчас половина второго дня, пасмурного и жаркого. Костры где-то в западной части города наполняли воздух ароматом осени, таким странным в это время года. Если мальчик придет, то будет здесь через час. Но теперь он приходит не каждый день. Вместо семи раз в неделю, иногда появляется только четыре или пять. Мало-помалу у него появилось ощущение, что у самого мальчишки не все в порядке.

— Кис-кис-кис, — вкрадчиво уговаривал он.

В дальнем углу двора в чахлых зарослях у забора сидел бродячий кот. Такой же облезлый, как и заросли, где он сидел. Каждый раз его уши поворачивались на звук голоса Дуссандера. Глаза неотрывно смотрели на миску с молоком.

«Может быть, — думал Дуссандер, — мальчик запустил уроки. Или видит кошмары во сне. Или и то, и другое?»

Последняя мысль вызвала улыбку.

— Кис-кис, — нежно позвал старик. Уши кота опять повернулись. Он не шевельнулся, но продолжал гипнотизировать миску с молоком.

Дуссандер был в отчаянии от своих неприятностей. Уже недели три он надевал на ночь эсэсовскую форму, как нелепую пижаму, и эта форма избавляла его от бессонницы и ночных кошмаров. Сначала сон был крепким, как у лесорубов. А потом кошмары вернулись, и не постепенно, а все сразу, и еще ужаснее, чем раньше. Во сне он бежал через непроходимые густые джунгли, тяжелые листья и влажные ветки били его по лицу, оставляя капли, похожие на сок или… кровь. Он бежал и бежал, а вокруг светились сотни глаз, глядевших бездушно, потом выбегал на поляну. В темноте он скорее ощущал, чем видел, крутой подъем, начинающийся в дальнем конце поляны. Там, наверху, был Патин — с его низкими корпусами и дворами, окруженными колючей проволокой, и проводами под током, с караульными вышками, стоявшими как дредноуты Марциана, выплывшие из «Войны миров». Посередине — огромные трубы, выпускающие в небо дым, а под этими кирпичными колоннами — печи, наполненные, готовые к работе, мерцающие в ночи, как глаза хищных демонов. Нацисты говорили местным жителям, что узники шили одежду и делали свечи, и, конечно же, жители Патина верили этому не больше, чем жители Аушвица, что лагерь

был колбасной фабрикой.

Оглядываясь через плечо во сне, он, наконец, увидел, как *они* выходят из убежищ, эти беспокойные мертвецы, юден-евреи, толпившиеся вокруг него с синими номерами, светящимися на живой плоти их протянутых рук, пальцы скрючены, лица уже не безжизненны, а пылают гневом, жаждой мести, жаждой убийства. Маленькие дети ковыляли рядом с матерями, а стариков поддерживали их дети. И на всех лицах было отчаяние.

Отчаяние? Да. Потому что в своих снах он знал (и они знали), что если взберется на холм, то окажется в безопасности. Там, внизу, в болотистых и влажных низинах, в этих джунглях, где в стеблях растений, зацветающих по ночам, течет не сок, а кровь, он был загнанным зверем — добычей. Но наверху он был главным. И если здесь джунгли, то лагерь наверху был зоопарком, где все дикие животные надежно заперты в клетках, а он — главный, тот, кто решает, кого кормить, кого оставить жить, кого отдать на вивисекцию и, погрузив в фургон, отправить на живодерню.

Изо всех сил он бежал вверх, бежал со всей медлительностью кошмара. И уже чувствовал первые прикосновения костлявых рук на затылке, ощущал их холодное и смрадное дыхание, запах разложения, слышал крики, похожие на птичьи, крики триумфа, когда они сталкивали его вниз, а ведь спасение было так близко…

Кот, наконец, пришел, пересек половину двора и снова сел, но не основательно, хвост беспокойно бился из стороны в сторону. Он не доверял ему. Но Дуссандер знал, что кот чует запах молока, и хладнокровно ждал. Рано или поздно кот придет.

В Патине никогда не было проблем с контрабандой. Некоторые из узников приносили с собой ценности, запихивая их глубоко в прямую кишку в небольших замшевых мешочках (как часто потом оказывалось, эти ценности ничего не стоят — фотографии, локоны, бижутерия), заталкивали с помощью палочек так глубоко, чтобы их не могли достать длинные пальцы надзирателей, которых так и называли «Вонючие пальцы». Он вспомнил, что у одной женщины был бриллиант с трещиной, потом оказалось, что он ничего не стоит, — но шесть поколений семья передавала его от матери к старшей дочери (во всяком случае, так она говорила, но она была еврейкой, а они все врут). Она проглотила его, перед тем как войти в Патин. Когда он вышел наружу с экскрементами, опять проглотила. Так делала несколько раз, хотя бриллиант постепенно ранил внутренности, и она умерла от кровотечения.

Были и другие уловки, хотя, в основном, они касались таких сокровищ, как заначка табаку или ленты для волос. Это значения

не имело… В комнате, в которой Дуссандер проводил допросы, была плитка и стол, покрытый красной клетчатой клеенкой, почти такой же, как теперь у нею на кухне. На плите всегда стояла кастрюля с дымящейся тушеной бараниной. Если подозревали контрабанду (да если и нет…), члена подозреваемой группы приводили в эту комнату. Дуссандер ставил его у плиты, где от тушеного мяса поднимался густой ароматный пар. Спрашивал мягко: *«Кто?* Кто прячет украшения? У кого есть табак? Кто дал этой женщине таблетку для ребенка? Кто?» Жаркого никогда никому не обещали, но аромат его постепенно развязывал языки. Конечно, дубинкой можно было добиться того же, или ударить в промежность, но с бараниной было… элегантней. Да.

— Кис-кис, — звал Дуссандер.

Уши кота повернулись на голос. Он приподнялся, потом, словно вспомнив о давнем пинке или о спичке, опалившей его усы, снова сел на задние лапы. Но скоро подойдет.

Дуссандер нашел способ борьбы с кошмарами. Способ, который, в принципе, не сильно отличался от надевания на ночь эсэсовской формы… но давал больше власти. Дуссандер был доволен собой, жаль, что не додумался до этого раньше. Он подумал, что должен благодарить мальчика за этот новый метод успокоения, за то, что тот показал ему, что ключ к ужасам прошлого был не в отрицании, а в размышлениях, и даже иногда в чем-то типа дружеского объятия.

Это правда, что до неожиданного появления мальчика прошлым летом, кошмарные сны долго не тревожили его, но он считал сейчас, что тогда это был трусливый компромисс с прошлым. Пришлось отказаться от части себя самого. И вот теперь он снова стал самим собой.

— Кис-кис, — звал Дуссандер.

И улыбка появилась на ею лице, добрая улыбка, ободряющая, улыбка всех стариков, кто однажды не только преодолел все сложности жизни и оказался в безопасном месте практически невредимым, но даже приобрел некую мудрость.

Кот поднялся с задних лап, секунду помедлил и потрусил через оставшуюся часть двора с грациозностью рыси. Он поднялся по ступенькам, последний раз бросил на Дуссандера недоверчивый взгляд, прижал изодранные облезлые уши и начал лакать молоко.

— *Вкусное* молочко, — говорил Дуссандер, натягивая резиновые перчатки, которые все это время лежали у него на коленях. — *Хорошее* молочко для *хорошего* котика.

Он купил эти перчатки в супермаркете. Стоял в очереди в

кассу, и пожилые женщины смотрели на него одобрительно, даже задумчиво. Эти перчатки рекламировали по телевидению. У них были манжеты, а сами такие эластичные, что в них легко можно поднять монетку.

Дуссандер погладил кота по спине зеленым пальцем, говоря что-то успокаивающее. Спина стала изгибаться в ритме поглаживания.

Миска уже почти опустела, когда он схватил кота. Зверек отчаянно боролся за жизнь, выкручивался, брыкался, кусал резину. Его тело извивалось, как гибкий хлыст, из стороны в сторону, и Дуссандер не сомневался, что если бы коту удалось добраться до него зубами или когтями, он бы победил. Это был старый волк. «Рыбак рыбака видит издалека», — подумал Дуссандер с улыбкой.

Держа кота на почтительном расстоянии от себя, с гримасой боли на лице, Дуссандер открыл ногой дверь и вошел в кухню. Кот орал, извивался и рвал резиновые перчатки. Звериная треугольная голова рванулась и зубы вцепились в зеленый палец.

— Противный котик, — сказал Дуссандер с упреком.

Дверца духовки была открыта. Дуссандер швырнул туда кота. Раздался звук рвущейся ткани, когда когти кота отцепились от перчатки. Дуссандер захлопнул дверцу коленом, вызвав болезненный приступ подагры. Но все равно он улыбался. Тяжело дыша, почти задыхаясь, прислонился на секунду к духовке, опустив голову. Духовка была газовой. Он редко ею пользовался, готовя лишь странные блюда из телевизионных передач, а вот теперь — убивая бездомных котов.

Очень тихо из газовых горелок доносилось царапание и мяукание рвущегося наружу кота.

Дуссандер повернул рукоятку на 500°. Послышался звонкий хлопок, когда зажглись два ряда газовых горелок. Кот перестал мяукать и заорал. Его крик напоминал… да, детский. Крик маленького мальчика от сильной боли. От этой мысли Дуссандер улыбнулся еще шире. Сердце колотилось в груди. Кот царапался и метался в духовке, все еще крича. Очень скоро из духовки пошел запах паленой шерсти, наполняя комнату.

Через полчаса он выскреб остатки кота из духовки с помощью большой вилки, приобретенной за два доллара девяносто восемь центов на распродаже в торговом центре, в миле от дома.

Обгорелый скелет кота Дуссандер всунул в мешок из-под муки. Мешок отнес в подвал. Пол в подвале был земляной. Вскоре Дуссандер вернулся и начал разбрызгивать освежитель воздуха «Глейд», пока воздух в кухне не наполнился искусственным ароматом хвои. Затем открыл все окна, вымыл вилку для гриля и

повесил на крючок. Потом сел и стал ждать, не придет ли мальчик. Улыбка не сходила с его лица.

И Тодд пришел, пришел через пять минут после того, как Дуссандер перестал его ждать. На нем была теплая куртка со значками школы и бейсболка команды «Сан-Диего Падрес». Под мышкой — учебники.

— Ой-ой-ой! — сказал он, входя в кухню и морща нос. — Что это за вонь? Просто ужас!

— Я включал плиту, — ответил Дуссандер, закуривая, — и случайно спалил свой ужин. Пришлось выбросить.

Как-то в конце месяца мальчик пришел намного раньше обычного, задолго до конца уроков. Дуссандер сидел в кухне и пил виски «Эйншент Эйдж» из смятого стакана с полустертыми словами по ободку: «Это твой кофейный рай, поскорее наливай!» Он вынес кресло-качалку на кухню и теперь пил и качался, качался и пил, ударяя шлепанцами по выцветшему линолеуму. Ему было очень хорошо. До прошлой ночи кошмары не снились совсем. После смерти кота с облезлыми ушами. Но прошлой ночью кошмар был просто невыносимым. Без дураков. Они стащили его вниз, когда он уже поднялся на гору до половины, и стали творить с ним неописуемые вещи, пока не проснулся. И все равно после лихорадочного пробуждения и возвращения в мир реальности был доволен. Он может положить конец кошмарам в любой момент. Даже если кота на этот раз будет недостаточно. Вокруг ведь всегда полно собак. Да. Полно.

Тодд неожиданно появился в кухне, бледный и взволнованный. «А он заметно похудел», — подумал Дуссандер. У парня был странный обозленный взгляд, который Дуссандеру очень не нравился.

— Вы должны мне помочь, — сказал Тодд с вызовом.

— В самом деле? — безразлично спросил Дуссандер. Внезапно его охватил страх. Он не изменился в лице, когда Тодд с размаху швырнул книги на стол. Одна из них прокатилась по клеенке, свалилась и домиком встала на полу у ног Дуссандера.

— Да, именно так, черт бы вас подрал, — резко проговорил Тодд. — И уж поверьте, это все из-за вас! Из-за вас! — Его лицо пошло красными пятнами. — И теперь вы должны помочь мне выпутаться, потому что у меня есть на вас материал. *Я могу сделать с вами все, что захочу.*

— Я сделаю все, что в моих силах, — спокойно сказал Дуссандер. Он заметил, что сложил руки на груди, как раньше. Наклонился слегка вперед в кресле, пока подбородок не оказался

точно над сложенными руками — так он делал когда-то. Лицо было спокойным, дружелюбным и заинтересованным, без малейшего проявления все возрастающего страха. — Расскажи-ка мне, в чем дело.

— Вот в этих чертовых бумажках, — злобно ответил Тодд и швырнул в Дуссандера папку.

Она отскочила от груди старика и упала на его колени, и Дуссандер с удивлением почувствовал прилив гнева. Захотелось встать и хорошенько отхлестать мальчишку. Но вместо этого сохранил на лице благодушное выражение. Он увидел, что на коленях у него обычный школьный табель мальчика, хотя школа изобрела очень смешной способ назвав его заумно: «Отчет об успехах и продвижении за четверть». Старик усмехнулся и развернул табель.

Из него выпала половинка странички, отпечатанная на машинке. Дуссандер отложил ее, чтобы рассмотреть позже, а сначала посмотрел на отметки.

— Да, дружище, похоже, ты на мели, — не без удовольствия произнес Дуссандер. Мальчик был аттестован только по английскому и истории Америки. По всем остальным предметам были двойки.

— Я не виноват, — прошипел Тодд со злостью. — Это из-за вас! Все эти рассказы. Мне снятся кошмары по ночам. Вы это знаете? Сажусь, открываю учебники и начинаю думать о том, что вы мне рассказали днем, а следующее, что слышу, это как мама говорит, что уже пора спать. Я не виноват. Не виноват! ВЫ слышите меня? Не виноват!

— Я слышу тебя отлично, — сказал Дуссандер и стал читать письмо, вложенное в табель Тодда.

«Уважаемые мистер и миссис Бауден!

Настоящим сообщаю вам, что нам необходимо собраться всем вместе, чтобы обсудить успеваемость Тодда во второй и третьей четвертях. В свете успехов Тодда в предыдущих четвертях его нынешние отметки позволяют предположить наличие определенной проблемы, пагубно влияющей на успеваемость. Такую проблему зачастую можно решить при помощи открытого честного обсуждения.

Должен заметить, что хотя Тодд и был аттестован за полугодие, отметки могут быть снижены, если в четвертой четверти он радикально не изменит свое отношение к учебе. Из-за низкой успеваемости придется посещать школу летом, чтобы избежать отставания и

проблем из-за изменения расписания занятий на будущий год.

Я должен также отметить, что Тодд занимается на отделении подготовки в колледж, но успеваемость в этом году намного ниже приемлемой для поступления в колледж. Она также ниже уровня академических способностей, выявленных тестами SAT.

Сообщаю, что готов встретиться с вами в любое удобное для вас время. Но чем раньше, тем лучше.

С уважением, Эдвард Френч.»

— Кто этот Эдвард Френч? — спросил Дуссандер, вкладывая записку обратно в табель (в душе он слегка иронизировал над любовью американцев к канцеляризмам: столько слов, чтобы сообщить родителям, что их сына могут выгнать из школы), потом снова сложил руки на груди. Предчувствие катастрофы было сильнее обычного, но не хотел ему поддаваться. Год назад он бы не сдался, год назад был бы готов к катастрофе. А сейчас не был готов, но казалось, что виноват во всем проклятый пацан. — Он твой классный руководитель?

— Кто, Калоша Эд? Нет, что вы. Он — завуч.

— Завуч? А что это такое?

— Разве не понятно? — сказал Тодд. Он был на грани истерики. — Вы же прочли эту чертову записку! — Он стал быстро ходить по комнате, бросая на Дуссандера быстрые, сердитые взгляды. — Так вот, никто об этой фигне ничего не узнает. Я не хочу. Ни в какую школу летом ходить не буду. Мои предки этим летом едут на Гавайи, и я хочу поехать с ними, — Он указал на табель на столе. — Вы знаете, что отец со мной сделает, если увидит это?

Дуссандер покачал головой.

— Он вытянет из меня все. *Все.* Узнает, что это из-за вас. Потому что больше ничего не изменилось. Будет допытываться и не отстанет, пока все не вытянет. *А* потом… потом будет… ужас.

Он обиженно посмотрел на Дуссандера.

— Они станут следить за мной. Могут отвести к врачу. Не знаю, откуда *мне* знать. Но не хочу этого ужаса. И не пойду ни в какую чертову летнюю школу.

— Или в колонию, — сказал Дуссандер очень тихо.

Тодд застыл на месте. Лицо его окаменело. Щеки и лоб, и без того бледные, побелели еще больше. Он уставился на Дуссандера и лишь со второго раза ему удалось выговорить:

— Что? Что вы сказали?

— Мой милый мальчик, — проговорил Дуссандер, приняв

выражение великого терпения. — Я уже целых пять минут слушаю твой скулеж, но к чему сводятся твои стенания? *Ты* попал в беду. Именно *ты.* Обстоятельства против *тебя.* — Видя, что все внимание мальчика, наконец, обращено к нему, Дуссандер машинально отпил из стакана.

— Мой мальчик, — продолжал он, — эти обстоятельства для тебя очень опасны. И для меня тоже. Причем потенциальная опасность для меня гораздо больше. Ты переживаешь из-за табеля. Ха-ха! Всего лишь из-за бумажки.

Он щелчком желтоватого ногтя сбил табель со стола.

— А я боюсь за свою *жизнь!*

Тодд не ответил, он просто продолжал смотреть на Дуссандера неподвижными, побелевшими, чуть безумными глазами.

— Израильтяне не посмотрят на то, что мне семьдесят шесть лет. Смертная казнь у них все еще поощряется, особенно, если подсудимый является нацистским военным преступником и связан с концлагерями.

— Вы — гражданин США, — сказал Тодд. — Америка не позволит им взять вас. Я читал об этом. Я…

— Ты умеешь читать, но *не умеешь слушать!* Я не гражданин США! У меня документы от «Коза Ностры». Меня депортируют, и агенты Моссад уже будут ждать в аэропорту.

— Жаль, что они вас не повесили, — пробормотал Тодд, сжимая кулаки и глядя на них. — Какой же я идиот, что связался с вами.

— Конечно, — сказал Дуссандер и чуть улыбнулся. — И все же ты связался со мной. Мы должны жить в настоящем, мальчик, а не в прошлом из всяких «я-бы-никогда-бы-не». Теперь твоя судьба и моя связаны неразрывно. Ты так любишь хвастать, что у тебя есть компромат на меня. Думаешь, мне нечем похвастаться? В Патине погибло семьсот тысяч человек. Для всего мира я — преступник, чудовище, даже мясник, как будут называть меня бульварные газетенки. А ты, мой мальчик, все это знал, знал о незаконном эмигранте, и не сообщил в полицию. И если меня поймают, я расскажу о тебе всему миру. Когда репортеры сунут мне в лицо свои микрофоны, буду повторять твое имя: «Тодд Бауден, да, его так зовут… Как давно? Почти год. Он хотел знать. Все жуткие детали. Так он и говорил, да, все жуткие детали».

У Тодда перехватило дыхание. Кожа казалась прозрачной. Дуссандер улыбнулся ему. И отхлебнул виски.

— Думаю, тебя посадят в тюрьму. Это может быть колония или исправительное учреждение — мало ли каким красивым словом это назовут, типа «Отчет об успехах и продвижении за

четверть», но в любом случае на окнах будут решетки.

Тодд облизнул губы.

— Я скажу, что вы врете. Скажу, что я только что узнал. Они поверят мне, а не вам. Запомните это.

Дуссандер по-прежнему слегка улыбался:

— Ты же сказал мне, что твой отец вытянет из тебя все.

Тодд произнес медленно, как человек, к которому мысли и слова приходят одновременно.

— Может, и не вытянет. Может, не в этот раз. Это ведь не окно камнем разбить.

Дуссандер внутренне содрогнулся. Он подозревал, что мальчик оценил все верно, и когда на карту поставлено столько, он сможет убедить отца. В конце концов, какой отец не захочет поверить перед лицом таких неприятных фактов?

— Может, и так. А может, и нет. Как ты, к примеру, объяснишь все книги, что читал мне, потому что бедный мистер Денкер почти слепой? Зрение у меня, конечно, уже не то, но мелкий шрифт я могу читать в очках. Могу это доказать.

— Я скажу, что вы обманули меня!

— Да? А зачем мне было тебя обманывать?

— Из-за… из-за дружбы. Вам было одиноко.

«И это тоже, — отметил Дуссандер, — недалеко от истины и поэтому правдоподобно». И тогда, в начале, мальчик смог бы привести этот аргумент. Но сейчас он был разозлен, сейчас разваливался на части, как расползается старое, изношенное платье. И если бы сейчас вдруг какой-нибудь ребенок выстрелил из игрушечного пистолетика где-нибудь через дорогу, Тодд подпрыгнул бы и завизжал, как девчонка.

— Твой табель тоже будет говорить в мою пользу, — сказал Дуссандер. — Это ведь не из-за «Робинзона Крузо» твои оценки так ухудшились, мой мальчик?

— Заткнитесь! Прекратите сейчас же!

— Нет, — сказал Дуссандер, — не заткнусь, — Он зажег сигарету, чиркнув спичкой о дверцу газовой плиты. — Пока ты не поймешь простой вещи. Мы в этом деле оба — в одной лодке. Или утонем, или выплывем, — Он посмотрел на Тодда сквозь клубы дыма без улыбки, его старое морщинистое лицо было, как у рептилии. — Я утяну тебя на дно, мальчик. Обещаю. Если что-нибудь выплывет наружу, то станет известно *все.* Я тебе это обещаю.

Тодд смотрел на него мрачно и не отвечал.

— А теперь, — живо сказал Дуссандер с видом человека, покончившего с необходимыми формальностями. — Вопрос в том, что нам предпринять в такой ситуации. У тебя есть соображения

на этот счет?

— Бот этим я исправлю табель, — сказал Тодд и достал новый флакон пятновыводителя из кармана куртки, — а что делать с чертовым письмом, я просто ума не приложу.

Дуссандер одобряюще посмотрел на пятновыводитель. В свое время он тоже подделал несколько отчетов. Когда квоты возросли до фантастического уровня… и намного выше. И еще, в ситуации, подобной нынешней, — там дело было со списками… военных трофеев. Каждую неделю он должен был проверять ящики с ценностями, отправляемые в Берлин в специальных вагонах, представляющих собой большие сейфы на колесах. У каждого ящика на боку был желтый конверт, внутри которого находился заверенный список содержимого. Столько-то колец, цепочек, колье, столько-то грамм золота. У Дуссандера была и своя коробочка драгоценностей — не очень ценных, но и не совсем уж безделушек. Нефриты, турмалины, опалы. Несколько поддельных жемчужин. Промышленные алмазы. И когда он видел в списке на отправку в Берлин вещь, которая казалась ему подходящей, он изымал ее, заменял на предмет из своей коробки и применял пятновыводитель, изменяя название в списке. Он стал тогда большим специалистом по подделке… этот талант пригодился ему не раз и после войны.

— Хорошо, — сказал он Тодду. — Что касается второго вопроса…

Дуссандер опять стал качаться, потягивая виски из стакана. Тодд придвинул к столу табурет и принялся подчищать табель, который он молча поднял с пола. Внешнее спокойствие Дуссандера возымело свое действие, и теперь Тодд молча работал, склонившись над табелем, как любой американский школьник, настроенный на то, чтобы сделать как можно лучше — все равно что: посадить кукурузу, подать неотбиваемый мяч в мировой серии «Литл лиг» или подделать собственный табель.

Дуссандер смотрел на его слегка загорелый затылок, проглядывающий между прядями волос и полукругом воротника футболки. Взгляд его перешел на верхний ящик стола, где хранились ножи для разделки мяса. Один быстрый удар — он знал, куда нужно бить, — и спинной мозг будет поврежден. И уста тогда сомкнутся навеки. Дуссандер улыбнулся с сожалением. Если мальчик исчезнет, будет много вопросов. Слишком много. Некоторые будут заданы ему. Даже если письма у приятеля нет, всю эту процедуру с вопросами он не может себе позволить. Это слишком.

— А этот Френч, — сказал он, постукивая пальцами по письму. — Он общается с твоими родителями?

— Он? — Тодд протянул слово с подозрением. — Отец с матерью не бывают нигде, куда бы он даже теоретически смог попасть.

— А он встречался с ними по делам школы? Вообще с ними беседовал когда-нибудь?

— Нет. Я всегда был одним из лучших в классе. До сегодняшнего дня.

— То есть, что ему о них известно? — сказал Дуссандер, мечтательно глядя в свой стакан, который был уже почти пуст. — Да, он знает *о тебе.* У него, конечно, есть записи в твоем личном деле. Начиная с драк в детском саду. Но что он знает *о них?*

Тодд убрал ручку и флакончик пятновыводителя.

— Да, он знает, как их зовут. Возраст. Он знает, что мы принадлежим к Методистской церкви. Мы не часто там бываем, но он об этом знает, это указано в анкетах. Он должен знать, кем работает отец, это тоже в анкетах. То есть, он знает то, что мы каждый год пишем в анкетах. И я уверен, что это все.

— А мог бы узнать о том, что у тебя дома не все в порядке?

— Что вы имеете в виду?

Дуссандер поболтал остатки виски в стакане.

— Скандалы. Драки. Отец спит на раскладушке. Мать слишком много пьет. — Его глаза заблестели. — Назревает развод.

Тодд возмутился:

— Ничего такого не было! Не было!

— Я и не говорил, что было. Но подумай, пацан. Предположим, что у тебя дома все, как говорится, летит ко всем чертям.

Тодд взглянул на него, нахмурившись.

— Ты будешь переживать из-за этого, — продолжал Дуссандер. — Сильно переживать. Потеряешь аппетит, будешь плохо спать. И самое печальное, что пострадает твоя учеба. Правда? Это очень плохо для детей, когда дома проблемы.

В глазах мальчика мелькнуло понимание и еще что-то, похожее на тупую благодарность. Дуссандер был вознагражден.

— Да, это печально, когда семья на грани развала, — величественно сказал Дуссандер, наливая еще виски. Он уже был крепко пьян, — Дневные телесериалы это подтверждают. Колкости, ругань и ложь. Но хуже всего боль. Боль, мой мальчик. Ты не представляешь, через какой ужас проходят твои родители. Они так поглощены своими проблемами, что на сына у них времени не остается. Что его проблемы по сравнению с их неприятностями, так? Когда-нибудь, когда шрамы уже затянутся, они снова окунутся в дела своего сына. Но сейчас, единственная

уступка, которую они могут сделать — попросить доброго дедушку мальчика сходить в школу к мистеру Френчу.

Глаза Тодда разгорались все ярче и ярче, пока не стали почти пылающими.

— Может сработать, — бормотал Тодд. — Может, да, может сработать, может, — оборвал он на полуслове. Вдруг глаза снова потухли. — Нет, не выйдет. Вы на меня совсем не похожи, нисколько. Калоша Эд не поверит.

— Чепуха! Чушь собачья! — закричал, вскакивая Дуссандер. Он, слегка пошатываясь, подошел к буфету и достал бутылку виски. Отвинтил пробку и щедро налил в стакан. — Такой разумный мальчик и такой дурак. Ну где это видано, чтобы дедушка походил на своих внуков? А? Я лысый. А ты разве лысый?

Он вернулся к столу, с удивительной проворностью схватил целый пучок белокурых волос Тодда и резко потянул.

— Перестаньте, — отрезал Тодд, но уже слегка улыбаясь.

— Кроме того, — сказал Дуссандер, снова усаживаясь в кресло, — у тебя белокурые волосы и голубые глаза. У меня тоже голубые глаза, и до того, как мои волосы поседели и выпали, тоже были светлые. Ты мне расскажешь историю вашей семьи. Про тетушек и дядюшек. О людях, с которыми работает твой отец. О хобби твоей матери. Я все запомню. Я выучу и запомню. Через пару дней я опять все позабуду — сейчас моя память больше похожа на решето, — но какое-то время я все буду помнить. — Он грустно улыбнулся. — В свое время я обошел Уайзенталя и вешал лапшу на уши самому Гиммлеру. Если я не проведу одного-единственного учителя средней школы, значит, мне пора завернуться в саван и ползти на кладбище.

— Может быть, — медленно проговорил Тодд, и Дуссандеру стало ясно, что план принят.

— Есть еще одно сходство, — сказал Дуссандер.

— Еще одно?

— Ты говорил мне, что твоя мать на одну восьмую — еврейка. Моя мать была чистой еврейкой. Так что мы оба — жиды, мой мальчик. Как в старом анекдоте, два мойши, что сидят на кухне.

Он вдруг зажал свой нос между пальцами правой руки. То же самое он проделал с носом мальчика левой рукой.

— И это видно, — проревел он, — видно!

Он захохотал, раскачиваясь в кресле туда-сюда. Тодд посмотрел на него удивленно и испуганно, потом захохотал тоже. Они еще долго смеялись на кухне Дуссандера, старик — сидя у окна, обдуваемый теплым калифорнийским бризом, а Тодд,

качаясь на задних ножках табурета и уперевшись спиной в дверцу духовки, белая эмаль которой была вся в крестиках царапин, сделанных спичками Дуссандера.

Калоша Эд Френч (прозвище, как рассказал Тодд, объяснялось привычкой Эда носить калоши поверх кроссовок в сырую погоду) был худощавым мужчиной, имевшим особую страсть приходить в школу всегда в кедах или кроссовках. Он считал, что в кедах будет ближе к своим ста шести ученикам в возрасте от двенадцати до четырнадцати лет, заведовать учебой которых ему надлежало. У него было пять пар кед разных цветов — от синих «Фаст Трек» до кричаще-желтых «Зонкерс», и он не догадывался, что его называют не только Калоша Эд, но еще Кроссовка-Пит, Кедман и даже Комета Кедман. В колледже за ним закрепилось прозвище Проказник, и даже этот постыдный факт как-то вышел наружу, что было довольно унизительно.

Он редко надевал галстук, предпочитая свитера-водолазки. Носил с начала шестидесятых, когда Дэвид МакКаллум рекламировал их в фильме «Человек из Д.Я.Д.И.» В колледже однокурсники часто незаметно обгоняли его и шли впереди, отпуская реплики типа: «Вот идет Проказник в свитере от Дяди». Он втайне считал себя единственным хорошим завучем из всех, кого знал. У него был хороший *контакт* с детьми. Он мог с ними *потрепаться,* мог *заторчать* от их музыки и молча посочувствовать, когда они *влипали в истории.* Он понимал их *приколы,* потому что знал, какой *облом* быть тринадцатилетним, когда все время кто-то *наезжает*, а ты не можешь *отвертеться.*

Но он никак не мог вспомнить, каким сам был в тринадцать лег. И полагал, что это та цена, которую приходится платить за взросление в пятидесятые годы. Это, а еще и вступление в новый мир шестидесятых с прозвищем Проказник.

И вот теперь, когда дедушка Тодда Баудена вошел в его офис, плотно прикрыв за собой стеклянную дверь, он почтительно встал, приветствуя его, но не решился выйти из-за стола навстречу старику. Вспомнил, что на ногах у него кроссовки, а пожилые люди иногда не понимают, что кроссовки — всего лишь средство психологической помощи детям, у которых проблемы с учителями. Поэтому некоторые пожилые люди могут неправильно понять завуча в кроссовках или кедах.

«Приятный дедуля», — подумал Калоша Эд. Седые волосы аккуратно зачесаны назад. Костюм-тройка безукоризненно чист. Серебристо-серый галстук искусно завязан. В левой руке он держал старенький черный зонт (дождь моросил уже несколько дней) как-то по-военному. Несколько лет назад Калоша Эд с

женой были на пьянке у Дороти Сойерс, они зачитывались книгами, написанными этой уважаемой леди, читали все, что попадалось. И вдруг показалось, что это герой ее книг — лорд Питер Уимсли в жизни. Только лет в семьдесят пять, уже после кончины Бантера и Харриет Вейн. Он отметил мысленно, что об этом нужно рассказать Сандре, когда придет домой.

— Мистер Бауден, — сказал он почтительно и протянул руку.

— Очень приятно, — ответил Бауден и пожал ее.

Калоша Эд старался не сильно давить и не тряс, как обычно, здороваясь с отцами. По тому, как осторожно старик протянул руку, стало ясно, что у него — подагра.

— Очень приятно, мистер Френч, — повторил Бауден и сел, аккуратно подтянув брюки на коленях.

Зонт он поставил между коленей, оперся на него и стал похож на пожилого городского стервятника, присевшего отдохнуть в кабинете Калоши Эда Френча. Эд уловил чуть заметный акцент, но не ту изысканную интонацию, характерную для высшего британского общества, к которому принадлежал Уимсли, а скорее европейскую манеру. Во всяком случае, сходство с Тоддом было заметным. Особенно нос и глаза.

— Очень рад вас видеть, — сказал Калоша Эд, усаживаясь в свое кресло, — хотя в таких случаях обычно мать или отец ученика…

Он сказал так, конечно, нарочно. Опыт почти десяти лет работы завучем убедил его, что, если на собеседование приходят тетушки, дядюшки или дедушки и бабушки, это значит, что дома неприятности — неприятности, которые и оказываются потом причиной возникшей проблемы. Калоша Эд вздохнул с облегчением. Семейные дрязги — это плохо, но для такого способного мальчика, как Тодд, гораздо хуже было бы сесть на иглу.

— Да, конечно, — сказал Бауден, стараясь казаться одновременно печальным и рассерженным, — мой сын и его жена попросили меня прийти сюда и обсудить с вами это неприятное дело. Тодд — хороший мальчик, поверьте. И ухудшение его отметок в школе — временное.

— Мы все на это надеемся, мистер Бауден. Курите, пожалуйста. В стенах школы обычно не курят, но для вас мы сделаем исключение.

— Благодарю вас.

Мистер Бауден достал из внутреннего кармана смятую пачку «Кэмела», сунул одну из двух оставшихся кривых сигарет в рот, извлек спичку, зажег о каблук черной туфли и закурил. После первой затяжки он по-стариковски закашлялся, потушил спичку и

бросил в предложенную Калошей Эдом пепельницу. Эд наблюдал за этой процедурой, торжественной, как и туфли старика, с откровенным восхищением.

— Не знаю, с чего и начать, — сказал Бауден, печально глядя на Калошу Эда сквозь завитки сигаретного дыма.

— То, что пришли вы, — мягко сказал Калоша Эд, — вместо родителей Тодда уже говорит о многом.

— Да, конечно, — старик скрестил руки на груди. Сигарету он держал между указательным и средним пальцами правой руки. Спина прямая, подбородок приподнят. Что-то немецкое было в его манере изъясняться, и это напоминало Эду увиденные в детстве фильмы про войну.

— У моего сына и невестки дома не все в порядке, — сказал Бауден, тщательно выговаривая каждое слово. — Я бы сказал, большие неприятности. — Его глаза, старые, но удивительно ясные, наблюдали, как Калоша Эд раскрыл лежащую перед ним папку. Внутри было несколько листков бумаги.

— И вы считаете, эти неприятности влияют на успеваемость Тодда?

Бауден сильно наклонился вперед, не сводя своих синих глаз с карих глаз Калоши Эда. Повисла тяжелая пауза, потом Бауден произнес:

— Его мать пьет.

Он снова выпрямился.

— Боже, — выдохнул Калоша Эд.

— Да, — отозвался Бауден и печально кивнул — Мальчик рассказывал мне, что пару раз, приходя из школы домой, заставал ее спящей на кухонном столе. Он знает, как мой сын относится к выпивкам, поэтому приходилось самому разогревать обед и поить ее крепким кофе, чтобы она хотя бы проснулась к приходу Ричарда.

— Это ужасно, — сказал Калоша Эд, хотя слышал вещи и похуже: матери с пристрастием к героину, отцы, которые вдруг начинали насиловать своих дочерей… или сыновей. А миссис Бауден не хочет обратиться к специалистам?

— Мальчик пытался убедить ее, что это — лучшее решение. Ей, наверное, очень стыдно. Если бы ей дать время… — Он сделал жест сигаретой, описав колечко в воздухе. — Ну, вы меня понимаете.

— Да, конечно, — кивнул Калоша Эд, опять восхищаясь жестом и нарисованным колечком. — Ваш сын… отец Тодда…

— В этом есть и его вина, — жестко сказал Бауден. — Сколько раз он задерживался на работе, опаздывал на ужин, внезапно уходил вечером… Я должен сказать вам, мистер Френч,

он женат скорее на своей работе, чем на Монике. Меня воспитывали в духе того, что семья превыше всего. А вы разве не согласны с этим?

— Конечно, вы правы, — искренне ответил Калоша Эд.

Его отец был ночным сторожем в большом универмаге в Лос-Анджелесе, и он видел отца только по выходным и в отпуске.

— Это — другая сторона проблемы, — сказал Бауден.

Калоша Эд кивнул и задумался.

— А что ваш второй сын, мистер Бауден? М… — Он заглянул в папку, — Гарольд. Дядя Тодда.

— Гарри и Дебора сейчас живут в Миннесоте, — ответил Бауден правдиво. — Он работает на Медицинском факультете университета. Ему сложно оставить работу, да и неловко просить об этом. — Лицо приняло добродетельное выражение. — Гарри и его жена живут хорошо.

— Понимаю. — Калоша Эд снова заглянул в папочку, потом закрыл ее. — Мистер Бауден, я ценю вашу откровенность. И буду также откровенен с вами.

— Спасибо, — церемонно сказал Бауден.

— Мы не в состоянии, к сожалению, оказывать всем ученикам столько внимания, сколько нужно. Здесь шесть завучей, и на каждого приходится более сотни учеников. У моего самого молодого коллеги Хэпберна — сто пятнадцать. В нашем обществе почти всем детям в этом возрасте необходима помощь.

— Конечно, — Бауден раздавил окурок в пепельнице и снова сложил руки.

— Иногда возникают ужасные проблемы. Наиболее частые — обстановка в семье и наркотики. По крайней мере Тодд не связан ни с амфетамином, ни с мескалином или фенциклидином.

— Боже сохрани!

— Иногда, — продолжал Калоша Эд, — мы просто ничего не можем поделать. Это ужасно, но такова жизнь. Обычно из этого колеса выбиваются единицы — те, кто мешает всему классу, — угрюмые, необщительные дети, даже не пытающиеся что-то изменить. Это просто живые организмы, ожидающие, когда система пропустит их через все шестеренки или когда они станут старше и бросят школу без разрешения родителей, чтобы пойти в армию, мыть машины или выйти замуж за дружка. Понимаете? Я говорю прямо. Наша система, как говорится, далека от совершенства.

— Мне нравится ваша откровенность.

— Но очень больно смотреть, когда эта система начинает обламывать таких ребят, как Тодд. Он в прошлом году набрал 92 балла и достиг 95 процентов. А его средний балл по английскому

еще выше. У него есть творческие способности, а это не так часто встречается у детей нынешнею поколения, культура которых начинается у телевизора, а заканчивается в ближайшем кинотеатре. Я разговаривал с учительницей, которая принимала у Тодда экзамен в прошлом году. Она сказала, что Тодд представил лучший реферат из всех, которые она читала за двадцать лет работы в школе. Он посвящен немецким лагерям смерти во время Второй мировой войны. И поставила ему единственному пятерку с плюсом.

— Я читал этот реферат, — сказал Бауден. — Отличная работа.

— Он также проявил способности выше среднего уровня к естествознанию и общественным наукам, и если не станет одним из величайших математиков столетия, то по крайней мере будет хорошо успевать в колледже… И все это было до нынешнего года. Вот, в общих чертах, все.

— Да.

— Мне ужасно обидно видеть, как Тодд катится вниз, мистер Бауден. А летняя школа… Скажу вам честно, летняя школа таким мальчикам, как Тодд, приносит часто больше вреда, чем пользы. Обычно летняя сессия младших учеников средней школы напоминает зоопарк. Сплошные обезьяны и хохочущие гиены, плюс еще парочка дронтов. Неподходящая компания для такого мальчика, как Тодд.

— Естественно.

— Так что давайте перейдем ближе к делу. Я предлагаю провести серию консультаций для мистера и миссис Бауден в Консультативном центре города. Все, естественно, конфиденциально. Там заведующий Гарри Акерман, мой хороший приятель. И я думаю, что не Тодд должен предложить это, а вы, — широко улыбнулся Калоша Эд. — Может, удастся нормализовать все к июню. Это вполне возможно.

Но Бауден был явно встревожен этим предложением.

— Боюсь, что они рассердятся на мальчика, если я предложу им это, — сказал он. — Дело очень деликатное. Может и так, и этак повернуться. Мальчик пообещал мне, что будет больше заниматься. Он очень переживает из-за плохих оценок. — Старик слегка улыбнулся, и Калоша Эд не смог понять, чему. — Гораздо больше переживает, чем вы думаете.

— Но…

— И они рассердятся на *меня,* — продолжал настаивать Бауден. — Конечно. Моника и так считает, что я вмешиваюсь. Я пытаюсь держаться в стороне, но вы же видите. Я считаю, лучше их оставить в покое. На время.

— У меня большой опыт в решении проблем такого рода, — сказал Калоша Эд. Он прикрыл ладонями папку Тодда и открыто посмотрел на старика. — Я действительно считаю, что консультации должны помочь. Вы понимаете, что мой интерес к семейной жизни вашего сына и невестки начинается и кончается там, где она влияет на успеваемость Тодда… и именно сейчас вы видите, как она влияет.

— Разрешите мне внести встречное предложение, — сказал Бауден. — У вас есть система аттестации за половину четверти?

— Да, — осторожно согласился Калоша Эд. — Карточки определения успехов. Дети, правда, называют их «хвостовки». Их получают только те, чей средний балл за половину четверти ниже 78. Иными словами, эти карточки получают двоечники.

— Очень хорошо, — сказал Бауден. — Тогда я предлагаю вот что: если мальчик получит хоть одну такую карточку, хотя бы *одну,* — Он поднял вверх узловатый палец. — Я предложу сыну и невестке ваши консультации. Более того, — он произносил «того», — если мальчик получит хоть одну карточку в апреле…

— Мы раздаем их в первую неделю мая.

— Да? Если он получит хоть одну, я гарантирую, что они примут предложение о консультациях. Их очень волнует учеба сына, мистер Френч. Но сейчас они так погрязли в своих собственных проблемах, что… — Он пожал плечами.

— Понимаю.

— Так что давайте выделим им время разобраться в собственных проблемах. Спасение утопающих — дело рук самих утопающих, ведь так говорит пословица, правда?

— Да, вы правы, — ответил Калоша Эд после секундного раздумья… и быстрого взгляда на часы, которые показывали, что через пять минут у него следующая встреча. — Я принимаю ваше предложение.

Он поднялся, и Бауден встал вместе с ним. Они снова пожали друг другу руки, Калоша Эд старательно щадил подагру старика.

— Но со всей откровенностью должен вам заметить, что очень немногие ученики могут за пять недель занятий наверстать упущенное за две четверти. Очень много материала надо усвоить, очень много. Я думаю, вам придется позаниматься с вашим внуком, мистер Бауден.

Бауден снова слабо и смущенно улыбнулся:

— Правда? — это все, что он ответил.

Что-то вызывало беспокойство Калоши Эда в течение всего разговора, и через час после ухода «лорда Питера», завтракая в кафетерии, он понял, что именно.

Они проговорили с дедом Тодда добрых четверть часа, даже

почти двадцать минут, и все это время старик ни разу не назвал внука по имени.

Тодд промчался во весь дух по дорожке к дому Дуссандера и поставил велосипед на подставку. Занятия в школе закончились всего пятнадцать минут назад. Одним прыжком преодолел ступеньки, открыл дверь своим ключом и устремился по коридору в освещенную солнцем кухню. На лице словно нарисован пейзаж из обнадеживающего солнца и печальных туч. Он задержался на секунду в дверях, ощущая спазмы в желудке и в горле, и глядя на Дуссандера, качающегося в кресле со стаканом виски на коленях. Тот все еще был в своем лучшем костюме, правда, на пару сантиметров ослабил галстук и расстегнул верхнюю пуговицу. Он смотрел на Тодда, как на пустое место, и его глаза ящерицы были полуприкрыты.

— Ну, — выдавил, наконец, Тодд.

Дуссандер выдержал паузу, показавшуюся Тодду длиной лет в десять. Потом демонстративно поставил стакан на стол рядом с бутылкой виски и произнес:

— Этот дурак поверил всему.

Тодд облегченно выдохнул.

Но не успел опять вдохнуть, как Дуссандер добавил:

— Он хотел, чтобы твои несчастные, замотанные родители прошли куре консультаций у одного из его друзей в городе. Очень настаивал.

— Боже! И вы… что вы… как вам удалось убедить его?

— Пришлось соображать быстро, — ответил Дуссандер. — Как в рассказе Саки у маленькой девочки, так и у меня, способность быстро реагировать всегда была сильной стороной. Я пообещал ему, что твои родители придут на консультации, если ты получишь хоть одну хвостовку в мае.

Тодд стал белым, как полотно.

— Что вы пообещали? — почти закричал он. — С начала четверти я уже завалил две контрольные по алгебре и одну по истории! — Он прошел в комнату, бледное лицо покрылось капельками пота. — Сегодня была контрольная по французскому, и ее тоже завалил… Я думал только о проклятом Калоше Эде и о том, удастся ли все уладить. Ну, вы и уладили, — закончил язвительно. — Не получу хвостовки? Да я получу их штук пять или шесть.

— Это все, что я мог сделать, не вызывая подозрений, — сказал Дуссандер. — Этот Френч, хоть и дурак, но свое дело знает. Теперь дело за тобой.

— Что вы имеете в виду? — лицо Тодда было угрожающим и

ужасным, а голос — резким.

— Ты будешь заниматься. В ближайшие четыре недели заниматься больше и старательнее, чем когда-либо в жизни. Более того, в понедельник подойдешь ко всем учителям и извинишься за плохую успеваемость в последнее время. Ты…

— Это невозможно, — сказал Тодд. — Вы не поняли. Это *невозможно.* Я отстал по крайней мере на пять недель по естествознанию и истории. А по алгебре — больше, чем на десять.

— Неважно, — сказал Дуссандер. И налил еще виски.

— Думаете, что вы очень умный, да? — закричал на него Тодд. — Я не подчиняюсь вашим приказам. Время, когда вы отдавали приказы, давно прошло. *Понятно?* — Он резко понизил голос. — Самое страшное оружие здесь в доме — липкая лента от мух. Вы — ничтожество, просто разорившийся старик, пукающий тухлыми яйцами после того, как поедите «тако». Уверен, что еще и мочитесь в постель.

— Послушай меня, сопляк, — тихо сказал Дуссандер.

Тодд дернул головой в ответ.

— До сегодняшнего дня, — осторожно начал Дуссандер, — было возможно, *чисто теоретически* возможно, что ты можешь выдать меня, а сам остаться чистеньким. Я, правда, не верю, что с такими нервами ты это смог бы сделать, но это не важно. Это было технически возможно. Но сегодня все изменилось. Сегодня я изображал твоего деда, некоего Виктора Баудена. Никто не усомнится, что я сделал это с твоего… как это… молчаливого согласия. И теперь, мой мальчик, оказывается, что ты заляпан по уши. И оправдаться тебе нечем.

— Я хочу…

— Он *хочет!* Он *хочет!* — заревел Дуссандер. — Плевать мне на твои желания, меня от них *тошнит,* твои желания — кучка собачьего дерьма в канаве. *Когда ты, наконец, поймешь, в каком мы сейчас положении?!*

— Я понимаю, — пробормотал Тодд.

Он сжал кулаки, пока Дуссандер орал — он не привык, чтобы на него кричали. Теперь разжал их и тупо глядел на кровоточащие полумесяцы, оставшиеся на ладонях. Мог бы и сильнее пораниться, подумал он, но в последние месяца четыре стал грызть ногти.

— Хорошо. Тогда извинишься и будешь заниматься, будешь заниматься в свободное время в школе. Заниматься во время обеда. После школы будешь приходить сюда и тоже заниматься. И в выходные тоже: приходить сюда и заниматься здесь.

— Не здесь, — сказал быстро Тодд. — Не здесь, а дома.

— Нет. Дома ты всю дорогу бездельничаешь и грезишь наяву,

А здесь я могу стоять над тобой и следить. И таким образом защищать свои интересы. Могу тебя спрашивать, Могу выслушивать твои уроки.

— Если не захочу приходить, вы меня не заставите.

Дуссандер выпил.

— Это правда. Тогда все пойдет, как было. Ты провалишься. Этот завуч Френч думает, что я сдержу свое обещание и буду следить за тобой. Если мне это не удастся, конечно позвонит твоим родителям. И они узнают, что по твоей просьбе добрый мистер Денкер изобразил твоего дедушку. Узнают и о подделанных оценках. Они…

— Заткнитесь. Я приду.

— Ты уже пришел. Начни с алгебры.

— Еще чего! Сегодня пятница!

— Теперь будешь заниматься *каждый* день, — мягко сказал Дуссандер, — Начни с алгебры.

Тодд пристально посмотрел на него и тут же опустил глаза, вытаскивая учебник алгебры из сумки, но Дуссандер увидел убийство в этих глазах. Не фигуральное, а буквальное убийство. Он уже много лет не встречал такого мрачного, испытующего, горящего взгляда, такой взгляд забыть невозможно. И подумал, что такой взгляд отразился бы в зеркале в тот день, когда он сам смотрел на белую и беззащитную шею мальчика.

«Я должен защитить себя, — подумал он с удивлением. — Нельзя недооценивать собственного риска».

Он пил виски, раскачиваясь в кресле, и смотрел, как мальчик занимается.

Когда Тодд приехал домой, было около пяти. Он чувствовал себя побитым, выжатым, бессильно злым, глаза устали от напряжения. Каждый раз, когда его взгляд соскальзывал со страницы, уходил из этого умопомрачительного, непонятного, чертовою мира множеств, подмножеств, упорядоченных пар и прямоугольных координат, раздавался хрипловатый старческий голос Дуссандера. Все остальное время старик сидел молча, слышался лишь отвратительный звук от ударов шлепанцев об пол и скрип кресла-качалки. Он сидел, как стервятник, и ждал, когда жертва сдастся. Зачем он в это ввязался? Как вообще угораздило в это вляпаться? Ужас, просто ужас. Сегодня днем он слегка разобрался в теории множеств, которую завалил перед самыми рождественскими каникулами, но подогнать материал настолько, чтобы написать контрольную по алгебре на той неделе хотя бы на тройку, казалось невозможным.

До «конца света» оставалось пять недель. На углу он увидел

лежащую на тротуаре сойку, ее клюв открывался и закрывался. Она тщетно пыталась подняться на ноги и отползти. Перебито крыло, предположил Тодд, наверное, задела машина, и птица отлетела на тротуар, как игровая фишка. Она глядела на него одним блестящим глазом.

Тодд долго смотрел на нее, слегка придерживая изогнутые ручки велосипеда. Воздух уже остыл, было прохладно. Он представил, как провели день его друзья, болтаясь на площадке Бейб Рут на Уолнат-стрит, гоняя мяч, играя в выбивного или в сыщиков и воров.

В это время года обычно начинается сезон бейсбола. Поговаривали о том, что в этом году их местная команда будет играть в неформальной городской лиге. Некоторые папаши очень хотели бы поглядеть на игру своих чад. Тодд, конечно будет подавать. Он был звездой в «Литл лиге», пока в прошлом году не вошел в «Юниор Литл лиг». *Подавал бы.*

Ну и что? Ему нужно просто сказать «нет». Просто прийти и сказать: «Ребята, я связался с военным преступником. Взял его прямо за яйца, а потом — ха-ха — вы не поверите! — обнаружил, что он держит точно также за яйца меня. Мне стали сниться жуткие сны, просыпаюсь в холодном поту. Мои оценки полетели ко всем чертям, и я подделал свой табель, чтобы предки не догадались, а теперь впервые в жизни надо сидеть над книжками. Хотя и не боюсь сесть на мель, но боюсь попасть в колонию. И поэтому не смогу сыграть с вами ни одного матча в этом году. Вот так, ребята.»

Слабая улыбка, почти как у Дуссандера, совсем не похожая на его прежний широкий оскал, тронула его губы. В ней не было солнца, это была мрачная улыбка. Невеселая, нерадостная. И говорила одно: вот так, ребята.

Медленно-медленно переехал Тодд колесом через сойку, слыша, как шуршат ее перья и хрустят, ломаясь, тонкие косточки. Переехал еще раз в обратном направлении. Птица все еще дергалась. Вновь и вновь он прокатывался колесом с прилипшим, окровавленным перышком вперед-назад, вперед-назад. Сойка уже не шевелилась, уже сыграла в ящик, откинула копыта, улетела к великим стаям в небе, но Тодд все продолжал прокатывать колесо по расплющенному тельцу. И продолжал это еще минут пять, и слабая улыбка не сходила с его лица. Вот так, ребята.

10

Апрель 1975 г.

Старик стоял в коридоре между клетками и широко улыбался, когда Дейв Клингерман вышел ему навстречу. Казалось, нервный лай, заполняющий все вокруг, ему совсем не мешает, как и запах псины и мочи, а также сотня бездомных существ, скулящих и рычащих в своих клетках, мечущихся по ним взад и вперед, бросающихся на сетку. Клингерман сразу узнал в старике любителя собак. У него была приятная добрая улыбка. Он осторожно протянул Дейву распухшую, скрюченную подагрой руку, и Дейв так же осторожно ее пожал.

— Здравствуйте, сэр, — громко сказал он. — Шумновато здесь, а?

— Ничего, — ответил старик. — Ничего. Меня зовут Артур Денкер.

— Клингерман. Дейв Клингерман.

— Приятно познакомиться, сэр. Я прочел в газете — даже не поверил, — что вы здесь раздаете собак. Может, что-то не так понял. Думаю, не так понял.

— Нет, все верно, мы раздаем их, — сказал Дейв, — Если нет, уничтожаем. Нам власти дают два месяца. Стыдно. Пройдемте в кабинет. Там тише и не так пахнет.

В кабинете Дейв услышал историю уже не новую (но все равно трогательную): Артуру Денкеру за семьдесят. Он приехал в Калифорнию после смерти своей жены. Не богат, но то, что имеет, тщательно сохраняет. Одинок. Единственный друг — мальчик, который иногда приходит почитать ему вслух. В Германии у него был прекрасный сенбернар. Здесь в Санто-Донато у него есть дом и большой двор. Двор огорожен. И вот прочел в газете… можно ли ему…

— Да, но у нас сейчас нет сенбернаров, — сказал Дейв. — Они быстро уходят, потому что очень дружелюбны с детьми…

— Да, понимаю, я не имел в виду, что…

— …но у нас есть подросший щенок овчарки. Он не подойдет?

Глаза мистера Денкера заблестели, словно от набежавших слез.

— Отлично, — сказал он. — Это было бы замечательно.

— За собаку платить не надо, но нужно заплатить за кое-какие прививки. Против чумки и бешенства. А еще за лицензию на право держать собаку в городе. Большинству это все обходится в 25 долларов, но власти штата оплачивают половину расходов,

если вам больше шестидесяти пяти, — это часть программы «Золотой возраст Калифорнии».

— Золотой возраст… — это и мой возраст тоже? — спросил мистер Денкер и засмеялся. На секунду, — как-то странно, — Дейв ощутил холодок.

— Да, сэр, это так.

— И это очень разумно.

— Конечно, мы тоже так считаем. Такая же собака обойдется вам в сто двадцать пять долларов в магазине. Но люди приходят туда, а не к нам. Они платят за документы, а не за собаку, — Дейв покачал головой. — Если бы они знали, сколько замечательных собак люди бросают каждый год.

— А если вы не находите им подходящего дома в течение двух месяцев, их уничтожают?

— Мы их усыпляем, сэр.

— Усып… простите, я не совсем…

— Это обычная процедура. Мы не можем допустить стаи бродячих собак на улицах.

— Вы их отстреливаете?

— Нет, мы их усыпляем газом. Это гуманнее. Они ничего не чувствуют.

— Да, — сказал мистер Денкер. — Я уверен, что не чувствуют.

Тодд сидел за четвертой партой во втором ряду на началах алгебры. Он старался изо всех сил казаться спокойным, когда мистер Сторман раздавал контрольные работы. Но его обгрызенные ногти впились в ладони, а все тело медленно покрывалось едким потом.

Оставь надежды, Не будь дубиной. Скорее всего не написал. Ты ведь знаешь, что не написал.

И все равно, он не мог совсем расстаться с дурацкой надеждой. Это первая контрольная, задания которой уже не казались составленными на китайском языке. Он уверен, что с его нервозностью (нервозность? — нет, называй уж как есть: полнейший ужас) он не мог написать хорошо, но, может быть, да, если бы не мистер Сторман, у которого вместо сердца — висячий замок…

ПРЕКРАТИ! — скомандовал себе, и вдруг ему на секунду, на холодную жуткую секунду, показалось, что он прокричал это слово на весь класс.

Ты пролетел, и знаешь это, и ничто в мире не может это изменить.

Сторман бесстрастно протянул ему работу и пошел дальше.

Тодд положил ее лицом на парту с вырезанными инициалами. Сначала ему показалось, что у него не хватит самообладания даже перевернуть ее. Наконец, он перевернул ее так резко, что слегка порвал. Язык прилип к небу, а сердце словно остановилось.

Вверху странички, обведенная кружком, стояла цифра 83. А ниже стояла оценка: три с плюсом. Ниже оценки — краткое замечание: «Заметное улучшение! Думаю, я чувствую облегчение вдвое большее, чем ты. Тщательно поработай над ошибками. По крайней мере три из них — арифметические, а не концептуальные.»

Сердце Тодда забилось снова, теперь уже учащенно. Чувство облегчения охватило его, но не спокойное, а горячее, сложное и странное. Он закрыл глаза, не слыша гудения класса, обсуждающего результаты контрольной и оспаривающего баллы там и тут. Перед глазами была красная пелена, пульсирующая в ритме сердца. В этот момент он, как никогда, ненавидел Дуссандера. Его пальцы снова сжались в кулаки. С каким бы удовольствием он сомкнул руки на тщедушной цыплячьей шее Дуссандера.

В спальне Дика и Моники Бауден стояли две кровати, разделенные тумбочкой с отличной имитацией лампы от Тиффани на ней. Комната обставлена мебелью настоящего красного дерева, а стенки увешаны книжными полками. У противоположной стены, между двумя подставками для книг из слоновой кости (изображающих слонов на задних лапах) стоял круглый телевизор «Сони». Дик смотрел программу Джонни Карсона с наушниками, а Моника читала новую книгу Майкла Кричтона, накануне присланную ей из клуба.

— Дик, — она положила закладку («Вот на этом месте я заснула», — гласила она) и закрыла книгу.

На экране Бадди Хэкет только что всех рассмешил. Дик улыбался.

— Дик, — позвала она громче.

Он снял наушники:

— Что?

— Как ты думаешь, у Тодда все нормально?

Он посмотрел на нее, нахмурясь, потом слегка покачал головой:

— Je ne comprends pas, cherie. — Его ужасный французский был их старой семейной шуткой. Они встретились в колледже, когда Дик провалил зачет по французскому. Его отец прислал лишние две сотни долларов, чтобы Дик нашел учителя. Он нанял

Монику Дерроу, выбрав ее карточку на доске объявлений профсоюза. Перед Рождеством она уже носила его булавку… а он получил тройку по французскому.

— Он сильно похудел.

— Да, он заметно отощал, — сказал Дик. Он положил наушники на колени, и они издавали тихие квакающие звуки. — Он взрослеет, Моника.

— Так скоро? — тревожно спросила она.

Он рассмеялся:

— Так скоро. Я за шесть лет вымахал на восемнадцать сантиметров, от 168-сантиметровой креветки в двенадцать лет до великолепной массы мускулов и 186 сантиметров роста, которые ты сегодня видишь перед собой. Моя мать говорила, что по ночам слышит, как я расту.

— Слава Богу, ты не везде так вырос.

— Все зависит от того, как этим пользоваться.

— Ну и как, хочешь воспользоваться сейчас?

— Девка станет лысой, — сказал Бауден, бросая наушники через всю комнату.

Позже, когда он уже засыпал:

— Дик, а еще ему снятся кошмары.

— Кошмары? — пробормотал он.

— Кошмары. Я слышала пару раз, как он стонал во сне, когда спускалась ночью вниз в туалет. Мне не хотелось будить его. Это глупо, но моя бабушка говорила, что можно свести человека с ума, если разбудить посреди плохого сна.

— Она была полька, да?

— Полька, да, полька. Почему ты не скажешь «Сара»? Это ведь твое словечко.

— Ты знаешь, о чем я. Почему ты не пользуешься туалетом наверху? — Он построил его сам два года назад.

— Я не хочу будить тебя шумом воды.

— Не спускай воду.

— Дик, это отвратительно.

Он вздохнул.

— Иногда, когда я вхожу, он весь потный. И простынки влажные.

Он усмехнулся в темноте:

— Я думаю.

— О чем это ты? О, Господи, — она слегка его шлепнула. — Это тоже противно. И кроме того, ему ведь всего тринадцать.

— Через месяц четырнадцать. Он уже не так мал. Может, слегка ранний, но совсем не маленький.

— Сколько лет было тебе?

— Четырнадцать или пятнадцать. Я точно не помню. Но помню, что проснулся с мыслью, что умер и попал в рай.

— Но ты был старше, чем Тодд сейчас.

— Теперь это происходит раньше. Может, дело в молоке, а может во флюириде… Ты знаешь, в той школе, что мы в прошлом году построили в Джексон-парке, во всех женских туалетах стоят автоматы с гигиеническими пакетами. А ведь это *начальная школа.* Теперь среднему шестикласснику всего десять. Сколько тебе было, когда у тебя началось?

— Я не помню, — сказала она. — Но точно знаю, что кошмары Тодда мало похожи на то, что он умер и попал в рай.

— Ты его спрашивала?

— Да, один раз. Месяца полтора назад. Ты тогда играл в гольф с этим ужасным Эрни Джейкобсом.

— Этот ужасный Эрни Джейкобс может стать полноценным партнером к 1977, если раньше не истаскается со своей белобрысой секретаршей. Кроме того, он всегда платит за зелень. И что ответил Тодд?

— Сказал, что не помнит. Но у него было такое лицо, что, уверяю, помнит.

— Моника, я не все помню из своего драгоценного детства, но в памяти осталось то, что сны при поллюциях не всегда приятны. Наоборот, скорее неприятны.

— Как это может быть?

— Из-за чувства вины. Всех видов. Часть вины, может, еще из младенчества, когда внушалось, что мочиться в постель — плохо. А потом сексуальные штуки. Кто знает, почему происходят поллюции во сне? Из-за того, что пощупал кого-нибудь в автобусе? Или заглянул под юбку девчонке в классе. Не знаю. Единственный момент, который помню, что разрядился, когда прыгал с вышки в бассейне в какой-то праздник и потерял плавки при входе в воду.

— Ты из-за этого разрядился? — спросила она, хихикнув.

— Да. Поэтому, если ребенок не хочет рассказывать тебе о проблемах своего пениса, не заставляй его.

— Мы же делаем все возможное, чтобы он рос без этого ненужного чувства вины.

— Это неизбежно. Он приносит это из школы, как простуду, которой все время болел в первом классе. От друзей, от того, как учителя обсуждают некоторые вещи. Может, даже от моего отца. «Не трогай это ночью, Тодд, а то твои руки станут волосатыми, ты ослепнешь, начнешь терять память, а эта штука почернеет и отпадет. Так что будь осторожен, Тодд».

— Дик Бауден! Твой отец никогда не…

— Как это? Он говорил. Почти также, как твоя польско-еврейская бабушка говорила тебе, что, разбудив человека посредине плохого сна, можно свести его с ума. Он мне еще говорил, чтобы я всегда вытирал унитаз в общественных туалетах, прежде чем садиться, чтобы не подхватить «микробы других людей». Наверное, он так называл сифилис. Уверен, что твоя бабушка тебе тоже такое говорила.

— Нет, это мама, — рассеянно сказала она. — Она мне велела всегда смывать. Поэтому я и хожу вниз.

— А я все равно просыпаюсь, — пробормотал Дик.

— Что?

— Так, ничего.

Он опять почти погрузился в объятия сна, когда она снова произнесла его имя.

— Что еще? — спросил он слегка недовольно.

— Ты не думаешь, что… ладно, Бог с ним. Спи.

— Нет уж, договаривай. Я опять проснулся. Не думаю ли я, что?

— Этот старик, мистер Денкер. По-моему, Тодд проводит у него слишком много времени. Может он… ну, я не знаю… забивает Тодду голову всякими рассказами?

— Рассказывает настоящие ужасы. Про день, когда акции «Меншлер Моторс Уоркс» упали ниже квоты? — он фыркнул.

— Это только предположение, — сказала она неуверенно и зашуршала простыней, переворачиваясь на другой бок. — Извини, что потревожила.

Он положил руку на ее голое плечо.

— Я хочу кое-что рассказать тебе, малышка, — сказал он и замолк, тщательно обдумывая и подбирая слова. — Я тоже беспокоился за Тодда одно время. Но по другому поводу, в общем, все равно беспокоился.

Она снова повернулась к нему:

— А почему?

— Знаешь, я рос совсем иначе, чем он. У моего отца был магазин. Отца все называли Вик-бакалейщик. У него была книга, где он записывал, кто и сколько ему должен. Знаешь, как он ее называл? «Книга левой руки». Говорил, что правая рука — это бизнес, но правая рука никогда не знает, что делает левая. И еще говорил, если бы правая знала, то взяла бы тесак и просто отрубила бы левую совсем.

— Ты мне никогда об этом не рассказывал.

— Да, я не очень любил старика, когда мы только с тобой поженились, и по правде говоря, и сейчас не очень-то люблю. Не

мог понять, почему должен был носить брюки из коробки гуманитарной помощи, а миссис Мазурски берет ветчину в кредит, рассказывая, что ее муж вернется на работу на следующей неделе. Единственное, что этот чертов алкаш Билл Мазурски мог делать, так это держать двенадцатицентовую бутылку мускуса, чтобы она не выпала. Больше всего мне тогда хотелось выбраться из этого окружения и из жизни своего папаши. Поэтому и получал отличные оценки и занимался спортом, которого на самом деле не любил, получил стипендию в университете Калифорнии. И был тогда уверен, что единственная «левая книга» в колледже в то время была для солдат, участвовавших в войне. Мой отец присылал мне деньги на учебники, но на другие цели я получил лишь однажды, когда в панике написал письмо о том, что завалил французский. Я встретил тебя. А потом от мистера Хенрайда, живущего в том же квартале, узнал, что отец удержал его машину в уплату долга, чтобы выкроить мне эти двести баксов.

А теперь у меня есть ты, а у нас есть Тодд. Я всегда думал, что он очень хороший мальчик, и пытался сделать так, чтобы у него всегда было все необходимое… все, что поможет стать хорошим человеком. Раньше я смеялся над старым анекдотом о том, как один чудак хотел, чтобы его сын был лучше, чем он, но когда я стал старше, это мне стало казаться уже не таким смешным, а скорее правильным. Я бы ни за что не хотел, чтобы Тодду пришлось носить брюки из гуманитарной помощи лишь потому, что какая-то жена алкаша берет ветчину в кредит. Понимаешь?

— Конечно, понимаю, — тихо сказала она.

— А потом, лет десять назад, перед тем, как мой старик окончательно устал бороться с ребятами из службы восстановления и ушел на пенсию, у него был микроинфаркт. Он пролежал десять дней в больнице. И люди из соседних кварталов — латиноамериканцы и немцы, даже некоторые евреи, — оплатили его счет. До последнего цента. Я не мог поверить. Они же все эти дни работали в магазине. Фиона Кастеллано привела четырех или пятерых своих подруг, которые приходили по сменам. Когда мой старик вернулся, баланс сошелся до цента.

— Боже, — сказала она очень мягко.

— И знаешь, что он сказал мне? Мой старик? Что он всегда боялся постареть — боялся заболеть и стать немощным. Попасть в больницу и не суметь свести концы с концами. Боялся умереть. Но после инфаркта сказал, что больше не боится. Что теперь может хорошо умереть. «Ты имеешь в виду, умереть счастливым, папа?» — спросил я у него. «Нет, — ответил он. — Никто не умирает счастливым, Дикки.» Он всегда называл меня Дикки, и

сейчас называет, и это я тоже никогда не смогу полюбить. Он сказал, что никто не умирает счастливым, но можно умереть хорошо. Это меня потрясло.

Последние пять или шесть лет я стал смотреть на своего отца как-то иначе. Может потому, что он живет сейчас в Сандоро, и я далеко. Мне стало казаться, что может быть, «Книга левой руки» — не такая уж плохая мысль. Вот тогда я и стал беспокоиться за Тодда. Мне все время хотелось рассказать ему, что в жизни есть нечто большее, чем просто возможность отвезти вас на Гавайи на месяц или купить брюки, не пахнувшие молью, из ящиков с пожертвованиями. Я никак не мог придумать, как ему все это объяснить. Но надеялся, что он узнает. И это снимало часть груза с моей совести.

— Ты имеешь в виду чтение мистеру Денкеру?

— Да. Он ведь ничего за это не получает. Денкер не в состоянии платить. Он просто старик, оторванный от друзей и родственников, если кто-то из них еще жив; этот человек переживает то, чего всегда опасался мой отец. И тут появился Тодд.

— Я никогда не думала об этом так.

— А ты заметила, как Тодд меняется, когда говоришь с ним об этом старике?

— Он становится очень тихим.

— Именно. Он прикусывает язык и смущается, будто делает что-то постыдное. Мой отец так делал, когда кто-то пытался благодарить его за открытый кредит. Мы — правая рука Тодда, и все. Ты, я, все остальное — дом, лыжные прогулки в Тахо, «сандербэд» в гараже, вот этот цветной телевизор. Все это у него справа. И он не хочет, чтобы мы видели, что делает его левая рука.

— То есть ты не считаешь, что он проводит слишком много времени с Денкером?

— Дорогая, посмотри на его оценки. Если бы они стали хуже, я бы первый сказал: «Эй, парень, все хорошо в меру, не перегибай палку». Если что-то будет не так, это сразу проявится в его оценках. А они у него как?

— Нормальные, как и раньше, после первого спада.

— Тогда о чем мы говорим? Слушай, детка, у меня завтра в девять встреча. Если я не высплюсь, то буду выглядеть идиотом.

— Конечно, надо выспаться, — заинтересованно сказала она, и когда он повернулся, нежно поцеловала его в лопатку. — Я люблю тебя.

— Я тоже тебя люблю, — умиротворенно сказал он и закрыл глаза. — Все хорошо, Моника. Не волнуйся.

— Не буду. Спокойной ночи.

И они уснули.

— Перестань смотреть в окно, — сказал Дуссандер. — Там нет ничего интересного.

Тодд с тоской поглядел на него. Перед ним на столе лежал учебник истории, открытый на цветной картинке с изображением Тедди Рузвельта на вершине горы Сан-Хуан. Беспомощные кубинцы разлетались в стороны, от копыт его лошадей. Теодор улыбался широкой улыбкой человека, знающего, что Бог в его раю, и что все прекрасно. Тодд Бауден не улыбался.

— Вы как надсмотрщик за рабами, разве нет? — спросил он.

— Я люблю быть свободным, — ответил Дуссандер. — Учи.

— Пошел в задницу!

— Когда я был маленьким, — сказал Дуссандер, — за такие слова мне пришлось бы мыть рот щелоком.

— Времена меняются.

— Разве? — Дуссандер глотнул виски. — Учи.

Тодд пристально посмотрел на Дуссандера:

— Вы просто ничтожный пьяница. Знаете это?

— Учи.

— Заткнитесь! — Тодд захлопнул книжку, и она закрылась с громким стреляющим звуком. — Я все равно не догоню. Не успею к контрольной. Мне еще пятьдесят страниц, все до Первой мировой войны. Я завтра в Читальном зале напишу шпаргалку.

Дуссандер резко сказал ему:

— Только попробуй.

— А что? Кто мне помешает? Вы?

— Пацан, ты все еще не понял, на какие ставки мы играем. Думаешь, мне нравится тыкать тебя в книжки твоим сопливым носом? — Голос стал твердым, властным, командным. — Думаешь, мне нравится слушать, как ты тут по-детсадовски ругаешься? «Пошел в задницу» — Дуссандер жестоко передразнил Тодда высоким фальцетом, от которого мурашки побежали по спине. — Пошел в задницу, ну и что, какая разница, я сделаю завтра, в задницу!

— А вам это нравится! — закричал Тодд в ответ. — Да, нравится! Только сейчас, когда вы у меня за спиной, не чувствуете, что вы зомби! Так что дайте мне, черт возьми, отдохнуть!

— Если тебя поймают со шпаргалкой, что, по-твоему, случится? Кому первому скажут?

Тодд посмотрел на свои пальцы с обгрызенными ногтями и ничего не сказал.

— Кому?

— А Бог его знает. Калоше Эду. Потом, наверное, родителям.

Дуссандер кивнул.

— Я тоже так думаю. Так что учись. Вложи шпаргалку в мозги, где ей и место.

— Я ненавижу вас, — устало сказал Тодд, — Правда. — Но он снова открыл учебник, и Тедди Рузвельт улыбнулся ему, Тедди скакал в двадцатый век с саблей в руке, и кубинцы разбегались перед ним, не устояв, наверное, перед ослепительной американской улыбкой.

Дуссандер опять стал качаться в кресле. В руках снова был стакан.

— Хороший мальчик, — сказал он почти с нежностью.

Первая в жизни Тодда поллюция случилась в последнюю ночь апреля, когда он проснулся от звуков дождя, таинственно шептавшего среди листьев и веток за окном.

Ему приснилось, что он в одной из лабораторий Патина. Стоял перед длинным низким столом. На столе, привязанная, лежала пышная молодая девушка необыкновенной красоты. Ему ассистировал Дуссандер. На Дуссандере — никакой одежды, если не считать белого фартука мясника. Когда он поворачивался, чтобы снять показания с приборов, Тодд видел его тощие ягодицы, трущиеся друг о друга, как белые камни неправильной формы.

Он протянул Тодду какой-то предмет, и тот сразу понял, что это, хотя никогда в реальной жизни не видел. Это был искусственный фаллос. Кончик его был сделан из полированного металла и блестел в свете флуоресцентных ламп, словно хромированный. Фаллос был пустотелый. Из него выходил черный электрический провод, заканчивающийся красной резиновой грушей.

— Давай, — сказал Дуссандер, — фюрер говорит, что все нормально. И это тебе награда за учебу.

Тодд посмотрел вниз и увидел, что он тоже голый. Его маленький пенис выпрямился и упруго выступал под углом из редких пушистых волос лобка. Он надел искусственный фаллос. Тот был тесноват, но внутри — какая-то смазка, поэтому чувство приятное. Нет, даже больше, чем приятное, потрясающее.

Посмотрел на девушку и почувствовал что-то странное в мыслях, похожее на восторг или крутой кейф. Вдруг стало казаться, что все так, как надо. Двери открыты. Он сейчас войдет. Он взял красную грушу в левую руку, поставил колени на столик и немного помедлил, прикидывая угол, тогда как его член все

больше отходил от его мальчишеского тела.

Словно в тумане слышал, как Дуссандер произнес: «Опыт номер восемьдесят четыре. Электричество, сексуальный стимулятор, метаболизм. Основан на теории Тиссена об отрицательном усилении. Подопытная — молодая девушка, еврейка, шестнадцати лет, без шрамов, родинок, здорова…»

Девушка вскрикнула, когда кончик фаллоса прикоснулся к ней. Тодду были приятны и ее крик, и то, как она пыталась освободиться, или по крайней мере сдвинуть ноги вместе.

«Вот, вот что они не показали в этих журналах о войне», — подумал он. Но теперь сам все узнает.

Он резко двинулся вперед, безжалостно войдя в нее. Она пронзительно закричала, как пожарная сирена.

После первых метаний и попыток вытолкнуть его, она лежала совсем тихо и терпела. Смазанная внутренняя поверхность искусственного фаллоса скользила по налитому кровью пенису Тодда. Восхитительное, райское наслаждение.

Его пальцы играли с резиновой грушей в левой руке.

Где-то далеко Дуссандер диктовал пульс, кровяное давление, частоту дыхания, альфа-волны, бета-волны, число толчков.

Когда Тодд почувствовал приближение высшего блаженства, он замер и сжал резиновую грушу. Глаза девушки, до этого закрытые, распахнулись и выкатились. Язык затрепетал в розовой полости рта. Руки и ноги задрожали. Но главное действие совершалось в ее туловище: оно вздымалось и падало, вибрируя всеми мышцами.

(ах, каждый мускул, каждый мускул напрягается, сжимается, каждый)

каждый мускул и чувство оргазма (экстаз)

ах, вот оно, вот

(конец света гремел за окнами)

Тодд проснулся от этого грома и шума дождя. Лежал, свернувшись в темный клубок, и сердце билось, как у спринтера. Нижняя часть живота была залита теплой липкой жидкостью. На секунду он ужасно испугался подумав, что истекает кровью… а потом понял, что это на самом деле, и ощутил слабое, тошнотворное отвращение. Сперма. Семя. Фигня. Сок джунглей. Слова с заборов и стен кабинок общественных туалетов. Ему не нравились эти слова.

Руки беспомощно сжимались в кулаки. Вспоминался оргазм во сне, теперь уже не такой яркий, бессмысленный, пугающий. Но нервные окончания все еще дрожали, медленно откатываясь от пиковой точки. Финальная сцена, уже поблекшая, казалась теперь

отвратительной и какой-то принудительной, как неожиданный вкус тропического фрукта, когда вдруг понимаешь (но с опозданием), что он так восхитительно вкусен лишь потому, что гнилой.

И он понял, что ему надо сделать.

Единственный способ снова стать самим собой — убить Дуссандера. Только один путь. Время сказок прошло. Речь пошла о выживании.

Убью его — и дело с концом, — прошептал он в темноте. За окном стучал дождь, сперма высыхала на животе Тодда. Шепот оживлял его слова. Дуссандер всегда держал с десяток бутылок виски на полке над лестницей в подвале. Он подходил к двери, открывал ее (частенько уже почти без сил) и спускался на две ступеньки. Потом наклонялся, протягивал руку к полке, а другой рукой снимал за горлышко новую бутылку. Пол в подвале не бетонирован, но земля очень утоптана, и Дуссандер с аккуратностью машины, которую Тодд теперь считал скорее прусской, чем немецкой, раз в два месяца поливал ее нефтью, чтобы не плодились насекомые. Бетон или не бетон, все равно старые кости ломаются легко. И со стариками бывают несчастные случаи. Вскрытие покажет, что при падении «мистер Денкер находился под воздействием алкоголя.»

Что случилось, Тодд?

Он не ответил на звонок, поэтому я открыл дверь ключом, который дал он мне сам. Иногда он засыпал днем. Я вошел в кухню и увидел, что дверь подвала открыта. Спустился по лестнице, и он… он…

Потом, конечно, слезы.

Должно сработать.

Необходимо снова стать самим собой.

Тодд долго лежал в темноте и слушал, как гроза уходит куда-то к западу, через Тихий океан, прислушивался к шепоту дождя. Он думал, что уже не заснет, а будет лежать и все обдумывать. А на самом деле заснул уже через минуту и спал без сновидений, положив кулак под подбородок. Первого мая он впервые за много месяцев проснулся полностью отдохнувшим.

11

Май 1975 г.

Эта пятница в середине мая показалась Тодду самой длинной в жизни. Он отсиживал урок за уроком, но ничего не слышал, напряженно ожидая последних пяти минут, когда преподаватель достанет пачку хвостовок и начнет их раздавать. Каждый раз при приближении учителя с хвостовками Тодд замирал. И каждый раз, когда учитель проходил, не останавливаясь, он ощущал приступы головокружения и был на грани истерики.

Хуже всего было на алгебре. Учитель подошел… помедлил… и когда Тодд уже был уверен, что он пройдет дальше, Сторман положил перед ним хвостовку лицевой стороной вниз. Тодд холодно посмотрел на нее, не чувствуя ничего. Теперь, когда это случилось, он ощущал лишь холод внутри. «Вот и все, — подумал он. — Очко, гейм, сет и матч. Если только Дуссандер не придумает еще что-нибудь. А я сомневаюсь.»

Без особого интереса он перевернул хвостовку, чтобы узнать, сколько баллов ему не хватило до тройки. Должно быть немного, но старый Кремень Сторман спуску не дает никому. Он увидел, что графы для оценок пусты: ни общей оценки, ни баллов. В графе примечаний было написано: «Я рад, что не пришлось выдать тебе настоящей. Сторман.»

У Тодда зашумело в ушах, голова снова закружилась, на этот раз сильнее, и стала походить на воздушный шарик с гелием. Тодд изо всех сил вцепился в края парты с одной мыслью: только бы не потерять сознания и не упасть.

Понемногу приступы головокружения прошли, и пришлось уже бороться с желанием догнать Стормана на кафедре и выколоть ему глаза остро заточенным карандашом, который Тодд держал в руках. И при всем при этом внешне он был спокоен. Лишь легкое подергивание века говорило о том, что происходит у него внутри.

Через пятнадцать минут школа осталась позади. Тодд, опустив голову, медленно брел за угол дома к стоянке велосипедов, руки в карманах, связка книг под мышкой. Он не замечал орущих и снующих вокруг школьников. Бросил книги на багажник, оттолкнул свой «швинн» и уехал прочь. К дому Дуссандера.

Сегодня, — думал он. — *Сегодня твой день, старик.*

— Итак, — сказал Дуссандер, наливая виски в кружку, когда Тодд вошел в кухню, — обвиняемый освобожден из-под стражи.

Так говорят, пацан? — Дуссандер был в халате и мохнатых шерстяных носках выше щиколотки.

«В таких носках, — подумал Тодд, — легко поскользнуться». Он посмотрел на бутылку виски, с которой общался Дуссандер. Жидкости оставалось всего на три пальца в высоту.

— Ни двоек, ни троек с минусом, ни хвостовок, — проговорил Тодд. — Я еще смогу изменить оценки в июле. Если буду продолжать работу, то в четверти будут только четверки и пятерки.

— Конечно, будешь продолжать, — сказал Дуссандер. — Мы проследим. — Он допил кружку и налил еще виски. — Это надо отметить. — Язык слегка заплетался, почти совсем незаметно, но Тодд знал, что старый хрыч уже сильно пьян. Да, сегодня. Все произойдет сегодня.

Но мальчик был спокоен.

— Отмечать такую чепуху, — возразил он Дуссандеру.

— Жаль, что посыльный с осетриной и трюфелями опаздывает, — сказал Дуссандер, пропустив реплику Тодда мимо ушей. — В наше время эта служба так ненадежна. Как насчет крекера с сыром, пока ждем?

— Да ладно вам, — сказал Тодд. — Какого черта…

Дуссандер встал (при этом ударился коленом о стол и скривился) и подошел к холодильнику. Достал сыр, потом нож из ящика, тарелку из буфета и коробку крекера из хлебницы.

— Все тщательно пропитано синильной кислотой, — сообщил он Тодду. Выкладывая сыр и крекеры на стол, он улыбнулся, и Тодд заметил, что старик сегодня опять не надел вставные зубы. И все равно улыбнулся в ответ.

— Ты такой тихий сегодня, — удивился Дуссандер. — Думал, будешь ходить на голове. — Он вылил остатки виски в кружку, выпил и вытер губы.

— Еще не пришел в себя, — сказал Тодд, откусывая кусок крекера. Давно уже Тодд перестал отказываться от еды. Дуссандер думал, что у одного из друзей Тодда есть письмо — конечно, такого письма не было. Он предполагал, что Дуссандер уже давно догадался об этом, но знал точно, что старик не посмеет проверять свою догадку таким крайним способом, как убийство.

— О чем мы поговорим сегодня? — спросил Дуссандер, готовя последний выстрел. — Сегодня я даю тебе выходной от занятий, как ты на это смотришь? А? — Когда напивался, его акцент становился заметнее. И этот акцент Тодд уже ненавидел. Но сегодня ему акцент не мешал. Все шло, как надо. Он был спокоен. Взглянул на свои руки, которыми собирался толкнуть

старика, они совсем обычные. Даже не дрожали. Были спокойны.

— Мне все равно, — ответил он. — О чем угодно.

— Хочешь, расскажу об особом мыле, которое мы делали? Или о наших экспериментах с насильственным гомосексуализмом? А может, интересно будет узнать, как я сбежал из Берлина после того, как по глупости вернулся? Это не слабо, уверяю тебя. — Он изобразил как бы бритье одной впалой щеки и засмеялся.

— Все равно, — сказал Тодд. — Правда. — И увидел, что Дуссандер осмотрел пустую бутылку, потом взял ее, отнес и бросил в мусорную корзину.

— Нет, пожалуй, об этом не стоит, — решил Дуссандер, — Похоже, ты не в настроении. — Он помедлил около мусорной корзины, а потом зашагал к двери подвала. Шерстяные носки зашаркали по неровному линолеуму, — Лучше я расскажу тебе про одного старика, который боялся.

Дуссандер открыл дверь подвала и стоял спиной к столу. Тодд неслышно поднялся.

— Он боялся, — продолжал Дуссандер, — одного мальчика, который был в какой-то мере его другом. Умный мальчик. Мама называла его «способный ученик», и старик тоже понял, что он способный, хоть и не совсем такой, как считала мама.

Дуссандер возился со старомодным выключателем на стене, пытаясь повернуть его негнущимися, неловкими пальцами. Тодд подошел — проскользнул — по линолеуму, минуя те места, где он скрипел и трещал. Он теперь знал эту кухню, как свою. Даже лучше.

— Сначала мальчик не был другом старика, — сказал Дуссандер. Он, наконец, справился с выключателем. Потом спустился на одну ступеньку с осторожностью бывалого пьяницы. — Сначала даже очень не нравился. А потом старик привык к его обществу, хотя антипатия оставалась довольно сильной. — Дуссандер смотрел на полку, все еще держась за перила. Тодд спокойно, — нет, хладнокровно, — встал у него за спиной, выбирая удобный момент для сильного толчка, чтобы Дуссандер выпустил перила. Но решил подождать, пока Дуссандер нагнется.

— Отчасти старику нравилось чувство равенства, — задумчиво продолжал Дуссандер. — Понимаешь, старик и мальчик держали друг друга мертвой хваткой. Каждый знал то, что другой хотел сохранить в тайне. А потом… да, потом старику стало казаться, что что-то меняется. Он терял свою власть — всю или часть — в зависимости от того, насколько отчаянно или умно мог поступить мальчик. И однажды длинной бессонной ночью

старик подумал: а хорошо бы эту власть над мальчиком укрепить. Ради собственной безопасности.

Дуссандер отпустил перила и наклонился над крутыми ступеньками, но Тодд застыл неподвижно. Холод внутри растаял, а вместо него накатывала красная волна гнева и смущения. Когда Дуссандер взял новую бутылку, Тодд злобно подумал, что у старика самый вонючий подвал в городе — хоть нефть там, хоть что. Пахло так, словно там что-то сдохло.

— И тогда старик встал с постели. Много ли нужно спать старику? Совсем мало. И он сел за свой столик, думая о том, как удачно он впутал пацана во все преступления, ими была теперь набита голова мальчика. Он сидел и думал, как много мальчик работал, как старался он подтянуть свои школьные отметки. И о том, что когда он подтянет свои оценки, живой старик ему больше не понадобится. А как только старик умрет, мальчик станет свободным.

Дуссандер обернулся, держа бутылку виски за горлышко.

— Я слышал тебя, — сказал он почти нежно, — с самого начала, когда ты отодвинул стул и встал. Ты еще не так бесшумен, как тебе кажется. Во всяком случае, пока.

Тодд молчал.

— Так вот, — воскликнул Дуссандер, возвращаясь снова в кухню и закрывая за собой дверь подвала. — Старик все записал, ясно? От первого слова до последнего. И когда закончил писать, уже светало, и его руку ломило от подагры; от этой проклятой подагры, но впервые за много недель было хорошо. Он чувствовал себя в безопасности. Опять лег в постель и проспал до полудня. Если бы проспал дольше, то пропустил бы свой любимый сериал «Поликлиника».

Он опять уселся в кресло-качалку. Потом достал старый складной нож с желтой ручкой из слоновой кости и стал старательно отковыривать кольцо вокруг пробки.

На следующий день старик надел свой лучший костюм и отправился в банк, где у него были кое-какие сбережения и открыт счет. Он поговорил с одним из служащих, который дал исчерпывающие ответы на все вопросы. А затем арендовал *депозитный сейф.* Служащий банка объяснил старику, что один ключ будет у него, а второй — в банке. Открыть сейф можно только двумя ключами. Никто, кроме старика, не сможет воспользоваться ключом без его письменного, нотариально заверенного разрешения. С одним лишь исключением.

Дуссандер беззубо улыбнулся в белое застывшее лицо Тодда Баудена.

— Исключение может быть сделано только в случае смерти

владельца депозитного сейфа, — сказал он, все еще глядя на Тодда с улыбкой. Затем сунул складной нож в карман халата, открутил пробку и налил новую порцию виски.

— И что тогда? — хрипло спросил Тодд.

— Тогда сейф откроют в присутствии служащего банка и представителя службы Финансового управления. Содержимое сейфа опишут. В этом случае они найдут лишь двенадцать страниц некоего документа. Не облагаемого налогом, но довольно интересного.

Тодд сжал пальцы обеих рук в плотный замок.

— Вы не могли этого сделать, — произнес он потрясенно и недоверчиво, словно увидел, как Дуссандер ходит по потолку, — Не могли… не могли сделать этого.

— Мальчик мой, — мягко сказал Дуссандер. — Я это сделал.

— Но… я… вы… — его голос вдруг превратился в агонизирующий вопль. — Вы же старый! Что, забыли, что вы — старик? Вы можете умереть! В любой момент!

Дуссандер поднялся. Он подошел к кухонному шкафу и достал небольшой стаканчик из-под желе. По его периметру танцевали герои мультфильмов. Тодд узнал их всех: Фред и Вилма Флинстоуны, Барни и Бетти Раббл, Пебблс и Бам-Бам. Он с ними вырос. Он смотрел, как Дуссандер торжественно вытер стаканчик посудным полотенцем. Потом поставил его перед Тоддом. И налил в него виски на высоту пальца.

— Зачем это? — пробормотал Тодд. — Я не пью. Это для таких алкоголиков, как вы.

— Возьми стакан, пацан. Это особый случай. Сегодня ты пьешь.

Тодд долго смотрел на него, потом поднял стакан. Дуссандер чокнулся с ним своей дешевой керамической кружкой.

— Я хочу выпить, мальчик, за долгую жизнь! За долгую жизнь для нас обоих! — Он выпил виски одним глотком и захохотал. А затем раскачивался вперед-назад, ударяя ногами в носках по линолеуму и смеялся, и Тодд подумал, что сейчас он, даже в халате, больше всего похож на стервятника — мерзкого пожирателя падали.

— Я ненавижу вас, — прошептал он.

Дуссандер поперхнулся смехом. Лицо его побагровело, казалось, что он кашляет, смеется и задыхается одновременно. Испуганный мальчик быстро поднялся и стал хлопать его по спине, пока приступ кашля не прекратился.

— Данке шён, спасибо, — сказал старик. — Пей, это пойдет на пользу.

Тодд выпил. Виски показалось ему похожим на противное

лекарство от простуды, оно обожгло желудок.

— Как вы можете пить эту дрянь целыми днями, — сказал он, поставив стакан обратно на стол и поморщившись. — Вы должны бросить. Бросить пить и курить.

— Твоя забота о моем здоровье просто трогательна, — усмехнулся Дуссандер. Он достал смятую пачку сигарет из того же кармана, где исчез складной нож. — И я не меньше заинтересован в твоем благополучии, детка. Почти каждый день я читаю в газете, что какой-то велосипедист попал под колеса на перекрестке. Тебе тоже следует от этого отказаться. Лучше ходить пешком. Или ездить автобусом, как я.

— А не пошли бы вы к такой матери! — выбухнул Тодд.

— Мой мальчик, — сказал Дуссандер, наливая себе еще виски и снова начиная хохотать, — мы уже давно идем туда вместе, разве ты не понял?

Как-то примерно через неделю Тодд сидел на заброшенной платформе старой станции и швырял кусочки угля через заржавевшие, заросшие травой рельсы.

Почему мне нельзя его убить?

Он мыслил логически, и сразу же пришел логичный ответ. Веской причины не было. Рано или поздно Дуссандер умрет, а учитывая его привычки, это будет скорее рано. Убьет ли он старика, или Дуссандер сам умрет от сердечного приступа у себя в ванной, все равно конец один. По крайней мере он доставит себе удовольствие, когда перешибет старому стервятнику шею.

«Рано или поздно» — эта фраза не подчинялась логике.

Может, это случится позже, — думал Тодд. — *Из-за сигарет или алкоголя, он ведь старый, мерзкий ублюдок. Но он протянул так долго, так что… так что может, протянет еще.*

Из-под платформы донесся непонятный храп. Тодд вскочил на нога, выронив пригоршню угля. Храп повторился.

Тодд замер, готовый убежать, но храп не повторился. Почти в километре от него над этим заросшим пустырем с заброшенными зданиями, ржавыми решетками и выщербленными платформами поднималось и уходило к горизонту восьмиполосное шоссе. Машины на шоссе блестели на солнце, как экзотические разноцветные жуки. Восемь рядов движения там наверху, а здесь внизу только Тодд, несколько птиц и нечто храпящее.

Мальчик осторожно наклонился, уперев руки, в колени, и заглянул под платформу. Там, среди желтой травы, пустых банок и пыльных бутылок лежал бродяга. Трудно было сказать, сколько ему лет: на вид Тодд определил его возраст от тридцати до четырехсот. На бродяге была полосатая футболка в засохших

пятнах рвоты, зеленые брюки, которые были ему слишком велики, и серые рабочие кожаные ботинки, потрескавшиеся во многих местах. Трещины напоминали открытые рты. Тодд подумал, что бродяга пахнет, как подвал у Дуссандера.

Бродяга медленно открыл покрасневшие глаза и уставился на Тодда безо всякого интереса. Тут Тодд вспомнил про свой перочинный швейцарский армейский нож в кармане, модель для рыболовов. Он купил его в магазине спорттоваров на Редондо-бич почти год назад. Он вспомнил, как продавец говорил ему: *Лучше ножа не найти, сынок. Такой нож однажды может спасти тебе жизнь. Мы продаем полторы тысячи таких ножей каждый год.*

Полторы тысячи в год.

Он сунул руку в карман и нащупал нож. Он вспомнил, как Дуссандер медленно ковырял ножом вокруг горлышка бутылки. И вдруг почувствовал, что у него эрекция.

Холодный ужас охватил его.

Бродяга провел рукой по пересохшим губам, а потом облизал их пожелтевшим от никотина языком.

— Десять центов есть, парень?

Тодд взглянул на него равнодушно.

— Мне надо в Лос-Анджелес. Нужно десять центов на автобус. У меня встреча. Предлагают работу. У такого классного парня должно быть десять центов. А может, и двадцать пять.

Да-с, сэр, таким ножом можно разделать окуня… даже щуку, если надо. Мы продаем полторы тысячи таких ножей в год. Во всех спортивных магазинах и военных универмагах они продаются, и если ты решил его применить, чтобы распотрошить грязного, вонючего старого бродягу, никто не сможет тебя найти по ножу. Абсолютно НИКТО.

Голос бродяги перешел в доверительный интимный шепот:

— А за доллар я тебе отлично отсосу. У тебя голова пойдет кругом, ты…

Тодд вытащил руку из кармана. Он не знал, что в ней, пока не посмотрел.

Две монеты по двадцать пять центов, две — по пять, одна — десять и несколько по центу. Он швырнул их в бродягу и убежал.

12

Июнь 1975 г.

Тодд Бауден, которому уже исполнилось четырнадцать, въехал на велосипеде во двор Дуссандера и остановился у крыльца. На нижней ступеньке лежала газета «Лос-Анджелес таймс». Он поднял ее, потом взглянул на звонок, где на своих местах все еще висели таблички: Артур Денкер и «Не звонить: сборщикам пожертвований, разносчикам и торговцам». Он не стал звонить, у него был свой ключ.

Откуда-то доносилось жужжание газонокосилки. Он посмотрел на газон Дуссандера и нашел, что его пора бы и подстричь. Нужно сказать Дуссандеру, чтобы нашел мальчишку с косилкой. О таких мелочах Дуссандер стал часто забывать. Может, это уже старость, а может, пагубное влияние виски на мозг. Мысль эта была слишком взрослой для мальчика четырнадцати лет, но такие мысли уже не приходили по одной. В эти дни он часто думал по-взрослому. И многие мысли были не столь значительны.

Он вошел.

И входя в кухню, как обычно, ощутил прилив холодного ужаса, увидев Дуссандера, развалившегося в кресле-качалке, кружка на столе, а рядом — полбутылки виски. Сигарета уже сгорела по всей дайне до серого пепла рядом с окурками в банке из-под майонеза. Рот Дуссандера был приоткрыт, лицо желтое, его крупные руки неподвижно и бессильно лежали на подлокотниках. Казалось, что он и не дышит вовсе.

— Дуссандер, — позвал он слишком резко. — Вставайте и зажгите свет, Дуссандер.

Он почувствовал прилив облегчения, когда старик дернулся, заморгал и, наконец, выпрямился в кресле.

— Это ты? Так рано?

— Нас отпустили раньше в последний день, — ответил Тодд. Он указал на остатки сигареты в майонезной обертке. — Когда-нибудь вы сожжете дом.

— Может быть, — безразлично сказал Дуссандер. Он нащупал сигареты, выщелкнул одну из пачки (она чуть не скатилась со стола, прежде чем старик поймал ее) и зажег. Последовал приступ разрывающего легкие кашля, и Тодд передернулся от отвращения. Каждый раз после такого приступа Тодду казалось, что старик вот-вот выплюнет на стол серо-черные клочки легких… и он усмехался от этой мысли.

Наконец, кашель прекратился, и Дуссандер смог сказать:

— Что там у тебя?

— Табель.

Дуссандер открыл табель, держа на расстоянии от глаз, чтобы прочесть.

— Английский — пять. История Америки — пять. Естествознание — четыре с плюсом. «Общество и ты»— пять. Начальный курс французского — четыре с минусом. Начала алгебры — четыре. — Он опустил табель. — Очень хорошо. Как это на вашем языке? Мы сохранили твое сало, мальчик. Ты собираешься подправлять баллы в последней графе?

— Только французский и алгебру, да и то — не больше, чем на восемь или девять десятых. Не думаю, что кто-нибудь заметит. И я считаю, что этим я обязан вам. Я не в восторге от такого положения вещей, но это правда. Так что спасибо.

— Какая трогательная речь, — усмехнулся Дуссандер и снова закашлялся.

— Я думаю, что теперь я не так часто буду приходить, — сказал Тодд, и Дуссандер резко перестал кашлять.

— Да? — спросил он достаточно вежливо.

— Да, — ответил Тодд. — 25 июля мы уезжаем на месяц на Гавайи. А с 1 сентября я буду ходить в новую школу на другом конце города. Это, что касается дела.

— О да, эти *черные,* — сказал Дуссандер, тупо глядя на муху, переползающую по клеткам скатерти. — Уже двадцать лет эта страна беспокоится и хнычет о *черных.* Но мы-то знаем, как решить эту проблему, правда, мальчик? — Он беззубо улыбнулся Тодду, и Тодд опустил глаза, почувствовав приступ тошноты. Его охватил страх, ненависть и желание сделать что-то такое ужасное, что могло только присниться в кошмарном сне.

— Послушайте, вы наверное, знаете, что я собираюсь поступать в колледж, — сказал Тодд. — Я знаю, что это еще не скоро, но я уже об этом думаю. Я даже знаю, чем я хочу заниматься. Историей.

— Великолепно. Тот, кто не учится у прошлого…

— Ладно, заткнитесь.

Дуссандер замолчал, но не обиделся. Он знал, что мальчик еще не готов… не совсем готов. Дуссандер наблюдал за ним, сложив руки на груди.

— Я мог бы взять свое письмо у товарища, — вдруг выпалил Тодд. — Понимаете? Вы бы прочли его, а потом я бы при вас его сжег. Если бы…

— Если бы я забрал один документ из своего депозитного сейфа.

— Да.

Дуссандер глубоко и шумно вздохнул.

— Мальчик мой, — сказал он. — Ты все еще не понял ситуации. Да и с самого начала не понимал. Отчасти, может быть, потому, что ты еще ребенок, хотя и не совсем… даже тогда, в начале ты был слишком *взрослым* ребенком. Нет, все дело было и есть в этой абсурдной американской самоуверенности, из-за нее ты никак не мог предвидеть все последствия своих действий, да и сейчас не можешь.

Тодд открыл было рот, но Дуссандер жестом остановил его, словно самый старый регулировщик на свете.

— Не возражай. Это правда. Ты можешь продолжать в том же духе. Уйти из этой комнаты, уехать и больше не возвращаться. Разве я смогу тебе помешать? Конечно, нет. Развлекайся на Гавайях, а я буду сидеть в этой жаркой вонючей кухне, ожидая, не начнут ли в этом году *черномазые* снова убивать полицейских и жечь свои хибары в Уатсе. Я не могу тебя задержать, как не могу не стареть с каждым днем.

Он посмотрел на Тодда так пристально, что тот отвел глаза.

— Где-то в глубине души ты мне не нравишься. И ничто меня не заставит тебя полюбить. Ты насильно вошел в мою жизнь. Ты — незваный гость в моем доме. Ты заставил меня открыть склепы, которые лучше было не трогать, потому что я обнаружил, что некоторые мертвецы похоронены заживо и кое в ком из них до сих пор теплится жизнь.

Ты и сам запутался в этом, но думаешь, мне тебя жаль? Боже упаси. Ты сам себе постелил, чего ж тут удивляться, что спать жестко? Мне тебя не жаль, я не люблю тебя, хотя и начал слегка уважать. Так что не испытывай моего терпения и не проси объяснять дважды. Мы можем взять эти два документа и сжечь их здесь, на кухне. И все равно история не закончится. Мы останемся там же, где и теперь.

— Я вас не понимаю.

— Конечно, ты ведь никогда не задумывался о последствиях того, что начал. Но послушай меня, мальчик. Если мы сожжем наши письма в этой банке, откуда мне знать, что ты не оставил копии? Даже две или три? В библиотеке есть ксерокс и за пять центов каждый может снять копию. За доллар ты сможешь развесить мой смертный приговор на всех углах ближайших двадцати домов. Четыре мили смертных приговоров. Подумай об этом. Откуда мне знать, что ты этого не сделал?

— Я… нет, я… я… — Тодд понял, что запутался и заставил себя замолчать. Дуссандер только что описал такое коварство, которое ему просто в голову не приходило. Он хотел было сказать это, но понял, что Дуссандер ему не поверит, и это было ужасно.

Он снова закрыл рот, на этот раз щелкнув зубами.

— Даже если найти третье, незаинтересованное лицо, все равно останутся сомнения. Так что, поверь мне, мальчик, проблема неразрешима.

— Черт, — тихо выругался Тодд.

Дуссандер сделал большой глоток из кружки и посмотрел на Тодда через ее край.

— А теперь скажу тебе кое-что еще. Во-первых, если откроется твое участие в этом деле, наказание будет не сильным. И вполне возможно, — более того, *скорей всего* об этом никогда не напишут в газетах. Я как-то пугал тебя колонией, когда сильно боялся, что ты расколешься и все расскажешь. Но верил ли я в это сам? — Нет. Я просто пугал тебя, как отцы пугают детей утопленником и другими подобными существами, чтобы они приходили домой засветло. Не верю, что тебя отправят в колонию в стране, где убийц выпускают на свободу после двух лет сидения в тюрьме перед цветным телевизором. Но я все равно мог бы испортить тебе жизнь. Есть записи… да и слухи. Слухи и сплетни. Такой сочный скандал не заплескивается сразу. Он должен вызреть, как вино. И конечно же, с каждым годом твоя виновность будет возрастать. Твое молчание будет казаться все более гнусным. Если узнают правду сейчас, то скажут: «Да он еще ребенок!», не зная, какой *взрослый* ребенок ты на самом деле. Но что они скажут, мальчик, если правда обо мне выплывет вместе с фактом, что ты все знал аж с 1974, но *никому не сказал,* а ты уже будешь в колледже? Будет катастрофа. Для молодого человека, только начинающего дело… просто страшный суд. Ты понимаешь?

Тодд молчал, но Дуссандер, казалось, был доволен.

Он кивнул.

И кивая, сказал:

— А во-вторых, я не верю, что у тебя *есть* письмо.

Тодд постарался сохранить спокойствие на лице, но опасался, что глаза его расширились от ужаса. Дуссандер алчно изучал его, и Тодд вдруг осознал со всей беспощадностью, что старик, должно быть, допросил сотни, а то и *тысячи* людей. Он был специалистом. Тодду показалось, что его череп стал стеклянным, и все мысли вспыхивали в нем крупными буквами.

— Я спросил себя, кому бы ты мог довериться. Кто твои друзья… с кем ты общаешься? Кто пользуется доверием такого самонадеянного хладнокровного маленького *мальчика?* Ответ один: никто.

Глаза Дуссандера сверкнули.

— Сколько раз я изучал тебя и сравнивал шансы. Я тебя знаю,

знаю твой характер, — конечно, не все, все узнать невозможно: чужая душа — потемки. И я ведь так мало знаю о том, где и с кем ты бываешь вне стен этого дома. Поэтому я думал: «Дуссандер, а может, ты ошибаешься? Неужели после стольких лет ты хочешь, чтобы тебя поймали и даже убили только потому, что ты недооценил пацана?» Может, если бы я был помоложе, я бы рискнул — преимущество бесспорно, а шансы пацана малы. Мне очень странно, знаешь, но чем старше становишься, тем меньше проигрыш в вопросах жизни и смерти… и все равно все больше консерватизма.

Он снова посмотрел Тодду в лицо.

— Я еще кое-что тебе скажу, а потом пойдешь, куда хочешь. Я должен сказать, что если я сомневался в существовании твоего письма, не вздумай так же думать о моем. *Документ, описанный мною, существует.* И если я умру сегодня… то завтра… все выйдет наружу. *Все.*

— Значит, мне ничего не остается, — сказал Тодд. Ему с трудом удалось выдавить смешок. — Разве не так?

— Нет, кое-что есть. С годами твоя власть надо мной будет становиться слабее, потому что как бы ни были мне дороги жизнь и свобода, американцам, да и израильтянам тоже, они будут нужны все меньше и меньше.

— Да? Тогда почему же они не выпустили этого Шпеера?

— Если бы его схватили американцы — те, что отпускают убийц, — они бы отпустили его, — сказал Дуссандер. — Неужели американцы смогли бы выдать израильтянам девяностолетнего старика, чтобы его там повесили, как Эйхманна? Думаю, нет. В стране, где на первых страницах городских газет помещают фотографии пожарных, снимающих котят с деревьев, это вряд ли возможно.

Нет, твоя власть надо мной будет ослабевать, так же как моя над тобой — расти. В природе нет ничего неизменного. И придет время, — если я доживу, — когда я решу, что твое знание уже не имеет значения. Тогда я уничтожу документ.

— Но ведь до этого с вами может произойти все, что угодно! Несчастный случай, болезнь…

Дуссандер пожал плечами.

— На все воля Божья, мой мальчик. Мы не властны над тем, что случится.

Тодд долго глядел на старика — очень долго. В рассуждениях Дуссандера были лазейки — должны быть. Выход для них обоих или только для него одного. Способ отказаться от сделки и вырваться на свободу. Перед его глазами стояла черная неотвратимость предстоящих лет, он почти осязал это…

Он вспомнил героя мультфильма с молотом, подвешенным у него над головой. Когда он окончит школу, Дуссандеру будет восемьдесят, и это будет еще не конец, когда он получит диплом Бакалавра, Дуссандеру будет восемьдесят четыре — тоже не слишком много, а когда он напишет диссертацию после аспирантуры — в тот год Дуссандеру исполнится восемьдесят шесть, и он все еще может быть в безопасности.

— Нет, — сказал он глухо, — я не могу этого принять.

— Мой мальчик, — мягко сказал Дуссандер, и Тодд впервые с ужасом услышал легкое ударение на первом слове. — *Мой* мальчик. Тебе придется.

Тодд смотрел на него, чувствуя как во рту напухает язык, заполняя все горло и не давая дышать. Потом развернулся и выбежал из дома.

Дуссандер безразлично смотрел, как он уходит, а когда хлопнула дверь и стихли шаги, что означало, что мальчик сел на велосипед, он закурил. Конечно, никакого сейфа не существует, нет и документа. Но мальчик поверил, отчаянно поверил. Значит, ему ничего не грозит. Все, конец.

Но это еще не был конец.

В эту ночь им обоим приснилось убийство, и оба проснулись со смешанным чувством ужаса и веселья.

Тодд, проснувшись, ощутил уже знакомую липкость внизу живота. Дуссандер, надел свою гестаповскую форму и снова лег в постель, ожидая, когда успокоится его сердце. Форма была из дешевой ткани и уже начала протираться.

В своем сне Дуссандер, наконец, добрался до лагеря на вершине холма. Железные ворота сначала распахнулись перед ним, а потом захлопнулись за спиной с металлическим лязгом. И ворота, и забор вокруг лагеря были под током. Его изможденные голые преследователи бросались на забор волнами — одни за другими. Дуссандер смеялся над ними, гордо прохаживаясь взад и вперед, выпятив грудь и надев фуражку под особенным правильным углом. Густой, пьянящий запах жареной плоти наполнил черный воздух, и проснувшись в южной Калифорнии, он подумал о фонариках из тыквы с прорезанными глазами и ртом, и о ночи, когда вампиры заходят на голубой огонек.

За два дня до отъезда Бауденов на Гавайи Тодд пришел на заброшенную станцию, откуда когда-то уходили поезда в Сан-Франциско, Сиэтл и Лас-Вегас, а еще раньше — ходил трамвай до Лос-Анджелеса.

Уже были сумерки. Выше, на большом шоссе, большинство автомобилей уже зажгли парковочные огни. Несмотря на теплую погоду, Тодд был в легкой куртке., За поясом у него торчал разделочный нож, завернут: в старое полотенце. Он купил его на распродаже в универмаге, окруженном автостоянками.

Он заглянул под платформу, где месяц назад валяло бродяга. Мозг его напряженно работал, но впустую: все мысли казались черными на черном.

Под платформой был тот же бродяга, а может и другой, они все так похожи.

— Эй, — окликнул его Тодд. — Эй, тебе деньги нужны?

Бродяга повернулся, моргая. Он увидел широкую солнечную улыбку Тодда и начал улыбаться в ответ. Через секунду сверкающий острый нож молнией опустился и рассек его небритую правую щеку. Брызнула кровь. Тодд увидел, как лезвие ножа сверкнуло в открытом рту бродяги… и его кончик коснулся левого угла губ, превратив улыбку в жуткий безумный оскал. Теперь нож рисовал улыбку, он вырезал ее, как тыкву накануне Ночи всех святых.

Он сделал тридцать семь ударов ножом. Он считал. Тридцать семь, считая первый, поперек щеки, превративший слабую улыбку бродяги в ужасный звериный оскал. Бродяга перестал кричать после четвертого удара. После шестого прекратил попытки отползти. Тогда Тодд залез под платформу и закончил работу там.

По дороге домой он выбросил нож в реку. Брюки его были в крови. Он сунул их в стиральную машину и включил режим холодной стирки. После стирки на них оставались едва заметные пятна, но это не волновало Тодда. Со временем пятна поблекнут. На следующий день он почувствовал, что не может поднять правую руку даже до уровня плеча. Отцу он сказал, что повредил ее, играя в выбивного с ребятами в парке.

— На Гавайях все пройдет, — сказал Дик Бауден, потрепав сына по волосам. И вправду, все прошло. Когда он вернулся домой, рука была, как новая.

13

Снова июль.

Дуссандер, одетый в один из своих костюмов (но не в самый лучший), стоял на автобусной остановке, ожидая последний местный автобус, чтобы добраться домой. Сейчас без четверти одиннадцать вечера. Он был в кино, смотрел легкую задорную комедию, которую очень любил. С самого утра у него хорошее настроение, особенно после того, как получил открытку от мальчика. Это был глянцевый снимок пляжа Вайкики со снежно-белыми свечками отелей на заднем плане. На обороте всего несколько строк:

> *Дорогой мистер Денкер,*
>
> *Какое это крутое место! Я каждый день плаваю. Мой отец поймал большую рыбу, а мама утонула в книжках (шутка). Завтра мы идем смотреть вулкан. Постараюсь в него не свалиться. Надеюсь, у вас все в порядке.*
>
> *Будьте здоровы,*
>
> *Тодд.*

Он все еще слегка улыбался, вспоминая последние строки, когда кто-то тронул его за рукав.

— Мистер?

— Да?

Он настороженно повернулся, опасаясь грабителя, и тут же почувствовал вонь. Запах пива, гнилых зубов, застарелого пота и мятной жевательной резинки смешались в неповторимый букет. Обладателем его оказался бродяга в широких помятых брюках. На нем была фланелевая рубашка, на ногах полуразвалившиеся кроссовки, склеенные грязными полосами липкой ленты. Лицо, возвышающееся над этим живописным костюмом, казалось снятым с креста.

— У вас нет лишнего гривенника, мистер? Мне надо в Лос-Анджелес. Там мне работу предлагают. Мне только нужен гривенник на экспресс. Я бы не стал просить, но это шанс для меня.

Дуссандер нахмурился, но потом снова улыбнулся:

— Ты действительно хочешь проехать на автобусе?

Бродяга слабо улыбнулся, не понимая.

— А что если поехать ко мне домой, — предложил Дуссандер. — Я могу дать тебе выпить, поесть, примешь душ,

поспишь на кровати. А взамен мне просто нужен собеседник. Я старик. Живу один. Мне так не хватает иногда компании.

Улыбка бродяги вдруг стала более ясной, по мере прояснения ситуации. Перед ним был старик — педик, любящий поболтать.

— Совсем один? Да?

Дуссандер ответил на широкую, понимающую усмешку вежливой улыбкой.

— Только попрошу сидеть от меня подальше в автобусе. Ты ужасно воняешь.

— Тогда ты не захочешь, чтобы я провонял твою квартиру, — сказал вдруг бродяга с характерным для пьяниц достоинством.

— Пошли, автобус придет через минуту. Сойдешь на следующей остановке после меня и вернешься на два квартала назад. Я буду ждать тебя на углу. А утром посмотрим, сколько я смогу дать. Может, доллара два.

— А может, и все пять, — просветленно сказал алкаш. Его достоинство, пьяное или какое-то там еще, было забыто.

— Может быть, может быть, — нетерпеливо сказал Дуссандер. Он уже слышал рокот дизеля приближающегося автобуса. Затем сунул кварту — 25 центов, стоимость билета — бродяге в ладонь и отошел на несколько шагов, не оглядываясь.

Бродяга стоял в раздумье, когда из-за горизонта показались огни автобуса. Он все еще стоял и хмурился над монетой, когда старый педик, не оглянувшись, сел в автобус. Бродяга пошел было прочь, но потом, в последнюю секунду, изменил направление и вскочил в автобус прямо перед тем, как захлопнулись двери. Бросив кварту в кассу с таким видом, словно ставил сто долларов в рискованной игре, он прошел мимо Дуссандера, едва взглянув на него, уселся в хвосте и задремал. А когда проснулся, старого богатенького педика уже не было. Бродяга вышел на следующей остановке, не зная точно, та это или нет, да и не сильно беспокоясь об этом.

Он прошел два квартала назад и увидел неясную фигуру у светофора. Это был старик-педик. Педик смотрел, словно ожидая, когда бродяга подойдет.

На секунду бродяге вдруг захотелось повернуться, убежать и забыть об этом эпизоде.

Но старик схватил его выше локтя… и хватка оказалась на удивление крепкой.

— Хорошо, что ты пришел, — сказал старик. — Я рад, что ты пришел. Мой дом здесь недалеко.

— Может даже десять, — сказал бродяга, позволяя себя вести.

— Может и десять, — согласился старик-педик, а потом рассмеялся. — Кто знает.

14

Наступил год двухсотлетия Америки.

Тодд заходил навестить Дуссандера раз шесть за время после возвращения с Гавайских островов летом 1975 и до поездки с родителями в Рим как раз перед юбилеем, когда гремели барабаны, развевались флаги, парады кораблей приближались к кульминации. Тодд получил специальное разрешение уйти на каникулы раньше — с 1-го июня, и они вернулись за три дня до 4 июля.

Эти посещения были довольно приятны для обоих: оказалось, что могут проводить время вполне цивилизованно. Они были немногословны, больше молчали, чем разговаривали, а их разговоры усыпили бы любого агента ФБР. Тодд рассказывал старику, что встречается с девушкой по имени Анжела Ферроу. Он не сходит по ней с ума, но она — дочь одной из маминых подруг. Старик рассказал Тодду, что занялся плетением циновок, потому что прочитал, что такие занятия полезны при его подагре. Он показал? Тодду несколько своих работ, и Тодд послушно их похвалил.

Мальчик немного вырос, правда (на целых пять сантиметров)? Дуссандер не бросил курить? (Нет, но ему пришлось уменьшить количество, потому что сейчас сильно кашляет). Как его учеба? (Тяжело, интересно, получает одни пятерки и четверки, его проект о солнечной энергии вышел в финал Олимпиады по физике, и теперь Тодд думает о специализации по антропологии, а не по истории, когда поступит в колледж). А кто в этом году подстригал газон Дуссандера? (Рэнди Чемберс из соседнего квартала, неплохой парень, но немного толстоват и медлителен).

За этот год Дуссандер на своей кухне разделался с тремя бродягами, К нему раз двадцать подходили на остановке автобуса, и он семь раз предлагал «выпивку-обед-ванну-постель», Два раза ему отказали, в двух случаях бродяги просто ушли с квартами, которые Дуссандер им дал на автобус. Поразмыслив, он придумал, как с этим быть: купил проездной билет. Такой билет стоил два доллара пятьдесят центов, годился на пятнадцать поездок и не принимался в местных винных магазинах.

В последнее время в очень теплые дни Дуссандер стал ощущать неприятный запах, исходящий из подвала. В такие дни он старался не открывать ни окон, ни дверей.

Тодд Бауден нашел спящего бродягу в заброшенной дренажной штольне за пустырем на Сиенага-Вэй — это было в

декабре, на Рождественских каникулах. Несколько минут он стоял, руки в карманах, смотрел на бродягу и дрожал. Он приходил на этот пустырь уже шестой раз за последние пять недель, всегда в куртке, застегнутой наполовину, чтобы скрыть слесарный молоток, засунутый за ремень. Наконец, 1 марта опять наткнулся на бродягу — неважно, того самого или другого, — но удовольствия получил массу. Начал с молотообразного конца инструмента, а потом в какой-то момент (не помнит точно когда, все расплывалось в красном тумане) перешел на гвоздодер и искромсал им лицо несчастного.

Для Курта Дуссандера бродяги были как бы несколько циничным способом умиротворения богов, который он, наконец, открыл или открывал. Бродяги были забавой. Они поддерживали жизненный тонус. Он даже начал думать, что годы, прожитые в Санто-Донато — до появления на пороге мальчика с большими голубыми глазами и широкой американской улыбкой, — были временем преждевременной старости. Тогда ему было только шестьдесят восемь. Сейчас чувствовал себя намного моложе, чем тогда.

Мысль об умиротворении богов сначала поразила бы Тодда… но постепенно он принял бы ее. После того, как зарезал бродягу под железнодорожной платформой, он ожидал, что кошмары усилятся… и может даже сведут его с ума. Ожидал парализующих приливов чувства вины, которые могли закончиться признанием или самоубийством.

Вместо этого поехал на Гавайи вместе с родителями и провел лучшие каникулы в своей жизни.

Тодд пошел в школу в прошлом сентябре со странным чувством обновления и свежести, словно кто-то другой влез в его, Тодда Баудена, шкуру. То, что уже давно не производило на него особого впечатления — солнце на рассвете, вид на океан с пирса, люди, спешащие по центральным улицам в сумерках, когда только-только зажглись фонари, — снова отпечатывалось в сознании серией ярких снимков, таких ясных и отчетливых, словно подсвеченных электричеством. Он пробовал жизнь, как дегустируют вино — по капельке, прямо из бутылки.

Когда увидел бродягу в штольне, кошмары вновь вернулись.

Наиболее часто повторялся сон с бродягой, которого он зарезал на заброшенной станции. Он приходит домой из школы, и слова «Привет, Моника-детка!» уже готовы сорваться с языка. Но тут же забывает о них, как только видит мертвого бродягу в углу у стола. Тот сидит, прислонившись к разделочному столу, в вонючих рубашке и брюках. Кровь растекается по кафельному полу и подсыхает на стальных блестящих поверхностях. Кровавые

отпечатки мрачно сверкают на дверцах из сосны.

На холодильнике магнитом прикреплена записка: «Тодд, сходи в магазин. Вернусь в 3.30».

Стрелки стилизованных под солнце часов над микроволновой печью «Джен Эйр» показывали уже 3.20, а мертвый бродяга растянулся в столовой, как истекающие останки чудовища из подвала лавки древностей, и повсюду была кровь. Тодд пытался убрать ее и протирал поверхности, все время говоря бродяге, что тот должен уйти и оставить его в покое, но бродяга сидел и только мертво скалился на потолок, и кровь сочилась каплями из ран на его грязном лице. Тодд вытащил из кладовки швабру и стал лихорадочно возить ею по полу, понимая, что он не вытирает кровь, а только размазывает ее. И как только он услышал звук подъезжающего фургона матери, он понял, что бродяга — Дуссандер.

Тодд проснулся в холодном поту, задыхаясь и зажав простыню в пальцах обеих рук.

Но после того, как он все-таки нашел бродягу из штольни — того самого или другого — и опять применил молоток, кошмары пропали. Он подумал, что ему придется убивать еще, и не раз, Это было ужасно, но ведь эти человеческие особи никакой пользы никому не приносили. За исключением, правда, Тодда. И Тодд, как и все другие, в процессе взросления только приспосабливал свой стиль жизни к особенностям своего характера. Он ничем не отличался от других. Нужно искать свою дорогу в жизни, если хочешь чего-то достичь, нужно все делать самому.

15

Осенью, когда Тодд учился в предпоследнем классе школы, он играл защитником за команду «Пумы Санто-Донато», и у него было прозвище «Всезнайка». Во второй четверти, которая закончилась в январе 1977, он победил на конкурсе Патриотических эссе американского легиона. В нем могли участвовать все ученики школ города, изучающие историю Америки. Работа Тодда называлась «Американская ответственность». Во время бейсбольного сезона в этом суматошном году (Иранский шах был низложен, и опять выросли цены на нефть) он был лучшим подающим, выигравшим четыре и не проигравшим ни одного матча. Его средний уровень был 0,361. В июне комиссия по премиям присудила ему звание спортсмена года, и тренер Хейнес вручил значок (тренер Хейнес однажды отвел его в сторону и посоветовал продолжать отрабатывать подкрученный удар, потому что «никто из черномазых не умеет подавать подкрученный мяч, Бауден, ни один из них»), Моника Бауден расплакалась, когда Тодд позвонил ей из школы и сообщил, что получил награду. Дик Бауден две недели после церемонии ходил с важным видом по офису, стараясь не хвастаться. В то лето они сняли домик на Биг-Сюре и провели там две недели. Большую часть дня Тодд проводил под водой с маской и трубкой. В течение года Тодд убил четырех бродяг двух зарезал, еще двух — забил дубинкой. Он выделил специально две пары джинсов, чтобы надевать в так называемые «охотничьи экспедиции». Иногда ездил на городских автобусах в поисках подходящих мест. Среди лучших были Миссия для бездомных в Санто-Донато на Дуглас-стрит и за углом на Евклид-стрит неподалеку от Армии спасения. Он прогуливался, не торопясь, поблизости от этих мест в ожидании попрошаек. Когда подходил бездомный, Тодд говорил ему, что хочет виски, и если бродяга купит, Тодд поделится. Он знал место, куда можно пойти, естественно, каждый раз оно менялось. И устоял перед сильным желанием вернуться на заброшенную станцию или в штольню за пустырем на Сиенаго-Вэй. Возвращаться на место преступления не очень-то умно.

В тот же год Дуссандер умеренно курил, пил все то же виски и смотрел телевизор. Тодд заходил иногда ненадолго, но их разговоры становились все более неинтересными. Они отдалялись друг от друга. Дуссандер отмечал в этом году свой семьдесят восьмой день рождения, а Тодду исполнилось шестнадцать. Дуссандер заметил, что шестнадцатый — лучший

год молодого человека, сорок первый — лучший год мужчины средних лет, а семьдесят восьмой — лучший год старика. Тодд вежливо кивал. Дуссандер был сильно нетрезв и хихикал так, что Тодду становилось явно неловко.

С двумя бродягами Дуссандер разделался за 1976–1977 учебный год Тодда. Причем второй оказался более живучим. Даже после того, как Дуссандер его основательно напоил, он еще ковылял по кухне с торчащей из затылка ручкой тесака, кровь стекала ручьем по рубашке на пол. После двух неровных кругов по кухне ему удалось обнаружить дверь в прихожую, и он чуть было не выбежал из дома.

Дуссандер стоял посреди кухни, широко открыв недоумевающие глаза и глядя, как бродяга стонет и мечется, шатаясь из стороны в сторону и сбивая дешевые репродукции со стен на пол. Столбняк у него прошел только тогда, когда бродяга схватился за дверную ручку. Тогда Дуссандер бросился к шкафу, открыл ящик и выхватил оттуда мясную вилку. Затем выбежал в прихожую, держа вилку перед собой, и вонзил ее в спину бродяги.

Тяжело дыша, Дуссандер стоял над ним, его старое сердце колотилось в устрашающем ритме, словно у жертвы инфаркта в субботней телепередаче «Скорая помощь», которая ему нравилась. Но в конце концов оно успокоилось и вернулось в нормальный ритм, и старик понял, что все будет нормально.

Еще надо было убрать массу крови.

Это было четыре месяца назад, и с тех пор Дуссандер не делал бродягам предложений на автобусной остановке — был ужасно напуган, ведь чуть не попался с последним, но когда вспомнил, как удалось все исправить в последний момент, сердце переполнила гордость, Важно, что бродяга так и не вышел, так-то.

16

Осенью 1977 в первой четверти выпускного года Тодд вступил в стрелковый клуб. К июню 1978 получил звание меткого стрелка. Опять играл «всезнайку» в футбольной команде, выиграл пять и проиграл одну игру за сезон бейсбола (проигрыш был из-за двух ошибок и одной незасчитанной пробежки), и в третий раз в истории школы получил право на высшую стипендию. Он подал заявление в Беркли и был сразу принят. К апрелю уже знал, что на выпускном вечере будет произносить прощальную либо приветственную речь. Но очень хотелось прощальную.

Где-то во второй половине выпускного года его вдруг посетила странная мысль, просто пугающая своей нелогичностью. Казалось, что он заключил с жизнью сделку, все устроил (успокаивало, что все у него в руках, но как такая мысль вообще могла прийти в голову). Его жизнь была похожа на мамину светлую кухню, где все блестит хромом, пластиком и нержавеющей сталью — место, где все работает, стоит лишь нажать нужную кнопку. Конечно, в кухне есть и темные шкафы, но они очень вместительны, а двери их должны быть плотно закрыты.

Эта странная мысль напомнила ему тот сон, в котором увидел истекающего кровью бродягу в чистенькой светлой маминой кухне. Казалось, что в этой сделке с жизнью, в той кухне его мозга, где все разложено по полочкам, вдруг появился кровавый пришелец, и теперь он шарил везде в поисках укромного местечка, чтобы тихо умереть…

В полукилометре от дома Бауденов проходило шоссе в восемь рядов. Над ним нависал крутой, заросший кустами, склон. На склоне — множество укрытий. Отец подарил ему на Рождество винчестер со съемным оптическим прицелом. В часы пик, когда все восемь рядов забиты машинами, он мог бы выбрать точку на склоне и… почему? — он мог бы легко…

Сделать что?

Покончить с собой…

Разрушить все, во имя чего работал последние пять лет?

Тогда *что?*

Нет, *сэр,* нет, *мадам,* нет *выхода.*

Это так, как говорится, для смеха.

Да, для смеха… но мысль осталась.

Однажды в субботу за несколько недель до окончания школы, Тодд зачехлил винчестер, тщательно вынув все патроны из магазина. Положил винтовку на заднее сиденье новой игрушки

отца — подержанного «порше» и подъехал к месту, где заросший склон очень круто спускался к шоссе. На выходные родители уехали на фургоне в Лос-Анджелес. Дик, теперь как полноправный партнер, Должен был вести переговоры с представителями фирмы «Хьятт» о новом отеле «Рено».

Сердце Тодда учащенно билось, а рот был полон едкой кислой слюны, когда спускался вниз по склону с зачехленной винтовкой в руках. Он нашел поваленное дерево и сел за ним, скрестив ноги. Расчехлил винтовку и положил ее на гладкий ствол. Выступающий сук служил отличной подставкой. Он прижал приклад к углублению в правом плече и приник к оптическому прицелу.

«Идиот! — кричал ему его разум. — Послушай, это действительно глупо. А если тебя увидят? Никто ведь не станет разбираться, заряжена винтовка или нет. У тебя будет масса неприятностей, может даже кончится тем, что какой-нибудь наркоман тебя застрелит».

В это субботнее утро движение было редким. Он наставил крестик прицела на женщину за рулем синей «тойоты». Ее окно было полуоткрыто, и ветер трепал круглый воротник легкой блузки. Тодд прицелился точно в висок и нажал на крючок. Для механизма это вредно, но какого черта?

— Ба-бах, — прошептал Тодд, когда «тойота» скрылась за поворотом в полукилометре от того места, где сидел. Он проглотил комок в горле, отдающий на вкус медью, как горсть монет.

Появился фургон «субару-брат», за рулем сидел мужчина со всклокоченной седой бородой и в бейсболке «Сан-Диего падрес».

— Ты… ты, грязная крыса… мерзкая крыса, ты застрелил моего брата… — прошептал Тодд со смехом и снова нажал на курок винчестера.

Он сделал еще пять выстрелов, и каждый раз щелчок бойка портил иллюзию «убийства». Потом снова зачехлил винтовку. Затащил ее наверх по склону, пригибаясь к земле, чтоб никто не заметил. Положил винтовку на заднее сидение «порше». В висках стучало. Он приехал домой. Пошел в свою комнату. Мастурбировал.

17

На бродяге был потрепанный, свалявшийся шерстяной свитер с оленями, такой необычный, почти сюрреалистический здесь, в южной Калифорнии, просторные голубые джинсы, протертые на коленях, откуда выглядывали белые волосатые нога в коросте. Он поднял стаканчик из-под желе — по ободку кружились Фред и Вилма, Барни и Бетти в каком-то странном ритуальном танце — и одним глотком выпил порцию виски. Потом последний раз в жизни облизал губы.

— Мистер, это прямо в точку. Такой кейф, я вам скажу.

— Люблю грешным делом выпить по вечерам, — согласился Дуссандер за спиной, и треснул его тесаком у основания шеи.

Раздался хруст хрящей, словно из жареного цыпленка резко выдернули ножку. Стаканчик выпал из рук бродяги и покатился по столу. Он катился к краю стола, и казалось, что герои мультфильмов на нем и вправду танцуют.

Бродяга закинул голову назад и попытался закричать. Но из горла вырвался только страшный хрип. Глаза расширились, голова бессильно упала на красно-белые клеточки скатерти на кухонном столе. Верхняя вставная челюсть выдвинулась вперед, как протезная улыбка.

Дуссандер вытащил тесак — пришлось поработать двумя руками, — и подошел к раковине. В ней была горячая вода с цитрусовым средством для мытья посуды и грязные глубокие тарелки. Нож погрузился в ароматную лимонную пену, как маленький истребитель в облако.

Он снова подошел к столу, но задержался из-за приступа кашля. Затем достал из заднего кармана платок и сплюнул желто-коричневую мокроту. Последнее время он слишком много курил — всегда курил много, когда задумывал убийство. Но с этим все прошло гладко, даже очень гладко. После пережитого ужаса с последним бродягой он долго не решался напасть на следующего.

И теперь, если он поторопится, то еще успеет посмотреть вторую часть программы Лоуренса Уилка.

Он подошел к двери подвала и повернул выключатель. Вернулся к раковине и достал из ящика пачку зеленых пакетов для мусора. Развернув один, подошел к бродяге. Кровь текла во все стороны, капала на колени бродяге и на неровный выцветший линолеум. Она будет и на стуле, но все вымоется.

Дуссандер взял бродягу за волосы и приподнял голову. Она с легкостью подалась, и через секунду бродяга стал похож на клиента парикмахерской перед мытьем головы. Дуссандер надел

пакет ему на голову и натянул его на плечи и руки до локтей. Насколько хватило длины. Затем расстегнул ремень на брюках своего покойного гостя и вытащил из петель. Потом плотно затянул ремень вокруг пакета чуть повыше локтей. Пакет шуршал, а Дуссандер мурлыкал себе под нос «Лили Марлен».

На ногах у бродяги были заскорузлые грязные башмаки. Ноги нарисовали неровную букву «У» на полу, когда Дуссандер взялся за ремень и поволок труп к дверям подвала. Что-то белое выпало из пакета и звякнуло. Дуссандер увидел вставную челюсть бродяги, подобрал ее и засунул трупу в карман.

Он положил тело на пороге подвала, головой вниз на ступеньки. Потом зашел с другой стороны и столкнул, три раза ударив ногой. Тело слегка дернулось после первых двух пинков, а после третьего мягко соскользнуло вниз по лестнице. На полпути ноги очутились поверх головы, тело выполнило акробатическое сальто и с глухим стуком шлепнулось на трамбованный земляной пол. Один башмак отлетел в сторону, и Дуссандер подумал, что потом его нужно будет убрать.

Дуссандер спустился по лестнице, осмотрел тело и подошел к полке с инструментами. Слева от полки у стены рядком стояли лопата, грабли и мотыга. Он взял лопату. Старик любил слегка поразмяться — при этом чувствовал себя моложе.

Внизу ужасно пахло, но его это не беспокоило. Раз в месяц он посыпал в подвале негашеной известью (как-то даже пришлось через три дня после убийства очередного бродяги) и приобрел вентилятор, который включал наверху, чтобы в жаркие тихие дни запах не попадал в дом. При этом он помнил, как Джозеф Крамер любил говорить, что мертвые не молчат, мы их слышим носами.

Выбрав место в северном углу подвала, Дуссандер принялся за работу. Отмерил ровно 76 см на 183 см. Он уже углубился сантиметров на 60, когда первый приступ парализующей боли пронзил его грудь, как выстрел. Он выпрямился, и глаза почти вышли из орбит. Затем боль переместилась в плечо… невероятная боль, словно невидимая рука схватила сосуды и теперь сжимала и тянула их. Лопата выпала из рук, колени обмякли. С ужасом подумал, что упадет сейчас в могилу сам.

Чудом ему удалось отойти на три шага назад и тяжело опуститься на рабочую скамейку. Он сидел с выражением тупого недоумения на лице и чувствовал, что похож сейчас на героя немых комедий, пришибленного дверью или только что наступившего на коровью лепешку. Он низко опустил голову на колени и вздохнул.

Прошло минут пятнадцать, боль стала понемногу утихать, но Дуссандер не был уверен, что сможет подняться. Впервые в жизни

осознал всю правду о старости, которая до сих пор как-то обходила его. Страх сжал сердце так, что хотелось скулить. Смерть стояла рядом, в этом мрачном вонючем подвале она коснулась Дуссандера полой своего плаща, И еще вернется за ним. Но он не умрет здесь, он должен выбраться.

Старик встал, все еще держась за грудь, словно пытаясь удержать хрупкий механизм. Пошатываясь, пробирался вдоль стены к лестнице. Левая нога зацепилась за ногу мертвого бродяги, и он с криком упал на колени. Новый приступ невыносимой боли сдавил его грудь. Он посмотрел вверх: крутая, крутая лестница. Двенадцать ступенек. Квадрат света вверху был издевательски далек.

— Айн, — сказал Курт Дуссандер, тяжело втаскивая себя на первую ступеньку. — Цвай. Драй. Фир.

Через двадцать минут он выполз из подвала и упал на кухонный линолеум. Дважды на лестнице острая боль возвращалась, и оба раза Дуссандер, закрыв глаза, ожидал, что будет, зная, что если боль вернется такая же сильная, как там, внизу, он умрет. Оба раза боль отступала.

Он дополз до стола, стараясь не задевать лужицы и ручейки крови, начинающей сворачиваться. Взял бутылку виски, сделал глоток и закрыл глаза. Показалось, что обруч у него в груди несколько ослаб, боль стала меньше. Еще через пять минут начал медленно пробираться в прихожую. Там, на маленьком столике стоял телефон.

Было уже четверть десятого, когда в доме Бауденов зазвонил телефон. Тодд сидел на диване, закинув ногу за ногу, и готовился к контрольной по тригонометрии. Она ему не давалась, как впрочем и другие математические дисциплины. Отец сидел в другом углу комнаты и подсчитывал с калькулятором корешки чековой книжки, на его лице было недоверчивое выражение. Моника сидела ближе всех к телефону и смотрела фильм про Джеймса Бонда, записанный Тоддом пару дней назад с канала Эй-Би-Си.

Зазвенел телефон.

— Алло? — прислушалась она. Слегка нахмурившись, она передала трубку Тодду. — Это мистер Денкер. Он чем-то взволнован. Или расстроен.

Душа у Тодда ушла в пятки, но выражение лица не изменилось.

— Да? — он подошел к телефону и взял трубку. — Здравствуйте, мистер Денкер.

Голос у Дуссандера был хриплый и отрывистый:

— Приходи немедленно, мальчик. У меня сердечный приступ. Мне очень плохо.

— Вот это да, — только и сказал Тодд, пытаясь собраться с мыслями и побороть растущий страх. — Это очень интересно, но сейчас уже поздно, я занимался…

— Я понял, что тебе неудобно говорить, — произнес Дуссандер хриплым, лающим голосом, — Но ты можешь слушать. Я не могу вызвать скорую или неотложку… по крайней мере сейчас. Здесь такое… Мне нужна помощь, а значит, и тебе тоже.

— Да, если вы так говорите.

Сердце Тодда билось со скоростью сто двадцать ударов в минуту, но лицо оставалось спокойным, почти неподвижным. Разве он не знал, что такой вечер однажды настанет? Конечно, знал.

— Скажи родителям, что я получил письмо, — подсказал Дуссандер, — Важное письмо. Ты понял?

— Да, хорошо, — ответил Тодд.

— Теперь посмотрим, мальчик. Посмотрим, из чего ты сделан.

— Конечно, — проговорил Тодд. Он вдруг заметил, что мать смотрит не на экран, а на него, и заставил себя улыбнуться. — Пока.

Дуссандер продолжал говорить, но Тодд повесил трубку.

— Я ненадолго схожу к мистеру Денкеру, — обратился он к родителям, глядя на мать: слабое любопытство все еще было написано на ее лице, — Что-нибудь вам купить по дороге?

— Ершики для трубок для меня и немного финансовой ответственности для мамы, — сказал Дик.

— Очень смешно, — парировала Моника, — Тодд, а что, мистер Денкер…

— Ну что, ради всего святого, можно было купить в магазине Филдинга? — перебил ее Дик.

— Вон ту изящную полочку в гардеробную. Я тебе говорила. С мистером Денкером все в порядке, Тодд? У него голос какой-то странный.

— А что, такие полочки и вправду существуют? Я считал, что их изобрели сумасшедшие писательницы, сочинявшие английские детективы, специально для того, чтобы всегда было место, где убийца мог найти какое-нибудь подходящее орудие.

— Дик, мне можно вставить слово?

— Конечно, пожалуйста. Но в *гардеробную?*

— Я думаю, все нормально, — сказал Тодд. — Он получил письмо от племянника из Гамбурга или Дюссельдорфа, не знаю. Он давно от них ничего не получал, а теперь пришло письмо, а он

не может прочесть его из-за зрения.

— Да, ужасно, — сказал Дик. — Ну что ж, иди, Тодд, иди и облегчи его душу.

— Я думала, что у него есть кто-то, кто читает, — заметила Моника. — Новый мальчик.

— Да, есть, — сказал Тодд, и внезапно возненавидел мать, возненавидел предчувствие, уже всплывающее в ее глазах. — Может, его не было дома, или он не может прийти так поздно.

— Да… ну ладно, иди. Только будь осторожен.

— Хорошо. Тебе ничего не надо в магазине?

— Нет. Как твои занятия по математике?

— По тригонометрии, — уточнил Тодд. — Нормально. Я уже собирался заканчивать. — Ложь была явной.

— Возьмешь «порше»? — спросил Дик.

— Нет, я на велосипеде. — Ему нужно было минут пять, чтобы собраться с мыслями и успокоиться, хотя бы попытаться. В таком состоянии он бы врезался на «порше» в фонарный столб.

— Пристегни отражатель к колену, — посоветовала Моника, — и передай мистеру Денкеру привет от нас.

— Хорошо.

Сомнение все еще сохранялось в глазах матери, но уже не такое явное. Он поцеловал ее и пошел в гараж, где стоял его велосипед, уже не «швинн», а немецкий гоночный. Сердце бешено колотилось, хотелось взять свой винчестер, вернуться в дом, расстрелять обоих родителей, а потом уйти на склон над шоссе. И не беспокоиться больше о Дуссандере. Не видеть этих кошмаров. Он будет стрелять, стрелять и стрелять, пока не останется одна пуля — для себя.

Потом рассудок вернулся к нему, и он поехал к дому Дуссандера, отражатель взлетал вверх-вниз над коленом, ветер сдувал его белокурые волосы со лба.

— Боже правый! — воскликнул Тодд еще в дверях кухни. Дуссандер сидел, облокотившись на стол перед фарфоровой кружкой. Крупные капли пота выступили на лбу. Но Тодд смотрел не на Дуссандера, а на кровь вокруг. Кровь была повсюду — сгустками на столе, на кухонном стуле, на полу.

— Где вы ранены? — крикнул Тодд, заставив свои окаменевшие ноги снова двигаться; ему показалось, что простоял на пороге тысячу лет. *«Это конец*, — думал он, — конец всему. Шарик взлетел слишком высоко, детка, к самому небу, детка, и все — прощай». И все равно, он старался не наступать на кровь. — Вы же сказали, что у вас сердечный приступ!

— Это не моя кровь, — пробормотал Дуссандер.

— Что? — Тодд остолбенел. — Что вы сказали?

— Спустись вниз. Увидишь, что надо сделать.

— Что все это значит, черт побери? — воскликнул Тодд. Внезапная догадка осенила его.

— Не теряй времени, мальчик. Думаю, тебя не сильно удивит то, что найдешь внизу. По-моему, у тебя тоже есть опыт в таких делах, как у меня в подвале. Непосредственный опыт.

Тодд взглянул на него с недоверием, потом бросился вниз по лестнице в подвал, прыгая через две ступеньки. При тусклом свете единственной лампочки в подвале ему сначала показалось, что Дуссандер свалил здесь кучу мусора. Потом он разглядел раскинутые ноги и грязные руки, пристегнутые вдоль туловища ремнем.

— Боже правый, — повторил он, но на этот раз едва слышно, потому что на слова не хватило дыхания.

Он прижал к сухим, как наждак, губам тыльную сторону ладони. На мгновение закрыл глаза… а когда открыл, сумел взять себя в руки.

Тодд начал действовать.

Он увидел рукоятку лопаты, выглядывающую из неглубокой ямы в дальнем углу, и понял, чем занимался Дуссандер, когда его мотор подвел. Вскоре парень ощутил удушливый запах, похожий на запах гнилых помидоров. Он чувствовал его и раньше, но наверху запах был гораздо слабее… да он и не так часто заходил сюда в последние два года. Теперь он *понял,* что это был за запах, и ему пришлось бороться с приступами дурноты. Он издал несколько сдавленных утробных звуков, приглушив их рукой и зажав рот и нос.

Постепенно он снова овладел собой.

Он схватил бродягу за ноги и поволок к краю ямы. Бросил, отер рукавом пот со лба и остановился в глубокой задумчивости.

Потом взял лопату и стал углублять яму. Когда выкопал метра полтора, вылез и ногами столкнул туда бродягу. Тодд стоял на краю могилы и глядел вниз. Протертые джинсы. Грязные, заскорузлые руки. Бездомный пьяница, точно. Ирония судьбы дошла до смешного. Так смешно, что трудно не засмеяться.

Он взбежал наверх.

— Ну как вы? — спросил Дуссандера.

— Все будет нормально. Ты там справился?

— Сейчас доделаю.

— Поторапливайся, еще наверху нужно успеть.

— Как бы я хотел скормить вас свиньям, — пробормотал Тодд и спустился снова вниз прежде, чем Дуссандер успел ответить.

Он уже почти забросал труп, когда понял, что что-то не так. Он посмотрел в могилу, держа лопату одной рукой. Из-под кучи земли виднелись ноги бродяги, торчали ступни: одна в башмаке, другая в носке, который, возможно, во времена правления президента Тафта, был белым.

Один башмак? Всего один?

Тодд быстро обошел все вокруг и лихорадочно огляделся. Головная боль сжимала виски, стуча кровью в венах. Он заметил старый башмак в полуметре от могилы в тени каких-то забытых полок. Тодд схватил его, прибежал обратно к могиле и бросил его туда. Потом опять стал закапывать, забрасывая башмак, ноги, все.

Когда вся земля оказалась снова в яме, он несколько раз ударил лопатой плашмя, чтобы утрамбовать ее. Потом взял грабли и стал водить ими вперед-назад, пытаясь скрыть сам факт, что землю раскапывали.

Но безуспешно: без хорошего камуфляжа свежевыкопанная и зарытая яма, всегда похожа на свежевырытую. Но ведь никто не будет сюда спускаться? На это была вся надежда его и Дуссандера.

Тодд взбежал наверх. Он уже задыхался.

Локти Дуссандера разъехались по столу, голова опустилась на руки. Глаза были прикрыты, веки ярко-пурпурные — цвета астр.

— Дуссандер! — закричал Тодд. Он ощутил во рту горячий сочный привкус — вкус страха, замешанного на адреналине и пульсирующей жаркой крови. — Только попробуйте умереть, старый козел!

— Не кричи, — сказал Дуссандер, не открывая глаз. — А то сбежится весь квартал.

— Где у вас моющие средства? «Лестойл» или «Топ Джоб», что-нибудь такое? И тряпки. Мне нужны тряпки.

— Все под раковиной.

Кровь уже во многих местах засохла. Дуссандер поднял голову и смотрел, как Тодд ползает по полу, вытирая сначала сгустки на линолеуме, потом полосы и капли с ножек стула, на котором сидел бродяга. Мальчик все время кусал губы, грыз их, словно лошадь удила. Наконец кухня была убрана. Резкий запах моющих средств заполнил комнату.

— Там, под лестницей, в коробке, старые тряпки, сунь эти окровавленные под низ. И не забудь вымыть руки.

— Оставьте свои советы при себе. Втравили меня, а теперь…

— Разве? А ты неплохо справился. — На секунду в тон Дуссандера вернулась былая насмешливость, а потом горькая мина снова перекосила его лицо. — Скорее.

Тодд спрятал тряпки и взбежал по лестнице подвала в последний раз. Он нервно посмотрел вниз, выключил свет и закрыл дверь. Затем подошел к раковине, засучил рукава и стал мыть посуду в нестерпимо горячей воде. Он сунул руки в пену и вытащил тесак, который использовал Дуссандер.

— Как бы я хотел перерезать этим вам глотку, — сказал он зло.

— Да, а потом скормить свиньям. Не сомневаюсь.

Тодд сполоснул тесак, вытер насухо и убрал. Быстро вымыл оставшиеся тарелки, выпустил воду и сполоснул мойку. Когда вытирал руки, посмотрел на часы; было уже двадцать минут одиннадцатого.

Он подошел к телефону в прихожей, поднял трубку и задумался. Кажется, он что-то забыл, Что-то очень важное, как башмак бродяги, крутилось где-то у него в мозгу. Что именно? Он не знал. Если бы не головная боль, может быть он бы и вспомнил. Головная боль, будь она трижды проклята! Обычно он не забывал ничего, и это пугало.

Он набрал три двойки, сразу после гудка ответил голос:

— Скорая помощь Санто-Донато. У вас медицинские проблемы?

— Меня зовут Тодд Бауден. Я на Клермонт-стрит, 963. Нужна неотложка.

— Что случилось, сынок?

— У моего друга, мистера Д… — он прикусил губу так сильно, что выступила кровь, вдруг растерялся, и кровь сильнее застучала в висках. Дуссандер. Он чуть было не назвал анонимному голосу из скорой помощи настоящую фамилию Дуссандера.

— Успокойся, сынок, — сказал голос. — Говори медленно, и все будет хорошо.

— У моего друга мистера Денкера, — сказал Тодд. — По-моему, у него сердечный приступ.

— Какие симптомы?

Тодд начал описывать, но хватило того, что он назвал боль в груди, отдающую в левую руку. Голос сказал Тодду, что скорая приедет минут через десять-двадцать, все зависит от движения. Тодд повесил трубку и прижал ладони к глазам.

— Дозвонился? — слабым голосом спросил Дуссандер.

— Да! — крикнул Тодд. — Да. Дозвонился, черт побери! Да заткнитесь в конце концов!

Он прижал руки к глазам сильнее, перед ним возникли бессмысленные вспышки света, потом красные пятна. «Возьми себя в руки, Тодд-малыш, успокойся, не трусь, ты же умный. Ты

должен вспомнить».

Он открыл глаза и снова взял трубку. Теперь самое трудное. Пора позвонить домой.

— Алло? — прозвучал мягкий приятный голос Моники. На секунду — всего лишь на секунду — он увидел, как приставляет ствол своего винчестера к ее ноздрям и спускает курок.

— Это Тодд, мама. Дай мне папу побыстрее.

Он звонил не ей. Он знал, что она услышит сигнал раньше, чем все остальное. Так и есть.

— Что случилось, Тодд? В чем дело?

— Мне нужно с ним поговорить!

— Но в чем…

Телефон щелкнул и стукнул. Он услышал, как мать что-то говорит отцу. Тодд приготовился.

— Тодд? Что случилось?

— У мистера Денкера, папа… У него, по-моему, сердечный приступ. Я почти уверен.

— Господи! — голос отца отдалился, и Тодд услышал, как он повторяет это матери. Потом вернулся. — Он еще жив? Как ты считаешь?

— Да, жив. В сознании.

— Ну, слава Богу. Вызови скорую.

— Уже вызвал.

— 222?

— Да.

— Молодчина. Он очень плох, как по-твоему?

(Какое там, к черту, плох!)

— Я не знаю, папа. Сказали, скорая вот-вот приедет, но… Мне страшно. Ты не мог бы приехать и побыть тут со мной?

— Конечно. Дай мне минуты четыре.

Тодд услышал, как мать еще что-то говорила, когда отец вешал трубку. Он тоже положил трубку на рычаг.

Четыре минуты…

Четыре минуты, чтобы доделать то, что не сделано. Четыре минуты, чтобы вспомнить, ничего ли не забыто. Или все-таки он что-то забыл? Наверное, это просто нервы. Господи, как жаль, что пришлось звонить отцу-Но это ведь так естественно, правда? Конечно. Но может, есть еще что-то само собой разумеющееся, чего он не сделал? Что же это?

— Господи, какой кретин! — вдруг воскликнул он и снова влетел в кухню.

Дуссандер лежал, опустив голову на стол, глаза полуприкрыты, неподвижны.

— Дуссандер! — закричал Тодд. Он резко потряс его, старик

застонал. — Очнитесь, да очнитесь же, старый вонючий выродок!

— Что? Приехала скорая?

— Письмо! Мой отец идет сюда, он сейчас будет здесь. Где это чертово письмо?

— Что? Какое письмо?

— Вы велели мне сказать, что вы получили важное письмо, Я сказал… — его сердце упало. — Я сказал, что оно из-за океана. Из Германии. Боже! — Тодд запустил руки в волосы.

— Письмо. — Дуссандер поднял голову с большим трудом. Его морщинистые щеки стали желтовато-белыми, губы посинели, — От Вилли, я думаю. Вилли Франкель. Милый… милый Вилли.

Тодд взглянул на часы и увидел, что прошло две минуты, как он повесил трубку. Отец не доберется, не сможет дойти от их дома до дома Дуссандера за четыре минуты, но он может молниеносно доехать на «порше». Именно молниеносно. Все и так произошло слишком быстро. И что-то все равно было не так. Он *чувствовал.* Но искать прокол было некогда.

— Да, правильно. Я его читал вам, вы разволновались, и случился сердечный приступ. Хорошо. Где оно?

Дуссандер лишь тупо посмотрел на него.

— Письмо. Где оно?

— Какое письмо? — непонимающе спросил Дуссандер, и у Тодда зачесались руки задушить пьяного старого монстра.

— То, что я читал вам! От Вилли! Или как его там? Где оно?

Они оба посмотрели на стол, словно ожидая, что письмо появится само собой.

— Наверху, — сказал, наконец, Дуссандер. — Посмотри в комоде. В третьем ящике. Там на дне небольшая шкатулка. Тебе придется взломать ее. Ключ от нее потерян давным-давно. Там старые письма от моего старого друга. Они без подписи и не датированы. Все на немецком. Страничка или две сгодятся, чтобы пустить пыль в глаза, как ты говоришь. Если ты поторопишься…

— Вы с ума сошли! — разозлился Тодд. — Я же не понимаю по-немецки! Как я мог читать вам письмо на немецком, вы, старый козел!

— А зачем бы Вилли писал мне по-английски? — слабо возразил Дуссандер.

— Если ты читал мне письмо по-немецки, то я бы все равно понял, а ты — нет. Конечно, твое произношение было бы зверским, но я бы…

Дуссандер был прав — опять прав, и Тодд не стал слушать дальше. Даже после сердечного приступа старик оставался на голову выше. Тодд помчался к лестнице, задержавшись на миг у

входной двери, чтобы убедиться, что «порше» его отца еще не слышно. Было тихо, но часы Тодда показывали, что времени в обрез: прошло уже пять минут.

Он взлетел через две ступеньки по лестнице и ввалился в спальню Дуссандера. Здесь Тодд никогда не был, даже из любопытства, и сначала просто осмотрел незнакомое место. Потом заметил комод, дешевенький, в том стиле, который отец называл «распродажный модерн». Он встал на колени и выдвинул третий ящик. Он выдвинулся наполовину, а потом сдвинулся и застрял.

— Проклятье, — прошептал Тодд. Лицо его побледнело, на щеках проступили пятна темного румянца, а синие глаза напоминали тучи над Атлантикой. — Черт бы тебя побрал, мерзость, вылезай!

Он рванул изо всех сил, так что сам комод наклонился и чуть не упал на него, но потом встал на место. Ящик вылетел прямо Тодду на колени. Носки, белье и носовые платки Дуссандера разлетелись в стороны. Тодд порылся в том, что осталось в ящике, и достал деревянную шкатулку размером чуть больше конверта и сантиметров восемь высотой. Он попытался поднять крышку. Бесполезно. Заперта, как и сказал Дуссандер. Сегодня вечером все давалось с трудом.

Он запихнул обратно в ящик одежду, потом вставил ящик в полозья. Ящик снова застрял, Тодд попытался задвинуть его, расшатывая из стороны в сторону, В конце концов это удалось, хотя пот градом катился по его лицу. Теперь коробка. Сколько минут уже прошло?

Кровать Дуссандера была с массивными спинками, и Тодд с размаху ударил замком об одну из стоек, боль пронзила руки до локтей. Посмотрел на замок. Там была вмятина, но замок не сломался. Опять ударил замком о стойку, еще сильнее, невзирая на боль в руках. На этот раз от стойки отлетели щепки, а замок так и не сдался. Тодд издал короткий смешок и перенес шкатулку в другой конец кровати. Поднял высоко над головой и изо всех сил опустил вниз. Замок отлетел.

Когда он откинул крышку, в окна дома ударил свет фар.

Тодд торопливо рылся в коробке, Открытки, Медальон. Сложенная в несколько раз фотография женщины, на которой не было ничего, кроме черных чулок с рюшами. Старая банкнота. Несколько разных наборов документов. Пустая кожаная обложка для паспорта. И только на самом дне — письма.

Свет стал ярче, и уже отчетливо слышался рокот мотора «порше». Потом резко стих.

Тодд схватил три листа почтовой бумаги, густо исписанные с

обеих сторон по-немецки, и выбежал из комнаты. Он уже был на лестнице, когда понял, что оставил взломанную шкатулку на кровати. Бегом вернулся обратно, схватил ее и снова выдвинул злополучный ящик.

Ящик опять застрял, на этот раз с резким скрежетом дерева по дереву. Снаружи он услышал скрип ручного тормоза «порше», потом открылась и захлопнулась дверь.

Как будто издалека услышал свой собственный стон. Тодд положил шкатулку в перекосившийся ящик и с силой пнул его ногой, Ящик плотно закрылся, Тодд пулей вылетел в холл. Он мчался к лестнице. На полпути услышал шаги отца на дорожке к крыльцу.

Тодд спрыгнул через перила, мягко приземлился и помчался на кухню, зажав трепещущие листы почтовой бумаги.

Раздался стук в дверь:

— Тодд! Тодд, это я!

И тут издалека донесся вой сирены «Скорой помощи». Дуссандер опять впал в полубессознательное состояние.?

— Я иду, па!

Он положил листки почтовой бумаги на стол, слегка разбросав, словно их уронили в спешке, а затем вернулся в прихожую и открыл дверь.

— Где он? — спросил Дик Бауден, проходя мимо Тодда.

— В кухне.

— Ты все правильно сделал, Тодд, — похвалил отец, торопливо и смущенно обнимая сына.

— Вроде бы, ничего не забыл, — честно сказал Тодд, проходя вслед за отцом через прихожую в кухню.

В суматохе, когда Дуссандера увозили, о письме не вспомнил никто. Отец бегло взглянул на него и тут же положил обратно, когда пришли санитары с носилками. Тодд с отцом поехали вслед за скорой, и объяснения того, что произошло, были приняты без всяких вопросов доктором, ставшим лечащим врачом Дуссандера, В конце концов, мистеру Денкеру семьдесят девять лет, и образ жизни, который он вел, был далеко не безупречен. Доктор также мимоходом похвалил Тодда за сообразительность и быстроту. Тодд рассеянно поблагодарил его, и попросил отца поехать домой.

По дороге домой Дик опять сказал сыну, что гордится им. Но Тодд едва ли слышал его. Он думал о своем винчестере.

18

В тот же самый день Морис Хейзел сломал позвоночник.

Морис совсем *не хотел* сломать его, он всего-навсего *хотел* прибить угол водосточного желоба на западной стороне дома. Меньше всего он думал, что при этом можно сломать позвоночник, ему и без того хватало горя в жизни. Его первая жена умерла в 25 лет, умерли и две его дочери. Брат погиб в автокатастрофе недалеко от Диснейленда в 1971. Самому Морису было уже к шестидесяти, у него был особый случай полиартрита — быстро прогрессирующий, Еще у него были бородавки на обеих руках, бородавки, которые вырастали быстрее, чем доктор успевал их выжигать. А в добавок в последние годы у него появилась склонность к мигреням, из-за чего этот хрен — сосед Роган, стал называть его «Кот Морис». Морис потом часто говорил Лидии, своей второй жене, что ему было бы очень интересно, как бы Рогану понравилось, если бы он стал называть его «Роган — Геморрой».

— Оставь, Морис, — говорила в таких случаях Лидия. — Ты совсем шуток не понимаешь, ты их никогда не понимал, иногда я удивляюсь, как это меня угораздило выйти замуж за человека, абсолютно лишенного чувства юмора. Мы поехали в Лас-Вегас, — говорила Лидия, обращаясь к пустой кухне, словно к невидимой толпе зрителей, стоящей перед ней, — мы смотрели Бадди Хэкета, и представляете, Морис ни разу не засмеялся.

Кроме полиартрита, бородавок и мигреней у Мориса была Лидия, которая, храни ее Боже, превратилась за последние пять лет в некое подобие пилы, особенно после удаления матки. Так что у него было множество печалей и множество проблем и без поломанного позвоночника.

— Морис, — кричала Лидия, стоя в дверях и вытирая мыльную пену посудным полотенцем. — Морис, сейчас же слезай с этой стремянки!

— Что? — повернул он голову, чтобы увидеть ее. Он стоял на второй сверху ступеньке алюминиевой стремянки. На этой ступеньке была ярко-желтая наклейка, гласившая: «Внимание! Равновесие с этой ступеньки может уйти без предупреждения!» На Морисе был плотницкий фартук с большими карманами: в одном — гвозди, в другом — дюбели. Земля под стремянкой была не очень ровная, и когда он двигался, стремянка слегка качалась. Затылок Мориса начал ныть, предвещая приближение мигрени. Он был раздражен. — Ну, что тебе?

— Я сказала, слезай оттуда, пока ты не свернул себе шею.

— Я уже почти закончил.

— Морис, ты качаешься на этой стремянке, как на волнах. Слезай.

— Как только все закончу, слезу! — сказал он сердито. — Отстань.

— Ты сломаешь себе хребет, — скорбно повторила она и ушла обратно в дом.

Через десять минут, когда он уже забивал последний гвоздь в водосточный желоб и отклонился назад, он услышал кошачий крик, а потом громкий лай.

— Господи, что это?

Он посмотрел вокруг, и стремянка угрожающе закачалась. В ту же секунду их кот по имени Красавчик, вылетел из-за угла гаража — шерсть дыбом, глаза сверкают. За ним, высунув язык, гнался соседский щенок колли с волочащимся поводком.

Красавчик без злого умысла, хоть и не от большого ума, кинулся под стремянку. Щенок бросился за ним.

— Осторожно, ты, глупая псина! — закричал Морис.

Лестница зашаталась. Щенок толкнул ее с разбега.

Стремянка сложилась, и Морис с испуганным воплем слетел с нее. Гвозди и дюбели высыпались из карманов фартука. Он упал на ребро бетонной дорожки, и его спину пронзила ужасная боль. Он не столько услышал, как почувствовал, что хрустнул хребет, А потом все потемнело.

Когда мир опять приобрел цвет, он все еще лежач на кромке дорожки, усыпанной гвоздями и дюбелями. Лидия стояла на коленях, склонившись над ним, и плакала. Сосед Роган тоже стоял рядом, белый, как полотно.

— Я же тебе говорила, — причитала Лидия. — Говорила, слезь с этой стремянки. Вот теперь видишь, что получилось?

Морис понял, что видеть этого совсем не хочет. Боль, пульсирующая и сжимающая, опоясала его, как ремень, это было ужасно, но хуже всего было то, что ниже этого болевого ремня он ничего не чувствовал.

— Попозже еще попричитаешь, — суховато сказал он. — А сейчас вызови врача.

— Я вызову, — пообещал Роган и побежал к своему дому.

— Лидия, — с трудом произнес Морис и облизал губы.

— Что? Что, Морис? — она наклонилась к нему, и слеза упала на его щеку. Это было, наверное, трогательно, но он вздрогнул, и боль стала еще сильнее.

— Лидия, у меня еще и мигрень.

— Бедный мой Морис! Но я же тебе *говорила*…

— У меня болит голова из-за того, что собака этого хрена

Рогана лаяла всю ночь и не давала мне спать. Сегодня эта собака гонялась за котом, потом толкнула стремянку, и вот теперь, мне кажется, я сломал хребет.

Лидия вскрикнула. От этого звука голова Мориса загудела.

— Лидия, — сказал он и снова облизал губы.

— Что, дорогой?

— Я много лет подозревал кое-что. А теперь я знаю точно.

— Бедный мой Морис! Что?

— Бога нет, — ответил Морис и потерял сознание.

Его отвезли в Санто-Донато, и вместо того, чтобы, как обычно, есть один из ужасных ужинов Лидии, он услышал от врача, что уже никогда не сможет ходить. Его запаковали в гипс, взяли анализы крови и мочи. Доктор Клеммельман смотрел в его глаза и стучал по коленям маленьким черным молоточком, но никаких сокращений мышц в ответ не последовало.

Лидия все время была рядом, слезы текли у нее из глаз, и она меняла носовые платки один за другим. Лидия — из тех женщин, кому хорошо было бы быть женой Иова, она везде ходила с пачкой маленьких кружевных платочков, так, на всякий случай, вдруг подвернется причина поплакать. Она вызвала свою маму, и та скоро приедет («Хорошо, Лидия», — хотя для Мориса более невыносимого человека, чем теща, трудно было найти). Позвала раввина, и он тоже скоро придет («Хорошо, Лидия», — хотя он не заходил в синагогу уже лет пять и не уверен, что помнит имя раввина). Она позвонила его шефу, и хотя он не сможет приехать сейчас, просил передать свои соболезнования и сочувствие, («Хорошо, Лидия», — хотя, если кто и был под стать теще, так это вечно жующий сигары хрен Фрэнк Хэскелл). Наконец, они дали Морису снотворное и убрали Лидию. Вскоре Морис отключился: ни беспокойства, ни мигрени — ничего. Если бы они все время давали эти маленькие голубенькие таблетки, — была его последняя мысль, — он бы залез опять на стремянку и сломал себе хребет снова.

Когда Морис проснулся, или снова пришел в сознание, начинало светать, и в больнице было тихо-тихо. Он чувствовал себя как-то безмятежно и спокойно. Ничего не болело, тело казалось легким и невесомым. Кровать находилась внутри странного сооружения, напоминающего клетку для белки, блестящие балки из нержавейки, растяжки и блоки. Ноги были подвешены к этому устройству с помощью тросов. Под спиной тоже какая-то штука, но что именно, он не мог определить не видя.

Бывает и хуже — думал он. — *Во всем мире бывает хуже. В Израиле палестинцы убивают фермеров целыми автобусами только за то, что те совершили политическое преступление — поехали в город в кинотеатр. Израильтяне восстанавливают справедливость, сбрасывая на палестинцев бомбы и убивая детей вместе с затесавшимися в их ряды террористами. У других бывает гораздо хуже… Не то, чтобы у меня было хорошо, и не думай, просто бывает хуже.*

Он с трудом поднял руку: где-то внутри ощущал боль, но очень слабо. Попытался сжать кулак у себя перед глазами. Порядок. С пальцами все нормально. Руками тоже можно двигать. То есть он ничего не чувствует лишь ниже пояса, ну и что? На свете: множество людей, парализованных от шеи и ниже. А еще есть больные проказой. Есть умирающие от сифилиса. А сколько людей сейчас садится в самолет, который разобьется. Нет, его случай тоже не из приятных, но бывает и хуже.

Намного хуже.

Затем поднял левую руку. Она словно расплывалась перед глазами — дряблая старческая рука с обвисшими мышцами. На нем была больничная пижама без рукавов, и на предплечье проступал вытатуированный блекло-синий номер A499965214. Это намного, да, намного хуже, чем упасть со стремянки и с переломом позвоночника лежать в чистой, стерильной городской больнице, приняв анальгетик, после которого уходят все проблемы.

Он помнит душевые — газовые камеры, там было хуже. Его первая жена Хейда умерла в одной из таких душевых. Помнит траншеи, ставшие могилами. Закрывая глаза, как сейчас видит людей, стоящих на краю такого рва, слышит залпы винтовок и помнит, как они падали спиной в эти рвы, словно тряпичные куклы. Там были еще крематории, наполнявшие воздух сладковатым запахом сжигаемых тел, — евреев, сгорающих как невидимые свечки. Перекошенные ужасом лица старых друзей и родственников, словно таявшие на глазах: тоненькие, еще тоньше. Однажды они исчезали совсем. Куда? А куда попадает пламя свечи, когда ее задует ветер? В рай? В ад? Огни в темноте, свечи на ветру. Когда Иов сдался и начал роптать, Господь спросил его: *«Где был ты, когда я полагал основания Земли?»* Если бы Морис Хейзел был Иовом, он бы спросил в ответ: *«А где был Ты, когда моя Хейда умирала?»*

Да, несомненно бывают вещи и похуже, чем сломанный позвоночник. Но что это за Бог такой, если он позволил ему сломать позвоночник и остаться парализованным на всю жизнь после того, что он видел: умирающую жену, дочерей, друзей.

Никакой он не Бог после этого, вот что!

Слеза скатилась по краешку уха. Где-то в коридоре Прозвенел звонок. Пробежала медсестра, шаркая белыми туфлями. Дверь палаты была приоткрыта, и сквозь щель виднелись буквы на стене коридора; НСИВНОЙ ТЕРА. Он подумал, что полное название должно быть ПАЛАТА ИНТЕНСИВНОЙ ТЕРАПИИ.

Он услышал движение в комнате — шелест простыней.

Очень осторожно Морис повернул голову направо, отвернувшись от двери. Он увидел у кровати тумбочку с двумя кнопками вызова, на ней кувшин с водой. Рядом стояла еще одна кровать, на которой лежал мужчина, на вид еще старше и еще болезненней, чем Морис. Он не был привязан к гигантскому колесу-тренажеру для морских свинок, как Морис, но возле его кровати стояла штанга с капельницей, а в ногах — что-то типа стойки с приборами. Кожа у мужчины была желтоватой и дряблой. Глубокие морщины пролегли у рта и вокруг глаз. Волосы были желтовато-седые, сухие и безжизненные. Веки отливали синевой, а на внушительных размеров носу Морис заметил красноватые капилляры, как у пьяницы с большим стажем.

Морис отвел глаза, а потом посмотрел снова. Становилось все светлее, больница просыпалась, и у него возникло странное чувство, что он где-то видел своего соседа. Как это могло быть? На вид мужчине было где-то от шестидесяти пяти до восьмидесяти, а Морис вроде и не знал никого в таком возрасте, разве что мать Лидии, которая была стара как сфинкс, на которого к тому же очень похожа.

Может, он встречал его в прошлом, может еще до приезда его, Мориса, в Америку. Может быть. А может, и нет. Но какая разница, в конце концов? Почему вдруг он сегодня вспомнил это — лагерь, Патин, хотя всегда старался — и довольно успешно, — держать такие воспоминания подальше.

Мурашки вдруг пробежали по коже, словно он вошел в какую-то заветную комнату памяти, где не успокоились старые мертвецы и гуляли старые призраки. Как это может быть, даже сейчас, здесь, в этой чистенькой больнице, спустя тридцать лет, после окончания тех мрачных времен?

Он отвернулся от старика на соседней кровати, и вскоре почувствовал, что снова хочет спать.

«Это шутка твоей памяти, поэтому мужчина кажется знакомым. Это просто твой мозг тебя развлекает, как пытался развлечь тебя в…»

Но не надо об этом думать. Нельзя себе *позволять* об этом думать.

Засыпая, он вспомнил, как похвастался Хейде (но не Лидии, она не похожа на Хейду, которая всегда ласково улыбалась, едва он надувал щеки и важничал): у меня хорошая память на лица. И вот представился случай проверить, так ли это. Если он действительно когда-нибудь встречал человека с соседней кровати, то он сможет вспомнить когда… и где.

Уже в плену сна, покачиваясь на его волнах, Морис подумал: *«Может быть, я встречал его в лагере».*

Это было бы очень странно — ирония судьбы, как говорится.

Чьей судьбы? — спросил себя Морис Хейзел и заснул.

19

Тодд закончил год вторым по успеваемости и выступал на выпускном вечере с приветственной речью, наверное из-за невысокой оценки по тригонометрии, к экзамену по которой он готовился в тот злополучный вечер, когда у Дуссандера был приступ. Его итоговая оценка сползла до 91 балла, на одну десятую не дотянув до пятерки.

Через неделю после выпускного бала Баудены пришли навестить мистера Денкера в больнице. Тодд ерзал на месте во время обмена любезностями, всех этих «спасибо» и «ну, как вы себя чувствуете», и был ужасно рад, когда мужчина с соседней кровати попросил его подойти на минуту.

— Извини меня, — словно оправдываясь, сказал он. Его тело было в гипсе и почему-то соединено с системой блоков и растяжек. — Меня зовут Морис Хейзел. У меня сломан позвоночник.

— Это ужасно, — печально проговорил Тодд.

— Он говорит «ужасно»! У мальчика явный дар к преуменьшению.

Тодд начал извиняться, но Хейзел поднял руку, слегка улыбаясь. У него было бледное и усталое лицо, как у всех стариков в больнице в ожидании больших перемен — и не к лучшему. В этом, как думал Тодд, они с Дуссандером похожи.

— Не надо, — сказал Морис. — Не надо отвечать за неловкое замечание. Ты — посторонний. А постороннему разве обязательно быть в курсе моих проблем?

— «Человек — не остров в океане»… — начал было Тодд, и Морис рассмеялся:

— Он мне еще цитирует Донна! Какой умный мальчик! А что твоему другу, ему очень плохо?

— Да нет, доктора говорят, что все нормально, учитывая его возраст. Ему семьдесят девять.

— Такой пожилой? — воскликнул Морис. — Он не очень разговорчив, но из того, что рассказал, я понял, что из эмигрантов. Как и я. Я — поляк. По рождению. Из Радома.

— Правда? — вежливо сказал Тодд.

— Да. Знаешь, как в Радоме называют оранжевые крышки люков?

— Как? — спросил Тодд, улыбаясь.

— Джонсоновки, — ответил Морис и засмеялся. Тодд засмеялся тоже. Дуссандер посмотрел на них, вздрогнув от звука и нахмурившись. Потом Моника что-то сказала, и он снова

повернулся к ней.

— Твой друг из эмигрантов?

— Да, — подтвердил Тодд. — Из Германии. Из Эссена. Вы знаете такой город?

— Нет, — ответил Морис, — но я один раз был в Германии. Интересно, он был на войне?

— Не могу сказать, — глаза Тодда стали холодными.

— Нет? Впрочем, не важно. Это было давно, та война. Через пару лет в этой стране появятся люди, по закону имеющие право быть президентом, — президентом! — и родившиеся уже после войны. Для них «чудо Данкера» все равно, что поход Ганнибалла на слонах через Альпы.

— А вы были на войне? — спросил Тодд.

— Можно сказать, что в некотором роде да. Хорошо что ты, мальчик, навестил старика, — двух стариков считая меня.

Тодд скромно улыбнулся.

— А сейчас я устал. Я, наверное, посплю.

— Надеюсь, что вам скоро станет лучше, — пожалел Тодд.

Морис кивнул, улыбаясь, и закрыл глаза. Тодд вернулся к кровати Дуссандера. Его родители уже собирались уходить: отец поглядывал на часы и говорил с притворным огорчением, как сильно он опаздывает. Но Морис Хейзел не спал, не мог заснуть, даже не надолго.

Через два дня Тодд пришел в больницу один. На этот раз Морис Хейзел, запакованный в гипс, крепко спал.

— Ты хорошо справился, — тихо сказал Дуссандер, — Ты потом заходил в дом?

— Да, я положил на место шкатулку и сжег проклятое письмо. По-моему, это письмо никого особо не интересовало, и я боялся… Я не знаю, — Он пожал плечами, не в силах объяснить Дуссандеру свой интуитивный суеверный страх перед этим письмом, боязнь того, что в дом случайно войдет кто-то, кто умеет читать по-немецки и сможет заметить в письме ссылки на события десяти-или даже двадцатилетней давности.

— В следующий раз захвати мне чего-нибудь выпить, — попросил Дуссандер. — Без сигарет я обхожусь, а вот…

— Я больше туда не пойду, — категорически отрезал Тодд. — Никогда. Все, конец. Мы квиты.

— Квиты, — Дуссандер сложил руки на груди и улыбнулся недоброй улыбкой, хотя Дуссандер очень старался, чтобы она была подобрее. — Да, так и должно было быть. Меня выпустят из этого склепа на той неделе… Во всяком случае обещали. Доктор сказал, что протяну еще несколько лет. Я спросил его, сколько

именно, но он только засмеялся в ответ. Думаю, что несколько, в данном случае — не больше трех, а может и двух. И все равно, может быть, я устрою ему сюрприз и поживу в год Оруэлла.

Два года назад Тодд бы подозрительно нахмурился, но теперь только кивнул.

— Только между нами, мальчик, я уже почти отказался от мысли дожить до конца века.

— Я хотел вас спросить кое о чем, — сказал Тодд, пристально глядя Дуссандеру в глаза. — Поэтому и пришел. Хочу спросить вас о том, что вы как-то сказали.

Тодд взглянул через плечо на спящего на соседней, кровати и придвинул стул ближе к Дуссандеру. Он почувствовал запах Дуссандера — запах мумии в Египетском зале музея.

— Ну, спрашивай.

— Тот бродяга. Вы что-то сказали тогда насчет моего опыта. Непосредственного опыта. Что вы имели в виду?

Улыбка Дуссандера стала чуть шире:

— Я читаю газеты, мой мальчик. Старики всегда читают газеты, но не так, как молодые. Знаешь, в Южной Америке в некоторых аэропортах в конце взлетной полосы собираются канюки, и именно тогда, когда ветры наиболее коварны. Вот так старики читают газеты. Месяц назад в воскресной газете была статья. Не на первой странице, конечно, кому нужны бездомные, чтобы писать о них на первых полосах. Но это была главная статья во втором блоке. Статья называлась: «КТО ВОРУЕТ БЕЗДОМНЫХ В САНТО-ДОНАТО?» Грубо. Желтая пресса. Вы, американцы, на это мастера.

Тодд сжимал кулаки, пряча обгрызенные ногти. Он никогда не читал воскресных газет, у него были дела поважнее. Он, конечно, после каждого из своих рейдов ежедневно, примерно с неделю, просматривал газеты, но ни один из его бродяг не попал выше третьей страницы. Мысль, что кто-то прослеживает связи у него за спиной, ею разозлила.

— В статье речь шла о нескольких убийствах, отличающихся исключительной жестокостью. «Нечеловеческая, звериная жестокость,» — так назвал это автор, но ты же знаешь этих журналистов. Автор этого жалостливого шедевра допускал, что смертность среди обездоленных высока, и что в Санто-Донато за последние годы собралось уж слишком много нищих. Каждый год они умирают, но не все из них умирают естественной смертью или из-за вредных привычек. Случаются среди них и убийства. Но в большинстве случаев, убийцей оказывается соплеменник или сотоварищ убитого, а мотивом убийства — спор из-за мелочной ставки в карточной игре или из-за бутылки муската. Убийца чаще

всего с радостью признается и обычно полон раскаяния.

Но эти последние убийства остались не раскрытыми. И что еще более зловеще, так это, по мнению желтого журналиста, высокая степень исчезновений без вести за последние несколько лет. Конечно, допускает он, эти люди не более, чем современные бродяги. Приходят и уходят. Но некоторые исчезают, забыв забрать чек социального обеспечения или плату за поденную работу, которую выдают только по пятницам. Спрашивается, не являются ли они жертвами этого «убийцы бродяг», как окрестил его желтый журналист? Жертвами, которые так и не найдены?

Дуссандер помахал в воздухе рукой, словно отметая эту вопиющую безответственность.

— Конечно, все это, для того, чтобы пощекотать нервы обывателям. Он призывает старые пугала, уже не страшные, но все равно полезные: Истребитель Торсов из Кливленда, Зодиак, таинственный мистер Икс, убивший Черную Далилу, Джек Потрошитель, И всякое такое. Но я задумался. Что еще делать старику, как не задумываться, когда старые друзья больше не заходят.

Тодд пожал плечами.

— И я подумал: «Если бы я хотел помочь этому одиозному желтому журналисту, чего я, конечно, не сделаю, то смог объяснить причины некоторых исчезновений. Речь идет не о трупах зарезанных и забитых дубинкой, нет, не о них, упокой их души. О пропавших. Потому что, по крайней мере некоторые из этих пропавших, у меня в подвале.

— А сколько их там? — тихо спросил Тодд.

— Пять, — спокойно сказал Дуссандер, — считая того, которого ты помог мне спрятать, ровно пять.

— Вы и впрямь спятили, — сказал Тодд. Кожа у него под глазами побелела и заблестела. — В один прекрасный момент просто сошли с ваших чертовых рельс.

— „Сошел с рельс“ — замечательный оборот. Может, ты и прав. Но потом я сказал себе: Этот газетный шакал хотел бы повесить убийства и исчезновения на одного человека — его гипотетического убийцу бродяг. Но, по-моему, все совсем не так. Тогда я сказал себе: А не знаю ли я кого-нибудь, кто способен на такое? Кто жил бы с таким же сильным стрессом, как и я в последние годы? Да еще и наслушался бряцания цепей старых привидений? И ответил: Да, знаю. Я знаю *тебя,* мальчик.»

— Я никого не убивал.

Образ, возникший перед ним, не был бродягой, бродяг он за людей не считал. Он увидел себя, скорчившегося за поваленным деревом, и вспомнил, как в оптическом прицеле видел крестик на

виске мужчины с всклокоченной бородой, мужчины за рулем пикапа.

— Может и нет, — согласился Дуссандер дружелюбно, — но ты так ловко все уладил в тот вечер. В твоем удивлении было больше злости, потому что из-за слабости старика ты оказался в опасности. Думаю так. Я не прав?

— Нет, вы правы, — сказал Тодд. — Я злился на вас и сейчас злюсь. Я покрывал вас только потому, что у вас кое-что лежит в сейфе, что может испортить мне жизнь.

— Ничего этого нет.

— Что? О чем вы говорите?

— Это был такой же блеф, как и твое «письмо у товарища». Ты никогда не писал никакого письма, не было никакого товарища, и я тоже никогда не писал ни слова о нашей… дружбе, если можно так выразиться. Теперь я открываю карты. Ты спас мне жизнь. Не важно, что ты действовал лишь ради собственного спасения, это не меняет того, как ловко и проворно ты действовал. Я не хочу делать тебе больно, мальчик. Просто говорю тебе. Я посмотрел смерти в лицо, это ужасно, но не так, как я думал. Никакого документа нет. Все так, как ты сказал: мы квиты.

Тодд улыбнулся: проклятие готово было сорваться с его губ. Странные сардонические огоньки поблескивали в его глазах.

— Герр Дуссандер, — вздохнул он, — если бы я мог в это поверить.

Вечером Тодд пришел на склон над шоссе, спустился к поваленному дереву и уселся на нем. Смеркалось. Вечер был теплый. Огни проезжающих машин рисовали в темноте длинные желтые гирлянды.

Никакого документа нет.

Он не понимал, как все безнадежно в этой ситуации, пока они ее не обсудили. Дуссандер предложил ему обыскать весь дом и поискать ключ от сейфа. Если не найдет, значит никакого сейфа нет, нет и документа. Но ключ может быть где-нибудь спрятан, к примеру, в банке из-под пива, и зарыт, или в жестянке из-под сахара за доской, снятой и поставленной потом на место. Он мог даже поехать на автобусе в сторону Сан-Диего и спрятать ключ за одним из камней в декоративной стене вокруг медвежьего заповедника. Да и вообще, предположил Тодд, Дуссандер мог просто выбросить ключ. Почему бы нет? Он ведь ему был нужен всего на один раз. Чтобы положить документ. Если же он умрет, то достанет его из сейфа кто-то другой.

Дуссандер неохотно кивал, но после минутного раздумья

высказал другое предложение. Когда он поправится, и его отпустят домой, то пусть мальчик обзвонит все до единого банки в Санто-Донато. Он скажет банковским служащим, что звонит от имени своего деда. Бедный дедушка, скажет он, за последние два года впал в маразм и куда-то задевал ключ от банковского сейфа. Хуже всего, что он не может вспомнить, в каком именно банке был этот сейф. Нельзя ли проверить, нет ли среди их клиентов Артура Денкера, без промежуточных инициалов.

И когда Тодд получит отрицательный ответ из всех банков города…

Тодд опять покачал головой. Во-первых, такая история почти наверняка вызовет подозрения. Это гарантия. Там скорей всего заподозрят мошенничество в сообщат в полицию. Даже если везде все пройдет гладко, все равно ничего хорошего. Если в банках Санто-Донато, а их более ста, и нет сейфа на имя Денкера, это не означает, что Дуссандер не завел такого сейфа в Сан-Диего, Лос-Анджелесе или любом другом городке.

В конце концов Дуссандер сдался.

— Ты ответил на все вопросы, мальчик. На все, кроме одного. Зачем мне теперь врать? Я придумал этот миф для своей защиты — вот причина. А теперь пытаюсь этот миф развеять. А какую цель в этом видишь ты?

Дуссандер тяжело приподнялся на локте.

— И вообще, зачем мне сейчас этот документ? Если бы я захотел, то испортил бы тебе жизнь и отсюда, с больничной койки. Мог открыться любому врачу, они здесь все евреи, узнают, кто я, или по крайней мере, кем я был. Но зачем мне это делать? Ты — отличный студент. Перед тобой великолепная карьера… если только будешь поосторожнее с этими своими бродягами.

Лицо Тодда окаменело:

— Я же вам сказал…

— Знаю, ты о них не слышал, не касался и волоса на их паршивых и вшивых головах, ладно. Хорошо, отлично. Больше об этом не говорю. Но скажи, мальчик, зачем мне лгать? Ты сказал, что мы квиты. И вот что я тебе скажу: мы будем квиты, если сможем доверять друг другу.

И теперь, сидя за поваленным деревом на склоне, спускающемся к шоссе, глядя на бесконечный поток огней, исчезающих вдали, как очереди медленных трассирующих пуль, Тодд четко понимал, чего он боится.

Дуссандер говорил о доверии. Вот чего он боялся.

Мысль о том, что где-то в глубине души Дуссандера тлеет небольшой, но горячий костер ненависти, тоже пугала его.

Ненависть к Тодду Баудену, молодому, красивому, безупречному. Тодду Баудену, способному ученику, у которого вся жизнь была впереди.

Больше всего пугало то, что Дуссандер никогда не называл его по имени.

Тодд. Что в этом трудного? Даже для старого фрица, у которого почти все зубы вставные.

Тодд. Всего один слог. Так легко сказать. Поставить язык к верхним зубам, потом слегка отодвинуть — и все. Но Дуссандер упорно называет его «мальчик». Или «пацан», И не иначе. Презрительно. *Обезличенно.* Да, именно так, обезличенно. Так же обезличенно, как номер в лагере смерти.

Может быть, Дуссандер и *сказал* правду. Нет, не просто может быть, *наверняка.* Но эти страхи… Страшнее всего, что Дуссандер не называет его по имени.

А все дело в том, что он сам не способен принять окончательное решение. Печально, но факт: даже через четыре года общения с Дуссандером, он так и не понял, что же происходит в голове старика. Наверное, он все-таки был не очень способным учеником.

Машины, машины, машины. Его пальцы зудели от желания взять винтовку. Сколько бы он достал? Трех? Шестерых? Или целую дюжину? И сколько миль до Вавилона?

Он беспокойно ерзал, ему было тяжело.

Только смерть Дуссандера сможет сказать окончательную правду. Где-нибудь в ближайшие пять лет, а может и раньше. От трех до пяти лет… Это звучало, как приговор суда: Тодд Бауден, суд приговаривает вас к трем-пяти годам за связь с известным военным преступником. Трем-пяти годам кошмарных снов и холодного пота.

Рано или поздно Дуссандер просто сдохнет. И тогда начнется ожидание.

Узел в животе при всяком звонке телефона или у двери.

Он не был уверен, что выдержит.

Пальцы его зудели от желания взять винтовку, и Тодд сжал их в кулаки и ударил себя в пах. Потом долго лежал, скорчившись, сжавшись в комок, закусив губы в немом крике. Боль была ужасной, но она полностью вытеснила бесконечный поток мыслей.

Хотя бы на время.

20

Для Мориса Хейзела воскресенье оказалось днем чудес.

Его любимая бейсбольная команда «Атланта брейвс» выиграла два матча в один день у сильной и мощной команды «Цинциннатти Редз» со счетом 7:1 и 8:0. Лидия, самодовольно хваставшаяся тем, что всегда следит за собой, часто повторявшая, что «грамм профилактики стоит килограмма лечения», поскользнулась на мокром полу в кухне у своей подруги Джэнет и растянула ногу. Теперь лежала дома. Травма была совсем несерьезной, и слава Богу (какому Богу?), но это означало, что не сможет прийти к нему по крайней мере дня два, а то и все четыре.

Четыре дня без Лидии. Целых четыре дня не придется выслушивать, как она предупреждала его, что стремянка неустойчива, и что он слишком высоко забрался. Четыре дня без разговоров о том, что она всегда знала, что щенок Роганов принесет им несчастье, потому что все время гоняет их Красавчика. Четыре дня без расспросов, рад ли он, что она позаботилась и отправила документы на страховку. Иначе, если бы этого не сделала, им пришлось бы уйти в богадельню. Целых четыре дня не надо слышать, что многие люди живут совершенно нормальной жизнью — почти, хотя парализованы ниже пояса. В каждом музее и галерее в городе есть, кроме лестниц, пандусы для колясок, и даже специальные автобусы. После этого замечания Лидия обычно бодро улыбалась, а потом заливалась неудержимыми слезами.

Морис погрузился в сладкий послеобеденный сон.

Когда проснулся, было уже полшестого. Сосед спал. Он еще не вспомнил Денкера, но был уверен, что когда-то встречал этого человека. Пару раз он собирался расспросить Денкера о нем самом, но что-то удерживало. Это что-то не давало ему разговаривать ни о чем, кроме банальных тем о погоде, о недавнем землетрясении, о следующем землетрясении и даже о том, что ходят слухи, будто Майрон Флорен собирается появиться в программе Уилка в эти выходные.

Морис говорил себе, что он сам удерживает себя, потому что хочет поиграть в уме, а когда ты в гипсе от плеч до бедер, мыслительные игры очень кстати. Если есть над чем подумать, не надо изнурять себя мыслями о том, как он будет жить, писая через катетер всю оставшуюся жизнь.

Если бы он просто напрямую спросил Денкера, мыслительная игра, наверное, закончилась быстрым и неинтересным решением. Они бы сузили свое прошлое к общему опыту: поездкам на

поезде, на теплоходе, может, даже к лагерю. Денкер вполне мог быть в Патине, ведь там находилось много немецких евреев.

С другой стороны, одна из сестер сказала ему, что Денкера может быть выпишут через неделю или две. Если Морис не вычислит его к тому времени, то мысленно объявит себе проигрыш и спросит напрямик: «Слушай, у меня такое чувство, что я тебя знаю».

Но было что-то еще, как сам признавался. Что-то в ощущениях, неприятное, как обратная волна прибоя, что заставило вспомнить рассказ «Обезьянья лапка», где любое желание исполнялось лишь при злом повороте судьбы. Пожилая чета загадала желание получить сто долларов и получила их в виде компенсации за смерть их единственного сына в ужасной аварии на мельнице. Потом мать пожелала, чтобы сын к ним вернулся. Вскоре они услышали шаги по дорожке, а потом стук в дверь, просто град ударов. Мать, без ума от радости, побежала по лестнице вниз, чтобы впустить их единственное дитя.

А отец, вне себя совсем от другого чувства, поискал в темноте лапку, нащупал ее и пожелал, чтобы сын умер опять. Мать распахнула дверь чуть-чуть позже и не увидела на крыльце никого, только ветер шумел.

Морис ощущал что-то похожее, наверное, *знал,* где они с Денкером познакомились, но это знание, как сын пожилой четы, возвращалось из могилы, не таким, каким его помнила мать, а истерзанным, переломанным и изуродованным после падения в скрежещущую крутящуюся машину. Он чувствовал, что это знание таится в глубине подсознания, всплывая где-то на грани памяти и области рационального понимания и узнавания, требуя впустить. Но другая часть его сознания судорожно искала лапку или ее психологический эквивалент, талисман, чтобы забыть об этом раз и навсегда.

И вот он хмурился и смотрел на Денкера.

Денкер. Денкер. Откуда же я тебя знаю, Денкер? Это было в Патине? И поэтому я не хочу узнавать? Но ведь двое, пережившие общий ужас, не должны бояться друг друга. Если конечно…

Он нахмурился сильнее, чувствовал, что близок к разгадке, но ступни вдруг начали покалывать, мешая сосредоточиться и раздражая. Их покалывало так, как бывает, когда нога долго остается неподвижной, или на ней долго сидеть, а потом вернуться к нормальному положению. Если бы не проклятый гипс, он бы сел и растирал их, пока покалывание не прошло. Он мог бы…

Глаза Мориса расширились. Он долго лежал совершенно неподвижно, позабыв про Лидию, Денкера, про Патин, забыв обо

всем, кроме этого ощущения покалывания в ступнях. Да, в *обеих* ступнях, хотя в правой сильнее. Когда чувствуют такое покалывание, то говорят: *«Моя нога заснула».*

Но конечно же, подразумевают: *«Моя нога просыпается».*

Морис нащупал кнопку вызова и нажимал на нее, пока не пришла сестра.

Сестра попыталась разубедить его — она уже не раз сталкивалась с такими надеждами пациентов. Лечащего врача в клинике не было, а ей не хотелось беспокоить его дома. У доктора Клеммельмана был ужасный характер, и он очень не любил, когда звонили домой. Однако Морис не уступал. Он был человеком мягким, но сейчас готов был поднять шум, даже бурю. Несмелому не достанется. Лидия растянула бедро, а Бог, как известно, любит троицу.

Наконец, сестра привела практиканта, молодого доктора Тимпнелла, прическа которого напоминала газон, подстриженный косилкой с очень тупыми ножами. Доктор Тимпнелл достал из кармана брюк швейцарский армейский нож, отогнул отвертку и провел ею от кончиков пальцев правой ноги до пятки. Ступня не пошевелилась, но пальцы задергались, это было очевидно, ошибки быть не могло.

Тимпнелл с удивленным видом присел на кровать и похлопал Мориса по руке.

— Такое иногда случается, — сказал он (наверное на основе своего практического опыта, который был не больше полугода). — Никакой врач не может предсказать, но так *бывает.* По всей видимости, это произошло и с вами.

Морис кивнул.

— По всей видимости, вы парализованы не полностью, — Тимпнелл все еще похлопывал его по руке. — Но я не могу сказать наверняка, насколько вы поправитесь — полностью или частично. Да и доктор Клеммельман вряд ли вам скажет определенно. Думаю, вам придется пройти не один курс лечения, и далеко не все процедуры будут приятны. Но это гораздо приятнее, чем… ну вы понимаете.

— Да, — у Мориса глаза были полны слез. — Я знаю. Слава Богу.

Он вспомнил, как сказал Лидии, что Бога нет, и почувствовал, что краснеет.

— Я сообщу доктору Кеммельману, — сказал Тимпнелл, еще раз похлопал Мориса по руке и встал.

— Позвоните, пожалуйста, моей жене, — попросил Морис.

Потому что несмотря на причитания и заламывания рук, их связывало *чувство.* Может быть, даже любовь — чувство,

имеющее мало общего с желанием свернуть кому-либо шею.

— Я прослежу, чтобы позвонили. Сестра, вы могли бы?..

— Конечно, доктор, — сказала сестра, и Тимпнелл не смог сдержать улыбки.

— Спасибо, доктор, — сказал Морис, вытирая глаза бумажной салфеткой. — Большое спасибо.

Тимпнелл вышел. В какой-то момент разговора проснулся Денкер. Морис подумал, что наверное, нужно извиниться за шум и слезы, а потом решил не извиняться.

— Я понял, что вас можно поздравить, — сказал мистер Денкер.

— Посмотрим, — сказал Морис, но как и Тимпнелл, он не мог сдержать улыбки. — Поживем — увидим.

— Все может быть, — отозвался Денкер неопределенно и включил телевизор с помощью пульта дистанционного управления.

Было четверть шестого, и они успели посмотреть конец веселого шоу, потом вечерние новости. Безработица растет. Инфляция не так уж высока. Заложники остаются в заложниках. Новый опрос службы Геллапа показал, что если бы выборы проводились сейчас, то четыре кандидата от республиканцев победили бы Джимми Картера. В Атланте произошли расовые столкновения, в результате которых был убит чернокожий ребенок (еще за полгода до этих событий страшный почерк убийства стал проявляться в Атланте). «Ночь насилия» назвал эти события комментатор. Рядом с домом в саду неподалеку от Хайвэй, 46, найден труп неизвестного с ножевыми ранениями и следами насилия.

Лидия позвонила около 6.30. Ей сообщил доктор Кеммельман, и, комментируя рапорт практиканта, сделал очень оптимистический прогноз. Лидия говорила очень весело, обещала прийти завтра, даже если это убьет ее. Морис сказал, что любит ее. Сегодня он любил всех — Лидию, доктора Тимпнелла с газонной стрижкой, мистера Денкера и даже девушку, которая принесла ужин, когда Морис повесил трубку.

На ужин были котлеты, картофельное пюре, морковь с горошком и маленькое блюдечко мороженого на десерт. Девушку, что принесла ужин, звали Фелис, это была застенчивая блондинка лет двадцати. У нее свои хорошие новости: ее приятель получил работу программиста в компании IBM и официально предложил выйти за него замуж.

Мистер Денкер, отличавшийся особой галантностью, которая очень нравилась молодым леди, выразил восторг.

— Как замечательно. Ты должна сесть и рассказать нам об

этом. Расскажи нам все-все. Без утайки.

Фелис, вспыхнув, улыбнулась и сказала, что не может.

— У меня еще остались палаты в этом крыле, а после этого еще третье крыло. А уже 6.30!

— Тогда завтра вечером, непременно. Мы настаиваем, разве не так, мистер Хейзел?

— Да, конечно, — пробормотал Морис, хотя мысли его были очень далеко.

(Ты должна сесть и рассказать нам об этом)

Слова, сказанные именно этим насмешливым тоном. Он слышал их раньше, теперь он не сомневался. Но Денкер ли произносил их? Он?

(Расскажи нам все-все)

Голос городского человека. Образованного. Но в этом голосе была угроза. Сильная рука в бархатной перчатке. Да.

Где?

(Расскажи нам все-все. Без утайки)

(Патин??)

Морис Хейзел посмотрел на свой ужин. Мистер Денкер уже приступил к трапезе. Разговор с Фелис привел его в доброе расположение духа, как бывало всегда после ухода белокурого мальчика.

— Хорошая девушка, — заметил Денкер, прожевывая морковь с горошком.

— Да, вы…

(Ты должна сесть)

— Вы имеете в виду Фелис? Она…

(и рассказать нам об этом все)

— Очень приятная.

(Расскажи нам все-все. Без утайки)

Он снова посмотрел на свой ужин, вдруг вспомнив, как питались в лагере. Сначала готов был убить за кусок мяса, не важно — гнилого или заплесневевшего. Но потом этот безумный голод проходил, и желудок лежал серым камнем где-то внутри живота. Казалось, уже никогда не почувствуешь голода.

Пока не видел еды.

(Расскажи нам все, друг мой. Без утайки. Ты должен сесть и рассказать нам об этом все-все)

На пластиковой больничной тарелке-лежала котлета из говядины. Почему же он вдруг подумал о барашке? Не о баранине, не об отбивных — баранина часто бывает жилистой, а отбивные — жесткими, и человек с гнилыми зубами, как у старика, пожалуй, вряд ли соблазнится бараниной или отбивной. Нет, он подумал об аппетитном жарком из молодого барашка,

сочном и со множеством овощей. Нежные, вкусные овощи. Почему он подумал об этом? Неужели…

Дверь распахнулась. Появилась Лидия. Она улыбалась, хотя под мышкой у нее был алюминиевый костыль, и ее походка напоминала походку Честера, друга Маршалла Диллона.

— Морис! — пропищала она.

Ее ввела соседка, Эмма Роган, и вид у Лидии был робкий и счастливый.

Мистер Денкер, вздрогнув, выронил вилку. Тихо про себя выругался и поднял ее, скривившись.

— Это так ЗАМЕЧАТЕЛЬНО! — Лидию просто распирало от волнения. — Я позвонила Эмме и спросила, не сможем ли мы поехать сегодня, не дожидаясь утра. У меня уже был костыль, и я сказала: «Эм, если я не могу облегчить Морису страдания, то что же я за жена?» Вот так я и сказала, правда, Эмма?

Эмма Роган, вспомнив, видимо, что это ее щенок стал причиной несчастья, охотно закивала.

— Потом я позвонила в больницу, — продолжала Лидия, снимая плащ и усаживаясь явно надолго, — и мне сказали, что посещения уже закончены, но для меня сделают исключение, если только мы побудем недолго, чтобы не беспокоить мистера Денкера. Но мы ведь вам не помешаем, мистер Денкер?

— Нет, дорогая леди, — величественно ответил Денкер.

— Присядь, Эмма, возьми стул мистера Денкера, он ему сейчас не нужен. Морис, прекрати, ты уже весь вымазался мороженым, как ребенок. Не волнуйся, скоро все будет в порядке. Я покормлю тебя. Вот так. Открой ротик, за маму, за папу. Не надо, не надо разговаривать. Мамочке лучше знать. Эмма, посмотри на него, он ведь совсем полысел, думая, что уже никогда не сможет ходить. Это милость Божья. Я говорила ему, что эта стремянка неустойчива. Я сказала: «Морис, слезай с этой стремянки сейчас же, пока…»

Она кормила его мороженым и тараторила без умолку целый час, и когда ушла, сильно хромая и опираясь на костыль, а Эмма поддерживала ее под руку, мысли о жарком из барашка были последними, посетившими Мориса Хейзела в тот вечер. Он был выжат. День получился уж слишком тяжелым. Поэтому Морис сразу заснул.

Он проснулся где-то между тремя и четырьмя часами утра от собственного сдавленного крика.

Теперь он знал точно. Он знал точно где, и точно когда, познакомился с человеком с соседней кровати. Только звали его тогда не Денкер. Нет, совсем иначе.

Он проснулся от самого страшного кошмара за всю свою жизнь. Кто-то дал ему с Лидией обезьянью лапку и они пожелали денег. Потом в комнате оказался мальчик из «Вестерн-Юнион» почему-то в форме Гитлер Югенда. Он вручил Морису телеграмму, в которой говорилось: СОЖАЛЕНИЕМ СООБЩАЕМ ВАШИ ОБЕ ДОЧЕРИ УМЕРЛИ ТЧК КОНЦЕНТРАЦИОННОМ ЛАГЕРЕ ПАТИНЕ ТЧК ОЧЕНЬ СОЖАЛЕЕМ СВЯЗИ ТАКИМ ИСХОДОМ ТЧК ПОДРОБНОСТИ ПИСЬМЕ КОМЕНДАНТА ТЧК РАССКАЖУТ ВСЕ БЕЗ УТАЙКИ ТЧК ПОЖАЛУЙСТА ПРИМИТЕ ЧЕК НА 100 РЕЙСХМАРОК НА ВАШ СЧЕТ БАНКЕ ЗАВТРА ТЧК ПОДПИСЬ КАНЦЛЕР АДОЛЬФ ГИТЛЕР.

Лидия зарыдала, и хотя она никогда не видела дочерей Мориса, она высоко подняла обезьянью лапку и пожелала, чтобы они остались живы. В комнате стало темно. И вдруг снаружи послышался звук неуверенных шаркающих шагов.

Морис встал на четвереньки в темноте, вдруг запахшей дымом, газом и смертью. Он искал лапку. Оставалось последнее желание. Если бы он нашел ее, то пожелал бы, чтобы этот страшный сон кончился. Он не смог бы вынести вида своих дочерей: худых как скелеты, вместо глаз — израненные дыры, и номера, горящие на руках.

Стук в дверь, как автоматная очередь.

В кошмаре он все искал и искал лапку, но безрезультатно. Казалось, она исчезла навеки. И потом, за спиной, распахнулась дверь.

Нет, — думал он. — *Я не стану смотреть. Я закрою глаза. Выколите мне их, но я не буду смотреть.*

Но он посмотрел. Пришлось. Во сне словно огромные руки схватили его голову и повернули.

Но в дверях стояли не дочери. Это был Денкер. Гораздо более молодой Денкер, Денкер в форме СС, в кепке с перекрещенными молниями, надетой слегка набок. Ярко блестели начищенные пуговицы, а в сапоги можно было глядеться, как в зеркало.

В его руках была огромная, медленно кипящая кастрюля с жарким из барашка.

И этот Денкер из сна, улыбаясь мрачно и вкрадчиво, сказал: *«Ты должен сесть и рассказать нам все об этом — как другу, да? Мы слышали, что спрятано золото. Что есть заначки табаку. Что в пище Шнайбеля два дня назад был не яд, а тертое стекло. Не надо обижать нашу разведку и делать вид, что ты ничего не знаешь. Ты знаешь ВСЕ. Поэтому все нам расскажешь. Без утайки.»*

И в темноте, чувствуя сводящий с ума запах жаркого, он рассказал все. Желудок, что лежал серым камнем, превратился в жадного тигра. Слова беспомощно срывались с его губ. Они

выходили наружу, как речи сумасшедшего, ложь и правда — все вперемешку.

Бродин прячет обручальное кольцо матери под мошонкой.

(Ты должен сесть)

Ласло и Герман Дорски говорили о побеге около сторожевой башни номер три.

(и рассказать нам все)

У мужа Рахили Танненбаум есть табак, он отдал его охраннику, который приходит после Цайкерта, его еще называют «Соплеед», потому что он всегда ковыряется в носу, а потом облизывает пальцы. Танненбаум отдал ему часть табака, чтобы он не забрал жемчужные серьги его жены!

(это совсем не имеет смысла, ты смешал две разные истории, по-моему, но все равно, это хорошо, лучше иметь две смешанных, чем одну совсем утаить, нам надо ВСЕ, без утайки)

Один человек называл имя своего умершего сына, чтобы получить двойную порцию!

(скажи нам его имя)

Я не знаю, но могу его показать, если хотите, да, могу его показать, я покажу, покажу, покажу

(расскажи нам все, что ты знаешь)

Я покажу, покажу, покажу, покажу

Потом он потерял сознание и крик сгорел у него в горле.

С невольной дрожью он посмотрел на спящего на соседней кровати. Он понял, что смотрит точно на провалившийся рот. Старый беззубый тигр. Древний и злобный слон-отшельник без одного бивня и с шатающимся другим. Дряхлый монстр.

— О, Боже, — прошептал Морис Хейзел. Его голос был высоким и слабым, слышным только ему одному. Слезы потекли у него по щекам. — О, Боже, человек, убивший мою жену и дочерей, спит со мной в одной комнате, Господи, Боже мой, он со мной в одной комнате.

Слезы побежали быстрее — слезы гнева и ужаса, горячие, обжигающие.

Он с трепетом ждал утра, а утро все не наступало и не наступало.

21

На следующий день, в понедельник, Тодд поднялся в шесть утра и сидел, лениво ковыряя вилкой омлет, который поджарил себе сам, когда спустился его отец в шлепанцах и халате с монограммой.

— Привет, — сказал он Тодду, направляясь к холодильнику за апельсиновым соком.

Тодд улыбнулся в ответ, не отрываясь от книги. Ему повезло, удалось найти работу на лето в группе по озеленению, работающей неподалеку от Сосалито. Далековато, чтобы ездить каждый день, даже если бы кто-то из его родителей захотел одолжить ему на лето машину (никто не захотел), но отец работал на строительстве недалеко оттуда, и мог высаживать Тодда на автобусной остановке по дороге утром, а на обратном пути там же забирать. Тодд был не в восторге от этого, он не любил ездить с отцом с работы домой, и уж совсем ему не нравилось ездить с ним на работу. По утрам он чувствовал себя наиболее беззащитным, в такое время грань между тем, кем он был, и тем, кем он мог быть, казалась наиболее тонкой. Еще хуже, если ночью снились кошмары, но если даже ничего не снилось, все равно было плохо. Однажды утром он вдруг осознал со страхом, почти с ужасом, что всерьез обдумывает, а не залезть ли в кейс к отцу, чтобы сесть за руль «порше» и проехать сквозь толпу людей на автобусной остановке, оставляя позади коридор, словно выкошенный ряд.

— Хочешь еще омлета, Тодд-о?

— Нет, па, спасибо. — Дик Бауден ел глазунью. Как можно вообще есть глазунью? Две минуты в микроволновке в режиме «гриль», а потом оставить еще на чуть-чуть. То, что получается на тарелке, похоже на гигантский мертвый глаз с катарактой, из которого, если ткнуть в него вилкой, потечет оранжевая кровь.

Он отодвинул омлет. Почти не притронувшись.

С улицы послышался звук шлепнувшейся на ступеньку утренней газеты.

Отец закончил готовить, выключил гриль и подошел к столу.

— Ты не голоден сегодня, Тодд-о?

Если ты еще раз так назовешь меня, я воткну этот нож прямо в твой чертов нос, пап-о.

— Не хочется что-то.

Дик с нежностью улыбнулся сыну, на ухе у Тодда осталось маленькое пятнышко крема для бритья.

— Это, наверное, из-за Бетти Траск у тебя пропал аппетит?

— Да, наверное. — Он широко улыбнулся, но улыбка сразу пропала, как только отец вышел из кухни за газетами. — *А ты бы проснулся, если бы я сказал, какая она сучка, пап-о? Как бы тебе понравилось, если бы я сказал: «Между прочим, ты знаешь, что дочь твоего друга Рэя Траска одна из самых отъявленных шлюх в Санто-Донато? Она бы целовала свою собственную письку, если бы дотянулась, пап-о. Она только об этом и думает. Просто вонючая маленькая шлюха. За две банки кока-колы — она твоя на всю ночь. Она трахнется и с собакой, если не подцепит мужика. Ну как, проснулся, пап-о? Получил бодрящий заряд на весь день?»*

Он злобно отмахнулся от этих мыслей, зная, что они все равно придут опять.

Вернулся отец с газетой. Тодд мельком взглянул на заголовок: ПО СВЕДЕНИЯМ ИЗ ГОСДЕПАРТАМЕНТА СУД НАД ШПИОНОМ ПРИБЛИЖАЕТСЯ.

Дик сел за стол.

— А Бетти — прелестная девушка, — продолжал он. — Она напоминает мне твою мать, когда я впервые ее встретил.

— Разве?

— Прелестная… юная… свежая. — Глаза Дика Баудена затуманились. Потом вновь заблестели и с тревогой остановились на лице сына. — Я не говорю, что твоя мать не привлекательная женщина. Но в том возрасте у девушек бывает такой… особый блеск, что ли, так вы говорите? Это ненадолго: вот он есть — и тут же пропал. — Он пожал плечами и развернул газету. — C’est la vie, мой мальчик.

Она — как текущая сучка. Вот откуда этот блеск.

— Ты не обижаешь ее, Тодд-о? — Отец совершал обычный галоп по газетным страницам до спортивных новостей. — Не слишком торопишься?

— Все круто, папа.

(Если он сейчас не прекратит, я… я… что-нибудь сделаю. Закричу. Плесну кофе ему в лицо. Что-нибудь…)

— Рэй считает, что ты — хороший парень, — рассеянно сказал Дик.

Он, наконец, добрался до спорта. За столом наступила блаженная тишина.

Бетти Траск отдалась ему в первую же встречу. Он увез ее на местную улицу любви после кино, потому что знал, что от него этого ждут. Они слюнявили друг друга с полчаса, а потом им было, что рассказать своим друзьям наутро. Она могла теперь с полным правом, закатывая глаза, рассказывать, как противилась, но парни ведь такие зануды, правда, а она ведь не из тех, кто спит с парнями на первом же свидании. Ее подружки согласятся, а

потом дружными рядами пойдут в туалет, чтобы заняться своими делами: пудриться, менять тампоны, да мало ли что.

А ребята… тут надо было проявить себя. Попасть по крайней мере во вторую базу и попытаться попасть в третью. Потому что одно дело успехи у девчонок, и совсем другое — уважение ребят. Тодду было почти все равно, что о нем будут говорить, как о любовнике, лишь бы считали нормальным. А если даже *не пытаться,* то пойдет молва, начнут интересоваться, все ли у него как надо.

Поэтому он приводил девчонок на Джейнс-стрит, целовал их, щупал груди, шел немного дальше, чем позволяли. И все. Если девушка его останавливала, он довольно добродушно уговаривал, а потом провожал домой. И не надо было беспокоиться, что там завтра будут говорить в девчоночьем туалете. Не думать о том, что кто-то будет считать, что Тодд Бауден не вполне нормален. Разве что…

Разве что Бетти Траск была из тех девчонок, что трахаются на первом свидании. На каждом свидании. И между свиданиями тоже.

Первый раз это произошло примерно за месяц до этого проклятого сердечного приступа у нациста, и Тодд решил, что неплохо справился для девственника… Наверное, точно также и в бейсболе считается, что молодой питчер (отбивающий) хорошо провел главную игру сезона, если не получил ни одного предупреждения. Некогда было волноваться и нервничать.

Раньше Тодд всегда чувствовал, когда девушка решала, что на следующем свидании она позволит себя соблазнить. Он знал, что он симпатичный, привлекательный и что, кроме внешности у него большие перспективы. Таких ребят хитрые мамаши считают «хорошей партией». И когда он чувствовал, что вот-вот произойдет физическая капитуляция, начинал встречаться с другой девушкой. И что бы ни говорили о его личности, Тодд допускал, что, если бы начал встречаться с по-настоящему фригидной девушкой, то был бы счастлив встречаться с ней много лет. А может, даже женился на ней.

Но первый раз с Бетти все прошло нормально: в отличие от него она не была девственницей. Она помогла ему ввести член, и ему показалось, что для нее это в порядке вещей. А где-то на половине акта вдруг промурлыкала с одеяла, на котором они лежали: «Как мне нравится трахаться!». Таким тоном девушки обычно говорят о том, как любят клубничное мороженое.

Встречи потом — а их было всего пять (пять с половиной, если считать прошлую) — были не столь удачны. Наоборот, становились все хуже, словно в геометрической прогрессии, хотя

даже сейчас он думал, что Бетти этого не знала (по крайней мере до вчерашнего вечера). На самом деле, совсем наоборот. Бетти, по-видимому, считала, что нашла поршень, о котором давно мечтала.

Тодд не чувствовал при этих встречах ничего, что должен был, по идее, чувствовать. Когда целовал, ее губы напоминали ему теплую сырую печенку. Когда ее язык был у него во рту, его интересовало, какие на нем могут быть инфекции, а иногда казалось, что чувствует запах ее внутренностей — неприятный металлический аромат, как хром. Ее грудь была похожа на пакеты с мясом. И не более.

Он спал с ней еще дважды, до сердечного приступа у Дуссандера. И каждый раз у него были все большие сложности с эрекцией. В обоих случаях ему помогла фантазия: она стояла голая перед всеми его друзьями и плакала. Тодд заставлял ее ходить туда-сюда между ними, а сам кричал: *«Покажи сиськи! Покажи им, где у тебя дырка, дешевая шлюха! Раздвинь ягодицы! Вот так, наклонись и РАЗДВИНЬ их!»*

Успех у Бетти был не случаен. Он оказался хорошим любовником не вопреки своим проблемам, а благодаря им. Эрекция — это еще полдела. И раз уж у тебя стоит, то должен наступить и оргазм. В четвертый раз, кода они этим занимались, ему пришлось молотить минут десять. Бетти Траск думала, что умерла и попала в рай, у нее было три оргазма, и вот-вот должен был наступить четвертый, когда Тодд призвал старую фантазию… а в сущности, первую фантазию. Он вспомнил девушку на столе, привязанную и беспомощную. Громадный искусственный фаллос. Резиновую грушу. И только тогда, отчаянный, потный и почти одуревший от желания кончить и прекратить этот ужас, увидел, что лицо девушки на столе — лицо Бетти. Это вызвало безрадостный резиновый спазм, который, как он предположил, и был оргазмом, по крайней мере технически. Через секунду Бетти зашептала ему на ухо, и ее теплое дыхание отдавало запахом фруктовой жевательной резинки: «Милый, мы здорово протащились. Просто класс».

Тодд чуть не заревел вслух.

Проблема сейчас была вот в чем: пострадает ли его репутация, если он прервет отношения с девушкой, которая явно за ним бегала? Станут ли интересоваться, почему? Отчасти он думал, что нет. Тодд помнил, как однажды шел позади двух старших ребят, когда был еще в восьмом классе, и слышал, как один из них рассказывал, что порвал со своей подружкой. Второй спросил, почему. «Надоела, я уже попользовался», — ответил первый, и оба заржали.

Если кто-нибудь спросит, почему я ее бросил, просто скажу, что уже ею попользовался. Но что, если она расскажет, что делали это всего пять раз? Этого достаточно? А сколько? Кто скажет?.. И что скажут тогда?

Эти мысли вертелись у него в мозгу, не давая покоя, как голодная крыса в замкнутом лабиринте. Смутно он знал, что превращает маленькую проблему в большую, и что сама его неспособность решить эту проблему уже говорит о том, как он ослаб. Но понимание не придавало силы что-то изменить в своем поведении, и он впадал в черную депрессию.

Колледж, Вот выход. Колледж может стать естественной причиной разрыва с Бетти, не вызывая вопросов. Но до сентября еще так далеко.

В пятый раз ему понадобилось минут двадцать, чтобы, наконец, возбудиться как следует, но Бетти заявила, что стоит и подождать. А потом, вчера, он не смог и этого.

— Что с тобой, в конце концов? — спросила она недовольно. После двадцати минут манипуляций с его вялым пенисом она устала и потеряла терпение. — Ты что, бисексуал?

Он чуть не дал ей по морде. Если бы с ним был его винчестер…

— Здорово, какой класс! Сын, поздравляю!

— Чего? — он поднял голову, вынырнув из своих черных мыслей.

— Ты попал в сборную средних школ южной Калифорнии по бейсболу! — Отец улыбался гордо и довольно.

— Разве? — он не сразу смог понять, о чем говорит отец, смысл слов медленно доходил до него. — А? Да, тренер Халлер что-то говорил мне об этом в конце года. Он сказал, что представит меня и Билли Делайонса. Но я не ожидал, что это будет.

— Господи, ты что, не рад?

— Я пытаюсь

(кому это нужно?)

осознать. — С большим трудом ему удалось улыбнуться.. — Можно посмотреть статью?

Отец протянул газету через стол и поднялся.

— Я сейчас разбужу Монику, пусть порадуется, пока мы не уехали.

О, Боже, только не это. Их двоих я не выдержу.

— Не надо. Она же больше не уснет. Лучше давай оставим газету на столе.

— Да, пожалуй, так и сделаем. Ты — чертовски сообразительный парень, Тодд.

Он похлопал сына по спине, и Тодд зажмурился. В то же время пожал плечами — вот хитрец, и отец засмейся. Тодд снова открыл глаза и посмотрел статью.

ЧЕТЫРЕ МАЛЬЧИКА ВОШЛИ В СБОРНУЮ ЮЖНОЙ КАЛИФОРНИИ — гласил заголовок. Ниже были их фотографии в форме команд — принимающий и игрок в поле слева — из «Феарвью Хай», мощный отбивающий из Маунтфорда и Тодд — крайний справа, открыто улыбающийся из-под козырька бейсболки. Он прочел статью и узнал, что Билли Делайонс попал во второй состав. Ну хоть этому можно было порадоваться. Делайонс мог теперь сколько угодно кричать, что он — методист, пусть, если ему от этого легче, но Тодда уже не провести. Он хорошо знал, что такое Билли Делайонс. Может, его стоило познакомить с Бетти Траск, тоже жидовкой. Он долго сомневался, но вчера ночью понял, что это так. Эти Траски только притворялись белыми. Одного взгляда на ее нос и смуглый цвет лица достаточно, а у ее отца это еще виднее. Поэтому у него и не встал. Все просто: его член понял разницу раньше, чем мозг. Кого они обманывают, называя себя Траски?

— Еще раз поздравляю, сын.

Он взглянул и сначала увидел протянутую руку отца, а уж потом его по-дурацки улыбающееся лицо.

Твой друган Траск — жид! — прокричал он мысленно прямо в лицо отцу. — *Вот почему я не смог вчера трахнуть его шлюху-дочь! Вот поэтому!*

И следом за этим откуда-то изнутри возник холодный голос и отсек поднимающуюся волну безумия, словно

(а ну возьми себя в руки)

стальной дверью.

Он пожал руку, простодушно улыбаясь гордому от радости отцу. Со словами: «Ну спасибо, па».

Они оставили на столе открытую на нужной странице газету и записку для Моники, которую сын написал по настоянию Дика, подписался он: «Твой сын — игрок сборной, Тодд».

22

Эд Френч, он же Трусишка, он же Кроссовка Пит и Кедман, а также Калоша, поехал в маленький прелестный приморский городок Сан-Ремо на совещание завучей. Совещание было напрасной тратой времени: единственное, в чем соглашались завучи, это не соглашаться ни с чем, и Френч безумно скучал на докладах и обсуждениях уже в первый день. В середине второго дня он понял, что Сан-Ремо ему тоже надоел. Среди прилагательных «маленький прелестный и приморский» *ключевым,* наверное, было слово *«маленький».* Город изобиловал великолепными видами и мамонтовыми деревьями, но в Сан-Ремо не было ни кинотеатра, ни кегельбана, а в единственный бар Эду идти не хотелось — там грязная автостоянка, забитая, пикапами и грузовиками, на большинстве из них передние бамперы были украшены наклейками с портретом Рейгана. Эд не боялся, что к нему привяжутся, просто не хотелось целый вечер глазеть на мужчин в ковбойских шляпах и слушать Лоретту Линн из музыкального автомата.

Так что на третий день совещания, продолжавшегося невероятные четыре дня, он сидел в номере отеля «Холидей», в номере со сломанным телевизором и ужасным запахом из туалета. Был еще бассейн, но в это лето Эда мучила страшная экзема, и он боялся умереть прямо в купальном костюме. Без одежды он напоминал прокаженного. До начала следующего рабочего совещания (помощь детям с дефектами речи — что означало: нужно что-то сделать для детей, которые заикаются, или у которых заячья губа, или волчья пасть, но прямо так назвать нельзя, нет, Боже сохрани, иначе снизят жалование) он пообедал в единственном в Сан-Ремо ресторане, спать не хотелось, а по единственному телеканалу шел повтор «Очарованных».

Поэтому он стал бесцельно листать телефонный справочник, не задумываясь о том, что делает, просто так, на всякий случай, вдруг встретит кого-нибудь, кто настолько без ума от чего-нибудь маленького, или прелестного, или приморского, что живет в Сан-Ремо. Он подумал, что, наверное, этим занятием кончают все, кому скучно в отелях «Холидей» по всему миру — они начинают искать забытого друга или родственника, чтобы позвонить. Только и всего: «Очарованные», Библия и телефон. А если даже и удается отыскать кого-нибудь и дозвониться, то о чем говорить? «Фрэнк! Ну как ты поживаешь? И между прочим, как оно там — маленькое, прелестное или приморское?» Именно так. Дать

человеку сигару и устроить ему пожар.

Да, пока он валялся на кровати, перелистывая тоненький справочник домашних телефонов и пробегая глазами колонки, ему показалось, что он *знал* кого-то из Сан-Ремо, торговца книгами? Или кого-то из многочисленной родни Сандры? Партнера по покеру из колледжа? Родственника кого-нибудь из учащихся? Это уже поближе, но точнее он никак не мог вспомнить.

Он продолжал вспоминать, и почувствовал, что уже почти задремал, когда его вдруг осенило. Тут же сел, совершенно проснувшись.

Лорд Питер!

Недавно повторяли эти истории об Уимзи по каналу PBS — «Облака-свидетели», «Реклама на убийство», «Девять портных». Они с Сандрой смотрели с удовольствием. Уимзи играл актер Иан Кармайкл, и Сандра была от него без ума. Настолько без ума, что Эд, которому казалось, что Кармайкл совсем ее похож на Лорда Питера, даже злился.

— Сэнди, у него лицо неправильной формы. Да еще эти вставные зубы, Господи!

— Ради Бога, — живо отзывалась Сандра с дивана. — Ты просто ревнуешь. Он такой красивый.

— Папа ревнует, папа ревнует, — пропела маленькая Норма, прыгая по комнате в пижаме с уточками.

— Тебе уже час назад следовало лечь в кровать, — сказал Эд, глядя на нее желтым глазом. — И если замечу, что ты еще *здесь,* ты, пожалуй, об этом пожалеешь.

Маленькая Норма тут же смутилась. Эд снова повернулся к Сандре.

— Я помню, года три или четыре назад, у меня был ученик Тодд Бауден, и его дедушка приходил на беседу. Вот он действительно был похож на Уимзи.

— Уим-зи, Вим-зи, Дим-зи, Джим-зи, — снова запела маленькая Норма, — Уим-зи, Бим-зи, тра-ля-ля.

— Тихо, вы оба! — сказала Сандра. — А по-моему, он просто восхитителен.

Несносная женщина!

Но разве дедушка Тодда не уехал в Сан-Ремо, выйдя на пенсию? Конечно, так. Тодд был одним из лучших учеников девятого класса в тот год. Потом вдруг в один прекрасный момент его отметки резко ухудшились. Старик пришел, рассказал обычную, далеко не новую историю о семейных неурядицах и уговорил Эда оставить все как есть и подождать, может все наладится само собой. Эд считал, что старинное «само собой

обойдется» не сработает, потому что, если сказать подростку «учись, работай или умрешь», он скорее выберет последнее. Но старик был очень настойчив (а может, это просто из-за сходства с Уимзи), и Эд согласился дать Тодду время исправиться до следующей раздачи хвостовок. И черт его побери, он исправился! Эд подумал, что старик влез все-таки в семейные дрязги и кого надо отшлепал. По его виду можно было даже ожидать, что он не только мог бы это сделать, но сделал бы с удовольствием. А потом, буквально два дня назад, он увидел фотографию Тодда в газете — его направили в сборную команду Южной Калифорнии по бейсболу. Это особенно приятно, если учесть, что отбор каждую весну проводится из более чем пятисот претендентов-школьников. Эд подумал, что ни за что бы не вспомнил, как зовут деда, если бы не эта фотография в газете.

Он еще раз перелистал справочник, более целенаправленно, водя пальцем по колонкам мелкого шрифта, и наконец нашел: Бауден Виктор С., Ридж-лейн, 403. Эд набрал номер и услышал длинные гудки с той стороны. И уже решил положить трубку, как вдруг старик ответил: «Алло?»

— Здравствуйте, мистер Бауден. Это Эд Френч. Из средней школы Санто-Донато.

— Слушаю вас. — Вежливо, но не более. Конечно, он не узнал. Ведь столько лет прошло, четыре года, а у стариков так часто бывает: что-то забывается время от времени.

— Вы меня не помните?

— А мы разве встречались? — Бауден насторожился, а Эд улыбнулся. Старик кое-что забывает, но не хочет, чтобы кто-то об этом знал. Ею отец тоже стал таким.

— Я был завучем у вашего внука Тодда четыре года назад. А звоню, чтобы вас поздравить. Ему отлично удалось преодолеть все неудачи, когда он стал старшеклассником, правда? И теперь оправдывает прозвище Всезнайки, он впереди всех. Здорово!

— Тодд! — сказал старик, и его голос сразу подобрел. — Да, он отлично поработал. Второй в своем классе. А девочка, которая его обошла, занималась на бизнес курсах. — Нотка презрения добавилась в голосе. — Мой сын позвонил и предложил привезти меня на выпускной бал Тодда, но я сейчас в коляске. В январе прошлого года я сломал бедро. Мне не хотелось появляться в коляске. Но у меня есть фотография с выпускного вечера, я поставил ее в холле, еще бы! Родители Тодда очень им гордятся. И я, конечно, тоже.

— Да, думаю, мы помогли ему справиться с трудностями, — сказал Эд, улыбаясь. Но улыбка у него была слегка удивленной: почему-то голос у дедушки Тодда был не совсем тот. Правда, они

виделись давно.

— Трудности? Какие трудности?

— Я о том нашем с вами разговоре. Когда у Тодда были проблемы с успеваемостью четыре года назад.

— Я не совсем вас понимаю, — медленно произнес старик. — Я никогда не осмеливался обсуждать дела сына Ричарда. Из-за этого могли быть только неприятности, да еще какие. Вы, должно быть, ошиблись, молодой человек.

— Но…

— Здесь какая-то ошибка. Наверное, вы спутали меня с дедушкой другого ученика.

Эд был поражен. В его жизни редко случались моменты, когда он не знал, что сказать. Если кто и перепутал, то только не *он.*

— Ну хорошо, — неуверенно сказал Бауден. — Спасибо, что позвонили, мистер…

Эд снова обрел дар речи:

— Я здесь, в городе, мистер Бауден. На совещании завучей. Я освобожусь завтра в десять, после последнего доклада. Нельзя ли мне заехать на… — он заглянул в справочник, — на Ридж-лейн ненадолго, чтобы вас увидеть?

— А с какой, собственно, целью?

— Просто из любопытства. Дело, конечно, прошлое, уже много воды утекло, но четыре года назад отметки Тодда покатились вниз просто стремительно. Он стал так плохо заниматься, что я послал ему домой вместе с табелем письмо с просьбой прийти на беседу вместе с одним из родителей, а еще лучше с обоими. Но пришел его дедушка, очень приятный мужчина, назвавшийся Виктором Бауденом.

— Но я вам уже сказал…

— Да, я знаю. Все равно, я ведь говорил с *кем-то,* выдававшим себя за дедушку Тодда. Сейчас это уже не важно, но лучше один раз увидеть. Я не отниму у вас много времени, так, несколько минут. Да я и не *могу* больше, ибо должен быть дома к ужину.

— Время — это все, что у меня есть, — суховато ответил Бауден. — Я буду дома целый день, так что заезжайте, пожалуйста.

Эд поблагодарил и положил трубку. Он сидел на кровати, задумчиво глядя на телефон. Потом встал, достал пачку сигарет «Филиз Черутс» из кармана спортивной куртки, висевшей на спинке стула. Надо было идти) начинался семинар, и если опоздает, отметят его отсутствие. Он прикурил сигарету от фирменной спички отеля «Холидей», кинул ее в фирменную

пепельницу. Потом подошел к окну и долго смотрел во двор.

Это уже не важно, сказал он Баудену, но для него-то это важно. Он не привык, чтобы дети обманывали его вот так, и был очень расстроен. Технически, предположил он, еще могло быть объяснение старческим склерозом или маразмом, но по голосу Виктора Баудена нельзя сказать, что он впал в детство. И все-таки, черт побери, его голос звучал *по-другому.*

Неужели Тодд Бауден его надул?

Он решил, что это могло быть. По крайней мере — теоретически, ведь Тодд такой умный мальчик. И мог провести *кого угодно,* не только Эда Френча. Мог подделать подписи матери и отца на хвостовках, полученных за неуспеваемость. Многие дети, когда получают хвостовки, открывают в себе недюжинные способности к фальсификациям. Тодд мог с помощью пятновыводителя подделать оценки в табелях за вторую и третью четверть для родителей, а потом исправить обратно, чтобы классный руководитель ничего не заметил, даже если бы посмотрел табель. Двукратное применение пятновыводителя заметить можно, но при более пристальном изучении, и не в классе, когда учитель собирает их назад. Хорошо, если удается собрать все до звонка, не говоря уже о том, чтобы рассматривать по одному.

А что касается окончательных оценок Тодда, то они снизились не более, чем на три десятых в среднем — каких-то две четверти с плохими оценками из двенадцати. Остальные оценки были как-то несимметрично выше, что сглаживало разницу. А многие ли родители смотрят в журнал успеваемости, который ведется департаментом Калифорнии по образованию?! Особенно родители таких способных учеников, как Тодд? Бауден? На обычно гладком лбу Эда Френча появились морщинки.

Сейчас уже не важно. Это была истинная правда. В старших классах Тодд занимался образцово: никаким обманом нельзя заработать в среднем 94 балла. Мальчик будет учиться в Беркли, так говорилось в статье, и его родители, должно быть, очень этим гордятся. Конечно, они этого заслуживают. Эду все чаще казалось, что низменные стороны американской жизни — грязные притоны, легкая нажива, доступные наркотики, бездумный секс, мораль — становятся все хуже с каждым днем. И когда ребенок, несмотря ни на что вырастает яркой личностью, родители могут с полным правом им гордиться.

Сейчас это уже не важно… но кто все-таки был этим подставным дедушкой?

Это не давало покоя. Кто? Неужели Тодд пошел в местное агентство Гильдии уличных актеров и подал заявку? МОЛОДОМУ

ЧЕЛОВЕКУ С ПРОБЛЕМАМИ В УЧЕБЕ НУЖЕН ПОЖИЛОЙ МУЖЧИНА В ВОЗРАСТЕ 78–80 ЛЕТ, ЧТОБЫ ИЗОБРАЗИТЬ ДЕДУШКУ ОПЛАТА ПО ТАРИФУ ПРОФСОЮЗА. У-гу. Абсурд. Но кто этот взрослый, который хранил безумную тайну? И по какой причине?

Эд Френч, он же Трусишка, он же Калоша Эд, просто не знал. А поскольку это было уже не важно, то потушил сигарету и поехал на семинар. Но мысли были далеко.

На следующий день он поехал на Ридж-лейн и долго беседовал с Виктором Бауденом, Они говорили о винограде, о розничных ценах на продукты и о том, как большие магазины вытесняют мелких торговцев. Обсудили ситуацию с заложниками в Иране (в то лето *все* обсуждали эти темы), политический климат в Южной Калифорнии. Мистер Бауден предложил Эду бокал вина. Эд с радостью согласился. Несмотря на то, что было еще только 10.40 утра, ему ужасно хотелось выпить. Виктор Бауден был так же похож на Питера Уимзи, как автомат на дубинку. У Виктора Баудена совсем не было того акцента, который запомнился Эду, к тому же он был полный, а человек, выдававший себя за Дедушку Тодда, был худой, как палка.

Перед отъездом Эд сказал ему:

— Я буду вам очень признателен, если вы ничего не скажете мистеру и миссис Бауден. Возможно, есть разумные объяснения всему… и даже если их нет, все равно, это дело прошлое.

— Иногда, — сказал Бауден, поднимая бокал и любуясь глубоким цветом, — прошлое не отпускает. Разве не поэтому люди учат историю?

Эд неловко улыбнулся и промолчал.

— Но не беспокойтесь. Я никогда не лезу в дела Ричарда. А Тодд — хороший мальчик. Закончил с отличием, вторым в классе… должен быть хорошим мальчиком. Разве не так?

— Конечно так, — горячо сказал Эд Френч, а потом попросил еще бокал вина.

23

Дуссандер спал неспокойно, ему опять снились кошмары.

Они ломали забор. Тысячи, миллионы. Они выбегали из джунглей и бросались на забор с колючей проволокой под током, и вот он стал явно клониться внутрь. Некоторые стойки согнулись и упали прямо на утоптанный плац, пуская синие искры. А конца им все не было. Фюрер был безумцем, Раммель был прав. Если бы подумал, если бы он хоть когда-нибудь подумал — это все можно было изменить. А теперь их миллиарды, они заполнили всю Вселенную, и все пришли за ним.

— Старик, проснитесь, старик! Дуссандер. Проснитесь.

Сначала он подумал, что это голос из кошмара.

Говорили по-немецки, значит, это все еще кошмар. Именно поэтому голос был такой пугающий. Если он проснется, все кончится, поэтому он начал всплывать…

Рядом с его кроватью верхом на стуле сидел мужчина, настоящий. Это он говорил: «Проснитесь, старик». Он был молод, не больше тридцати. За очками в тонкой металлической оправе — изучающий взгляд темных глаз. Длинные темные волосы доходили до воротника, и сначала Дуссандер принял его за переодевшегося мальчика. Но это был не мальчик, на нем был старомодный синий костюм, слишком теплый для калифорнийского климата. На лацкане пиджака небольшой серебряный значок. Серебро используют, чтобы убивать вампиров и оборотней. Значок был в форме еврейской звезды.

— Это вы мне говорите?

— А кому же еще? Вашего соседа нет.

— Хейзела? Да, он выписался вчера.

— Вы уже проснулись?

— Да, но вы, кажется, меня с кем-то путаете. Меня зовут Артур Денкер. Вы, наверное, ошиблись палатой.

— Меня зовут Вайскопф. А вас — Курт Дуссандер.

Дуссандер хотел облизать губы — и не смог.

Может быть, это все еще кошмарный сон, не более, чем новая фаза. *Принесите мне бродягу и тесак, мистер еврейская-звезда-на-лацкане, и я развею вас, как дым.*

— Я не знаю никакого Дуссандера, — сказал он молодому человеку. — Я вас не понимаю. Может, позвать сестру?

— Вы все понимаете, — сказал Вайскопф. Он уселся поудобнее и убрал прядь волос со лба. Будничность его жеста развеяла остатки надежд Дуссандера.

— Хейзел, — сказал Вайскопф, указывая на пустую кровать.

— Хейзел, Дуссандер, Вайскопф, — мне эти имена ничего не говорят.

— Хейзел упал с лестницы, когда прибивал водосточный желоб к стене дома, — сказал Вайскопф. — И сломал позвоночник. Возможно, он уже никогда не сможет ходить. К сожалению. Но это не единственная трагедия в его жизни. Он был узником лагеря смерти в Патине, где погибли его жена и две дочери. В Патине, которым командовали вы.

— Думаю, у вас с головой не все в порядке, — сказал Дуссандер. — Мое имя Артур Денкер. Я приехал в эту страну после смерти жены. А до этого…

— Избавьте меня от вашей сказочки, — сказал Вайскопф, поднимая руку. Он не забыл вашего лица. Вот этою.

Вайскопф жестом фокусника сунул в лицо Дуссандеру фотографию. Это был один из тех снимков, которые давным-давно ему показывал мальчик. Молодой Дуссандер в лихо сдвинутой на бок кепке СС с тросточкой под мышкой.

Дуссандер заговорил, медленно, по-английски, тщательно произнося слова;

— Во время войны я работал механиком на заводе. В мои обязанности входило следить за производством рулевых колонок и систем питания для броневиков и грузовиков. Позже помогал строить танки «Тигр». Моя резервная часть была мобилизована во время битвы за Берлин, и я сражался достойно, хотя и не долго, После войны я работал в «Меншлер Моторс Уоркс», пока…

— Пока не пришлось бежать в Южную Америку. С золотом, переплавленным из зубов евреев, серебром, переплавленным из украшений евреев, и секретным счетом в швейцарском банке. Вы знаете, мистер Хейзел вернулся домой счастливым. Нет, у него был ужасный момент, когда проснулся в темноте и понял, кто его сосед. Но сейчас ему лучше. Он чувствует, что Господь сниспослал на него благодать — он сломал себе позвоночник, чтобы стать инструментом при поимке одного из самых страшных извергов человечества в истории.

Дуссандер говорил медленно, тщательно произнося слова;

— Во время войны я работал механиком на заводе…

— Перестаньте. Ваши документы не выдерживают серьезной критики. Я это знаю, и вы тоже. Вас раскрыли.

— В мои обязанности входило следить за производством…

— Трупов! Так или иначе, вы будете в Тель-Авиве еще до Рождества. На этот раз власти, сотрудничают с нами, Дуссандер. Американцы хотят доставить нам удовольствие, и вы как раз то, что нам его доставит…

— …за производством рулевых колонок и систем питания

для броневиков и грузовиков. Позже я помогал строить танки «Тигр».

— Ну, не будьте занудой, перестаньте.

— Моя резервная часть была мобилизована…

— Ну ладно, я еще вернусь. И очень скоро.

Вайскопф встал и вышел из палаты. Его тень качнулась на стене и тоже пропала. Дуссандер закрыл глаза. Интересно, правду ли говорил Вайскопф о сотрудничестве с американцами. Три года назад, когда в Америке был кризис с нефтью, он бы в это поверил. Но глупые иранские военные затруднили поддержку Израиля американцами. Так что, возможно. Но какая разница? Так или иначе, законно или незаконно, но Вайскопф и компания его возьмут. Когда речь заходит о нацистах, они становятся непримиримыми, а когда упоминаются концлагеря, просто сходят с ума.

Он весь дрожал. Но теперь он знал, что нужно делать.

24

Личные дела и документы учеников, прошедших через среднюю школу Санто-Донато, хранились в старом, запутанном складе. Склад был недалеко от заброшенной станции. Мрачный и гулкий, с запахами мастики, краски и моющих средств, он также служил хранилищем хозяйственных принадлежностей. Эд Френч приехал сюда вместе с Нормой после обеда, около четырех часов. Сторож, впустивший их, сказал, что нужные Эду документы хранятся на четвертом этаже, и проводил их в низкое звенящее помещение, которое повергло Норму в нехарактерное для нее молчание.

Она пришла в себя на четвертом этаже — скакала и прыгала среди стеллажей, уставленных коробками и папками, пока Эд искал и, в конце концов, нашел Папки с табелями за 1975 год.

Он снял вторую коробку и стал перебирать: БАРК, БАСТВИК, БАСУЭЛЛ, БАУДЕН. Он вытащил табель, нетерпеливо потряс головой и подошел с ним поближе к высоким запыленным окнам.

— Не бегай здесь, дорогая, — сказал через плечо дочери.

— Почему, папа?

— Потому что тебя могут поймать тролли, — ответил он и поднес табель к свету.

Так и есть. Этот табель, пролежавший уже четыре года в папках, был тщательно, почти профессионально подделан.

— Боже мой, — пробормотал Эд Френч.

— Тролли, тролли, тролли! — весело напевала Норма, танцуя и кружась по проходам.

25

Дуссандер медленно шел по коридору больницы. Он все еще неуверенно стоял на ногах. Поверх белой больничной пижамы надел синий халат. Был вечер, где-то после восьми, и у сестер была пересменка.

В ближайшие полчаса будет неразбериха — он заметил, что при пересменке всегда бывает суматоха. В это время сестры сверяли записи, сплетничали и пили кофе на посту, который был как раз за углом, около питьевого фонтанчика.

То, что он искал, располагалось напротив фонтанчика. Его никто не заметил в большом коридоре, который в этот час напоминал длинный гулкий вокзал за минуту до отправления поезда. Ходячие с травмами медленно прогуливались туда-сюда, одни в таких же халатах, как и он, другие — придерживая полы пижам. Обрывки музыки из разных приемников доносились из многочисленных палат. Входили и выходили посетители. В одной палате кто-то смеялся, а мужчина в конце коридора, похоже, плакал. Прошел врач, уткнувшийся в книгу в мягкой обложке.

Дуссандер подошел к фонтанчику, сделал глоток, вытер рот ладонью и посмотрел на запертую дверь напротив. Эта дверь была всегда закрыта… по крайней мере теоретически. Но он заметил, что иногда она не заперта, и там никого нет. Чаще всего это случалось во время пересменок, когда сестры собирались за углом. Дуссандер все это заметил своим натренированным зорким взглядом человека, скрывающегося уже долгие годы. Жаль, что нельзя понаблюдать за этой дверью еще хотя бы недельку, нет ли опасных мест в его плане — ведь другого случая уже не будет. Но ждать нельзя. Его статус оборотня может еще и продержится два-три дня, а может, все произойдет завтра. Он не смел ждать. Когда все выплывет наружу, за ним будут следить постоянно.

Он сделал еще один глоток, Опять вытер рот и посмотрел по сторонам. Потом спокойно, не торопясь, прошел через холл, повернул ручку и вошел в кладовку для лекарств. Если дежурная случайно окажется за столом, то скажет, что он — всего лишь близорукий мистер Денкер. Извините, дорогая леди. Я подумал, что это туалет. Очень глупо.

Но комната была пуста.

Глазами пробежал он по верхней полке слева. Ничего, только капли для глаз и ушей. Вторая полка: слабительные и свечки. На третьей полке он увидел снотворное: «Секонал» и «Веронал». Он сунул флакон «Секонала» в карман халата. Потом вернулся к

двери и вышел, не оборачиваясь, с недоуменной улыбкой на лице: это явно не туалет. А, вон он, рядом с фонтанчиком. Как глупо.

Дуссандер подошел к двери с большой буквой «М», зашел внутрь и вымыл руки. Потом по коридору вернулся в свою наполовину личную палату, ставшую теперь совсем персональной после выписки пресловутого мистера Хейзела. На тумбочке между кроватями стоял стакан и пластиковый кувшин с водой. Жаль, что нет виски. Очень жаль. Но таблетки все равно попадут точно внутрь, независимо от того, чем их запивать.

— Морис Хейзел, *салют*, — сказал он со слабой усмешкой, наливая воды в стакан. После стольких лет пребывания в тени, стольких лиц, казавшихся знакомыми в парках, ресторанах и на автобусных остановках, его узнал и выдал человек, с которым никогда не был знаком. Это почти смешно. Он едва обменялся парой взглядов с этим Хейзелом, послал же Бог этого Хейзела вместе с его сломанным хребтом. Но если подумать, это не *почти* смешно, это *очень* смешно.

Он положил в рот три таблетки, запил водой, потом взял еще три. В палате напротив два старика играли на тумбочке в карты и ругались. У одного из них грыжа. Что у второго, Дуссандер не знал. Камни в желчном пузыре, а может, в почках. Или опухоль. Или аденома. Ужасы старости. Как их много…

Налил еще воды, но таблеток больше глотать не стал. Приняв слишком много таблеток можно все испортить. Его может вырвать, и тогда все остальное тоже уйдет из желудка, сохранив ему жизнь для всяческих унижений, изобретенных американцами и израильтянами. Дуссандер не хотел расставаться с жизнью, как домохозяйка в истерике. Это глупо. Когда почувствует сонливость, он примет еще. Тогда все будет, как надо.

До него донесся старческий дребезжащий голос одного из игроков в карты: «Два раза четверка в десять очков, потом в пятнадцать плюс эти — восемнадцать, и валет — девятнадцать. Как тебе такой *расклад!*»

— Не волнуйся, — доверительно ответил старик с грыжей. — Я скидываю сразу. Играю в ящик.

Сыграть в ящик, — подумал Дуссандер, засыпая. Какая точная фраза, американцы вообще любят поговорки. Среди них есть отличные. «Гроша ломаного не стоит», «Деньги не пахнут», да мало ли еще.

Они думают, что у них в руках, а он вот возьмет и сыграет в ящик прямо у всех на глазах.

Больше всего ему вдруг стало досадно, что не может оставить мальчику записку. Жаль, нельзя предупредить, чтобы был осторожен. Ведь он слушал старика, а тот все-таки оступился.

Жаль, что не может рассказать мальчику, что в конце концов он, Дуссандер, стал его уважать, хотя никогда и не любил, И что разговаривать с ним было лучше, чем прислушиваться к потоку собственных мыслей. Но любая записка, даже самая невинная, может навлечь на мальчика подозрения, а Дуссандеру этого не хотелось. Ему и так не сладко придется месяца два, в ожидании, что придет какой-нибудь агент и начнет задавать вопросы о некоем документе, обнаруженном в личном сейфе, арендованном Куртом Дуссандером, он же Артур Денкер… Но со временем мальчик поймет, что он не лгал, никакого сейфа нет. И не нужно сейчас впутывать мальчика, пока он сам сможет продержаться.

Дуссандер протянул руку, которая показалась длиною в километр, к стакану с водой и принял еще три таблетки. Поставил стакан на место, закрыл глаза и устроился поудобнее на мягкой-мягкой подушке. Он никогда в жизни так не хотел спать, и сон его будет долгим. И спокойным.

Если только не будет кошмаров.

Эта мысль его потрясла. *Кошмары? Господи, только не это. Только не этот кошмар. Только не навсегда, ведь уже нельзя будет проснуться, никогда… Нет…*

С внезапным ужасом он попытался проснуться. Казалось, что из кровати вырастают руки и тянутся, чтобы схватить его, — худые руки с голодными пальцами.

(НЕТ!!!)

Его мысли оборвались на крутой спирали, уводящей в темноту, и он покатился по спирали, как по смазанным рельсам, все ниже и ниже, туда, где одни только сны.

Его передозировку обнаружили только в 1.35 ночи, а через пятнадцать минут врачи констатировали смерть. Дежурила молоденькая медсестра, которой нравилась слегка ироничная галантность пожилого мистера Денкера. И искренне расплакалась. Она была католичкой и никак не могла понять, почему такой добрый старик, который уже поправлялся, мог сделать такое и обречь свою бессмертную душу на адские муки.

26

По субботам в доме Бауденов никто не вставал раньше девяти, В то утро в 9.30 Тодд и его отец читали за столом, а Моника, любившая поспать подольше, все еще наполовину сонная, молча подавала им омлет, сок и кофе.

Тодд читал фантастику, а Дик с головой ушел в «Архитектурный Дайджест», когда принесли газету.

— Хочешь, я схожу за ней, па?

— Я сам.

Дик принес газету, отхлебнул кофе и тотчас же, едва взглянув на первую страницу, поперхнулся.

— Дик, что с тобой? — спросила Моника, подходя к нему.

Дик откашливался, кофе пошел не в то горло, и пока Тодд с удивлением смотрел на него поверх книжки, Моника хлопала мужа по спине. На третьем ударе ее взгляд скользнул по газетному заголовку, и рука повисла в воздухе, как у статуи. Глаза выкатились и буквально чуть не выпали на стол.

— Господи, Боже мой! — только и смог произнести Дик Бауден сдавленным голосом.

— Что это?.. Даже не верится… — начала Моника и замолкла. Она посмотрела на Тодда. — Дорогой…

Отец тоже смотрел на него.

Встревоженный, Тодд обошел вокруг стола:

— В чем дело?

— Мистер Денкер, — сказал Дик… и не смог продолжать.

Тодд прочел заголовок и понял все. Крупными черными буквами было набрано: «НАЦИСТСКИЙ ПРЕСТУПНИК ПОКОНЧИЛ С СОБОЙ В БОЛЬНИЦЕ САНТО-ДОНАТО». А ниже — две фотографии. Обе Тодд уже видел. На одной Артур Денкер был на шесть лет моложе и стройнее. Тодд знал, что снимок сделал уличный фотограф-хиппи, и старик купил его, чтобы случайно не попал в чужие руки. На другом снимке был офицер СС по имени Курт Дуссандер, кокетливо, а кто-то скажет надменно, держащий трость под мышкой, в кепке, сдвинутой на бок.

Если поместили снимок, сделанный хиппи, значит, они побывали в доме Дуссандера.

Тодд быстро просмотрел статью, голова у него шла кругом. Ничего о бродягах. Но трупы все равно найдут, а когда найдут, это станет известно всем. Перед его глазами замелькали заголовки: «КОМЕНДАНТ ПАТИНА НЕ ПОТЕРЯЛ ХВАТКИ». «УЖАС В ПОДВАЛЕ НАЦИСТА». «ОН НИКОГДА НЕ ПРЕКРАЩАЛ УБИВАТЬ».

Ноги у Тодда Баудена подкосились.

Словно издалека он слышал, как резко закричала мать:

Держи его, Дик! Он падает!

Слово

(падаетпадаетпадает)

повторялось в мозгу снова и снова. Он смутно чувствовал, как отец подхватил его, а потом, на какое-то время, Тодд отключился, не видя и не слыша ничего.

27

Эд Френч ел кекс, когда развернул газету. Он закашлялся, издав странный, сдавленный звук, и выплюнул непрожеванные кусочки на стол.

— Эдди! — с тревогой воскликнула Сандра Френч, — Что с тобой?

— Папа подавился, папа подавился, — объявила маленькая Норма с нервным восторгом, а потом с азартом помогла матери шлепать Эда по спине. Эд почти не чувствовал ударов. Он все еще сидел, уставившись в газету.

— Что случилось, Эдди? — опять спросила Сандра.

— Это он! Он! — прокричал Эд и так сильно ткнул пальцем в газету, что продырявил несколько листов. — Этот человек! Лорд Питер!

— Ради Бога, объясни толком!

— Это дедушка Тодда Баудена!

— Кто? Этот военный преступник? Эдди, ты с ума сошел!

— Но это он, — Эд почти рыдал, — Боже всемогущий, это он!

Сандра Френч долго внимательно рассматривала фотографию.

— Он совсем не похож на Питера Уимзи, — наконец сказала она.

28

Тодд, белый, как мел, сидел на диване между матерью и отцом.

Напротив них расположился седеющий вежливый полицейский детектив по имени Риклер. В полицию предложил позвонить отец Тодда, но Тодд позвонил туда сам, и его голос срывался и переходил то на бас, то на фальцет, как когда-то, когда ему было четырнадцать.

Он закончил исповедь. Рассказ получился не очень длинным. Он говорил механически и бесстрастно, что очень напугало Монику. Ему было уже почти восемнадцать, это так, но во многом он оставался мальчишкой. А такое может испугать его на всю жизнь.

— Я читал ему… я не знаю. «Тома Джонса», «Мельницу у ручья». Она оказалась ужасно скучной. По-моему, мы ее так и не дочитали. Какие-то рассказы Готорна — я помню, ему особенно понравились «Каменное лицо» и «Молодой хозяин Браун». Начинали читать «Записки Пиквикского клуба», но ему не понравилось. Он сказал, что у Диккенса получается смешно, только если он пишет серьезно, а Пиквик — так, шалость. Так и сказал — «шалость». Мы подружились, когда читали «Тома Джонса», нам он обоим нравился.

— Но это было четыре года назад, — уточнил Риклер.

— Да, я иногда заходил к нему и после, но в старших классах я ездил через весь город… а еще ребята ведь любят погонять мяч… потом еще уроки, знаете, как бывает.

— У тебя стало меньше времени.

— Да, меньше, вы правы. Приходилось больше заниматься, зарабатывать баллы, чтобы поступить в колледж.

— Тодд — способный ученик, — заметила Моника почти машинально. — Он закончил школу вторым по успеваемости. Мы были так рады.

— Конечно, я думаю, — сказал Риклер с теплой улыбкой. — Я знаю двух ребят в Фэарвью, ниже в долине, так они способны только к спортивным занятиям. — Он снова обратился к Тодду. — Ты больше не читал ему после того, как пошел в старшие классы?

— Нет, иногда читал ему газету. Я приходил, и он просил меня прочесть заголовки. В свое время он интересовался Уотергейтом. И он всегда хотел знать курсы акций, от этих колонок он просто балдел, мама, извини.

Она потрепала его по руке.

— Я не знаю, почему его так интересовали акции, но это так.

— У него было немного акций, — сказал Риклер, — За счет них он и жил. А знаете, какое невероятное совпадение? Человек, который вложил за него деньги в акции, был осужден за убийство в конце сороковых. У Дуссандера в доме нашли пять комплектов документов на разные имена. Хитрый был человек.

— Я думаю, он хранил акции где-нибудь в банке, в сейфе, — заметил Тодд.

— Простите, что? — Риклер поднял брови.

— Его акции, — повторил Тодд. Его отец, который тоже глядел удивленно, теперь кивнул Риклеру.

— Его акции были в ящике под кроватью, — пояснил Риклер, — вместе с фотографией, где он — Денкер. А что, сынок, у него был сейф в банке? Он говорил об этом?

Тодд задумался, потом покачал головой:

— Я просто подумал, что там все держат свои акции. Я не знаю. Эти все… все эти события просто… понимаете… выбили меня из колеи. — Он покачал головой в изумлении, которое было совершенно естественным. Он и правда был *поражен.* Хотя понемногу его инстинкт самосохранения просыпался. Он почувствовал нарастающую настороженность и первые признаки уверенности. Если бы у Дуссандера был сейф в банке для хранения своего подстраховочного документа, то чего же он не положил туда свои акции? И фотографию?

— Мы сейчас работаем над этим с израильтянами, — сказал Риклер, — но неофициально. И я бы попросил вас не упоминать об этом, если вы решите встречаться с прессой. Они — профессионалы. Там есть человек по имени Вайскопф, он бы хотел завтра поговорить с тобой, Тодд. Если ты и твои родители не возражают.

— Думаю, не возражают, — ответил Тодд, но почувствовал холодок первобытного страха от мысли, что его будут разнюхивать те же ищейки, что преследовали Дуссандера треть его жизни. Дуссандер относился к ним с уважением, и об этом стоило помнить.

— Мистер и миссис Бауден. Вы не возражаете, если Тодд побеседует с мистером Вайскопфом?

— Если Тодд не возражает, — сказал Дик Бауден, — Я бы тоже хотел присутствовать. Я читал об этих членах Моссада…

— Вайскопф не из Моссада. Он — тот, кого израильтяне называют сотрудником спецслужбы. На самом деле он преподает идиш и — не поверите — английскую литературу. А еще он написал две книги. — Риклер улыбнулся.

Дик поднял руку:

— Кто бы он ни был, я не собираюсь позволять ему травить

Тодда. Я читал, что эти парни иногда *слишком* профессионально работают. Может, он и не такой. Но я хочу, чтобы и вы, и этот Вайскопф запомнили, что Тодд хотел помочь старику. Тодд ведь не знал, что старик не тот, за кого себя выдавал…

— Не надо, пап, — сказал Тодд со скромной улыбкой.

— Я просто хочу, чтобы вы помогли нам, — сказал Риклер. — Я понимаю и одобряю ваше беспокойство, мистер Бауден. Но вот увидите, этот Вайскопф приятный неназойливый человек. У меня вопросов больше нет, но я хочу немного рассказать о том, что больше всего интересует израильтян. Тодд ведь был у Дуссандера дома, когда у старика случился сердечный приступ и он попал в больницу…

— Он попросил меня прийти, чтобы прочесть ему письмо, — сказал Тодд.

— Да, мы знаем, — Риклер наклонился вперед, уперев локти в колени, галстук свесился на пол, как отвес, — Израильтян очень интересует это письмо. Дуссандер был крупной рыбой, но он — не последний, так говорит Сэм Вайскопф, и я с ним согласен. Они считают, что Дуссандер мог знать и о других. Многие из них еще живы, и живут себе где-нибудь в Южной Америке, но не исключено, что они могут быть и в других странах… включая Соединенные Штаты. Вы знаете, они схватили человека, бывшего унтеркоммандантe из Бухенвальда, в вестибюле отеля в Тель-Авиве.

— Неужели? — удивилась Моника.

— Да, — кивнул Риклер. — Два года назад. Так вот, дело в том, что израильтяне считают, что письмо, которое Тодд читал Дуссандеру, могло быть от кого-то из таких же рыбок. Может, они и правы, а может, и нет. В любом случае они хотят знать точно.

Тодд, который возвращался в дом Дуссандера и сжег письмо, сказал:

— Лейтенант Риклер, я буду рад помочь вам или этому Вайскопфу, но письмо было по-немецки. Его было очень тяжело читать. Я чувствовал себя идиотом. Мистер Денкер… Дуссандер… волновался все больше и просил меня читать по буквам слова, которые он не мог понять из-за моего, сами понимаете, какого произношения. Но мне кажется, он все понимал. Помню, он засмеялся и сказал: «Да, да, вот так и надо». А потом сказал что-то по-немецки. Это было за пару минут до сердечного приступа. Что-то вроде «Думкоп». По-моему, это по-немецки «дурак».

Он неуверенно смотрел на Риклера, радуясь в душе этой лжи. Риклер кивал:

— Да, мы понимаем, что письмо было по-немецки. Доктор в приемном покое слышал твой рассказ и подтвердил его. Но *само*

письмо, Тодд… Ты помнишь, что случилось с ним?

Вот оно, — подумал Тодд, — *Теперь пропал.*

— По-моему, оно лежало на столе, — сказал Дик. — Я брал его взглянуть. На почтовой бумаге, но я не помню, на каком оно было языке.

— Тогда оно должно быть там, — сказал Риклер. — Вот этого мы не можем понять.

— Его нет? — спросил Дик. — То есть его там не было?

— Не было и нет.

— Может, кто-нибудь взломал дверь? — предположила Моника.

— Взламывать не было необходимости, — сказал Риклер. — В суматохе, когда его увозили, дверь забыли запереть, Сам Дуссандер, по-видимому, и не думал о том, чтобы попросить кого-нибудь запереть дом, Когда он умер, его ключ так и оставался у него в брюках. Дом не был заперт со времени приезда скорой помощи и до тех пор, пока мы не опечатали его сегодня ночью в 2.30.

— Да, непонятно.

— Нет, — сказал Тодд. — Я вижу, к чему клонит лейтенант Риклер. — Он и вправду хорошо это видел. Только слепой не увидел бы, — Почему вор не взял ничего кроме письма? Да еще написанного по-немецки. Это не вяжется. У мистера Денкера, в общем, нечего красть, но вломившийся вор смог бы найти что-нибудь получше.

— Ты правильно понял, — сказал Риклер. — Здорово.

— Тодд когда-то хотел быть детективом, когда вырастет, — сказала Моника и слегка взлохматила его волосы. С тех пор, как он вырос, ему не нравилось, когда она так делает, но сейчас он не возражал. Боже, какой он ужасно бледный! А сейчас, по-моему, он больше склонен к истории.

— История — хорошее занятие, — одобрил Риклер, — Можно быть историком-следователем. Ты читал когда-нибудь Джозефину Тей?

— Нет, сэр.

— Не важно. Жаль, что у моих ребят все стремления заканчиваются желанием увидеть, как «Ангелы» выиграют в этом году кубок.

Тодд смущенно улыбнулся и промолчал.

Риклер снова стал серьезным:

— Как бы там ни было, я расскажу вам нашу версию. Мы считаем, что кто-то, может даже из Санто-Донато, знал, кто был Дуссандер.

— Неужели?

— Да. Кто-то знал правду. Может, еще один скрывающийся нацист. Я понимаю, что это похоже на книжки Роберта Ладлама, но кто может поручиться, что в том тихом предместье скрывался только один нацист? И когда Дуссандера увезли в больницу, мы полагаем, этот мистер Икс проник в дом и забрал изобличающее письмо. И сейчас его пепел уже плывет где-то в канализации.

— Это тоже мало вероятно, — сказал Тодд.

— Почему, Тодд?

— Ну, если бы у мистера Денк… у Дуссандера был приятель из лагеря или просто старый нацистский приятель, зачем бы он звонил мне и просил прийти и прочесть ему это письмо? Если бы вы только слышали, как он поправлял меня и все такое… По крайней мере, этот приятель-нацист, о котором вы говорите, умел бы читать по-немецки.

— Резонно. Если только этот другой не прикован к инвалидной коляске и не слепой. Мы же не знаем. Это может быть и сам Борман, он даже не посмел бы выходить и показывать лицо.

— Слепому и инвалиду не очень-то легко красть письма, — сказал Тодд. Риклер опять посмотрел с восхищением:

— Правильно. Но слепой может украсть письмо, даже если не сможет прочесть. Или нанять кого-нибудь.

Тодд обдумал это и снова кивнул, но одновременно пожал плечами, чтобы показать, что идея все-таки притянута за уши. Риклер пошел гораздо дальше Роберта Ладлама прямо в объятия Сакса Ромера. Но притянута она за уши или нет, какая, собственно, разница? Важно лишь то, что этот Риклер что-то вынюхивает, и этот жидок Вайскопф тоже. Черт бы побрал это дурацкое письмо. Если бы тогда у него было время подготовиться, а не выдумывать экспромтом что попало! И вдруг он вспомнил о своем винчестере, заряженном и лежащем на полке в прохладном темном гараже. Он отогнал эту мысль, и его ладони стали влажными.

— Ты знал кого-нибудь из друзей Дуссандера? — спросил Риклер.

— Друзей? Нет. К нему одно время приходила женщина убирать дом, но потом она переехала, а другую он искать не стал. Летом он нанимал мальчика подстригать газон, но, по-моему, в этом году и этого не делал. Трава здорово отросла, правда?

— Да, мы спрашивали у многих, скорее всего, он никого не нанимал. Ему кто-нибудь звонил?

— Конечно, — небрежно сказал Тодд. Это был лучик света, может быть даже путь к отступлению, казавшийся более-менее безопасным. Телефон Дуссандера на самом деле звонил раз пять,

не больше, за все время их с Тоддом знакомства: торговцы, агенты организаторов опросов общественного мнения, спрашивающие о сухих завтраках, и просто случайные звонки. Телефон нужен был ему только на случай болезни… так и случилось в конце концов, гори он синим пламенем в аду. — Ему звонили раз, а тои два в неделю.

— И он отвечал по-немецки? — быстро спросил Риклер. Похоже, он заинтересовался.

— Нет, — ответил Тодд, вдруг насторожившись. Ему не понравился интерес Риклера, что-то в нем было не так, Тодд почувствовал опасность. Он был в этом уверен, и ему пришлось изо всех сил держать себя в руках, чтобы не покрыться потом. — Он вообще много не говорил. Помню пару раз он сказал что-то типа: «Сейчас здесь мальчик, который мне читает. Я перезвоню тебе позже».

— Я уверен, что это он! — воскликнул Риклер, потирая руками колени. — Ставлю жалование за две недели, что это он! — Он захлопнул блокнот (в котором, как Тодд успел заметить, он не писал, а рисовал каракули) и встал. — Я хочу поблагодарить вас всех за то, что уделили мне время. Особенно тебя, Тодд. Конечно, что для тебя это большой удар, но скоро все кончится. Мы собираемся сегодня днем перевернуть его дом вверх дном от подвала до чердака, а потом поставить обратно. Уже вызвали специалистов. Найдем и следы телефонных собеседников Дуссандера.

— Я надеюсь, — сказал Тодд.

Риклер пожал всем руки и ушел. Дик спросил Тодда, не хочет ли он перед обедом поиграть во дворе в бадминтон. Тодд ответил, что не хочет ни бадминтона, ни обеда и ушел в свою комнату, опустив голову и ссутулившись. Родители обменялись сочувствующими, встревоженными взглядами. Тодд лег на кровать и стал глядеть на потолок и вспоминать о своем винчестере. Он так ясно представлял его. Представил, как засунет его голубоватый стальной ствол прямо в ее скользкое еврейское причинное место — это то, что ей надо — член, который всегда стоит. *Ну как, тебе нравится, Бетти?* Представил, как спрашивает ее. *Скажи, когда хватит, ладно?* Он представил, как она вскрикивает. И наконец, ужасная тупая улыбка появилась на его лице. *Конечно, ты только скажи мне, сучка… ладно? Ладно? Ладно?..*

— И что вы думаете? — спросил Вайскопф Риклера, когда тот подобрал его около кафе в трех кварталах от дома Бауденов.

— Думаю, что пацан как-то замешан в этом, — сказал

Риклер. — Как-то, каким-то образом, в какой-то степени. Но парень — лед. Если налить ему в рот горячей воды, по-моему, он выплюнет ледышки. Я попытался его поймать пару раз, но не получил ничего, что можно использовать в суде. Даже если бы мне удалось что-то еще выудить, то какой-нибудь смышленый адвокат смог бы освободить его на год или два раньше. Он ведь несовершеннолетний. По крайней мере физически. Хотя в некоторых вопросах он по-настоящему взрослый, наверное, лет с восьми. Хитрый он. — Риклер сунул в рот сигарету и рассмеялся коротко и отрывисто. — Хитрый, как черт.

— На чем он попался?

— На телефонных звонках. Это главное. Когда я подсунул ему эту идею, у него глаза загорелись, как лампочки в игровом автомате.

Риклер повернул налево и направил свой невообразимый «шевроле нуова» к въезду на шоссе. В полукилометре отсюда поднимался склон с поваленным деревом, откуда Тодд совсем недавно в одну из суббот целился в машины из своего незаряженного винчестера.

— Он, видимо, подумал: «Этот легавый — совсем идиот, если считает, что у Дуссандера мог быть друг-нацист в городе, но если он действительно будет так считать, то оставит меня в покое». Поэтому и говорит, что да, Дуссандеру звонили раз или два в неделю. Так таинственно. «Мне сейчас неудобно говорить» и все такое. Но Дуссандер последние семь лет платил за телефон по особому «тихому» тарифу. Практически без звонков, а по межгороду вообще не звонил. Ему не могли звонить раз или два в неделю.

— Что еще?

— Он сразу же сделал вывод, что письмо украли и все. Он знал, что пропало только оно, потому что это он вернулся и забрал его.

Риклер погасил окурок.

— Мы *полагаем,* что письмо — это только предлог. Скорее всего, приступ у Дуссандера случился, когда он закапывал труп — тот, самый свежий. На его ботинках и на брюках была земля, причем свежая, так что предположение не далеко от истины. А это значит, что он позвонил мальчишке *после* сердечного приступа, а не до него. Он выполз наверх и позвонил пацану. Пацан растерялся, если он вообще может растеряться, во всяком случае, придумал эту историю на ходу. Не шедевр, конечно, но и не так уж и плохо, учитывая, что произошло. Он приходит и убирает весь этот ужас для Дуссандера. А потом мотается, как загнанная лошадь. Скорая на подходе, вот-вот явится отец, а ему

нужно письмо для прикрытия. Он идет наверх и взламывает шкатулку…

— У вас есть доказательства? — спросил Вайскопф, закуривая.

Он курил сигареты без фильтра, и Риклер не мог выносить их запаха. Не удивительно, что Британская Империя развалилась, если они начали курить такую дрянь.

— Да, мы получили подтверждение прямо не отходя от кассы, — сказал Риклер. — Отпечатки пальцев на шкатулке совпадают с теми, что в его личном деле в школе. Но эти отпечатки найдены практически *везде* в этом чертовом доме!

— И все равно, его можно этим припугнуть, — сказал Вайскопф.

— Слушайте, вы не знаете этого пацана. Когда я сказал, что он, как лед, я знал, что говорю. Он скажет, что Дуссандер просил его пару раз принести ее, чтобы взять или положить что-нибудь.

— Его отпечатки на черенке лопаты.

— Он скажет, что сажал розы во дворе, — Риклер потянулся к своим сигаретам, но пачка была пуста. Вайскопф предложил свои. Риклер затянулся и закашлялся. — На вкус они также ужасны, как их запах, — выдавил он.

— Как гамбургеры, которые мы ели вчера, — сказал, улыбаясь, Вайскопф. — В «Макдоналдсе».

— Биг Маки, — поправил Риклер и засмеялся. — Понятно. Перекрестное опыление разных культур не всегда срабатывает. — Он снова стал серьезным. — А он прилично выглядит, правда?

— Да.

— Никаких кудрей там или хвостов до задницы, ни цепей, ни заклепок на ботинках.

— Да, — Вайскопф смотрел на движение вокруг и радовался, что не он за рулем. — Он ведь просто мальчик. Белый мальчик из хорошей семьи. Поэтому трудно поверить, что…

— Я считал, что у вас пацаны умеют обращаться с винтовками и гранатами еще до восемнадцати. В Израиле.

— Да. Но ему ведь было тринадцать, когда это все началось. Зачем тринадцатилетнему мальчику связываться с таким, как Дуссандер? Я все время пытаюсь понять и никак не могу.

— Я бы дорого дал, чтобы понять, — сказал Риклер и щелчком выбросил сигарету за окно. От нее болела голова.

— Может, это просто случай. Совпадение. Называйте, как хотите, лейтенант Риклер. Стечение обстоятельств. Считаю, что бывает не только благоприятное стечение обстоятельств, но и неблагоприятное.

— Я не понимаю, о чем вы, — мрачно сказал Риклер. — Но

знаю точно, что этот пацан противнее клопа в щели.

— Я просто хочу сказать вот что. На его месте любой пацан бы с радостью сообщил родителям или в полицию. Ну скажем: «Я узнал разыскиваемого человека. Он живет там-то и там-то. Да, я уверен». И пусть бы власти делали что надо. Или вы считаете, что я не прав?

— Нет, все верно. Тогда бы несколько дней этот пацан купался бы в славе. Многим детям это нравится. Фото в газете, интервью в вечерних новостях, может даже наградили бы в школе за выполнение гражданского долга, — Риклер рассмеялся — Да, за такое его фото поместили бы в каталог «Люди года».

— А что это?

— Не важно, — сказал Риклер. Ему пришлось говорить громче, потому что с двух сторон их стали обходить громадные трейлеры. Вайскопф нервно смотрел по сторонам.

— Вы правы насчет детей. Именно многих. Но не этого пацана, — сказал Вайскопф. — Этот мальчик, наверное, по чистой случайности разоблачил Дуссандера. Но вместо того, чтобы сказать родителям или властям… он идет к Дуссандеру. Почему? Вы сказали, что вам все равно, но по-моему, это не так. Мне кажется, вам это тоже не дает покоя, как и мне.

— Шантаж исключен, — сказал Риклер — Это точно. У этого мальчика есть все, чего можно только желать. Даже вездеход в гараже, не говоря уже о ружье для охоты на слонов. И если бы он хотел просто так, для смеха попугать Дуссандера, с него практически взять было нечего. Кроме нескольких акций, у него даже горшка приличного ночного не было.

— Вы уверены, что мальчик не знает о том, что вы нашли трупы?

— Уверен. Может, я еще вернусь к нему после обеда и ударю его еще этим. Сейчас, похоже, это наш главный козырь, — Риклер слегка стукнул по рулевому колесу. — Если бы все выяснилось хотя бы на один день раньше, я бы просил об ордере на обыск.

— Вы имеете в виду одежду, в которой мальчик был в тот вечер?

— Да, если бы мы нашли частички почвы, совпадающие с образцами земли из подвала Дуссандера, тогда бы можно было его расколоть. Но эту одежду уже могли с тех пор постирать сто раз.

— А что с теми другими мертвыми бродягами? Которых полиция находила в городе?

— Ими занимается Дэн Бузман. Вряд ли тут есть какая-то связь. Дуссандер просто бы их не одолел… и кроме того, у него был придуман такой аккуратный подход. Он предлагал им

выпивку и еду, вез их к себе на городском автобусе, — черт бы его побрал, — и приканчивал прямо у себя на кухне.

Вайскопф тихо произнес:

— Я совсем не о *Дуссандере.*

— Что вы хотите этим… — начал Риклер и вдруг резко замолк на полуслове. Повисла невероятно долгая пауза, прерываемая лишь ревом моторов вокруг. Потом Риклер мягко сказал: — Ой, приятель, дай передохнуть…

— Как агента моего правительства, Бауден интересует меня только постольку, поскольку он может знать что-нибудь об оставшихся связях Дуссандера с нацистским подпольем. Но чисто по-человечески мне все более интересен сам мальчик. Его мотивы. Хочется понять, почему. И когда я пытаюсь удовлетворить свое любопытство и ответить на эти вопросы, я ловлю себя на том, что спрашиваю себя «Что еще?»

— Но…

— Нельзя ли предположить, — спрашивал я себя, что в основе привязанности их друг к другу лежат те ужасные зверства, в которых участвовал Дуссандер? Мысль безумная, — говорил я себе. То, что творилось в концлагерях, до сих пор может вызвать приступ тошноты. Я и сам это чувствую, хотя из моих родственников только один дедушка погиб в лагере, да и то, когда мне было всего три года. Но для всех нас, наверное, в том, что творили немцы, есть что-то такое, что привлекает, волнует, дает пищу воображению, открывая тайные катакомбы сознания. Может быть, часть наших страхов проистекает из тайного сознания того, что при определенных обстоятельствах мы и сами бы хотели построить такие лагеря и заполнять их. Неблагоприятное стечение обстоятельств. Как знать, может при определенных обстоятельствах, существа, обитающие в этих тайных катакомбах, с радостью вырвутся наружу. И на кого, по-вашему, они будут похожи? На безумных фюреров с косой челкой и напомаженными усиками? На красных дьяволов, или демонов, или драконов, размахивающих вонючими чешуйчатыми крыльями?

— Не знаю, — ответил Риклер.

— Большинство из них, по-моему, будут похожи на обычных бухгалтеров, — сказал Вайскопф. — Такие маленькие, мелкие людишки с графиками и диаграммами, с калькуляторами в руках, готовые начать умножать потери в живой силе, чтобы в следующий раз мы могли убить, может, двадцать или тридцать миллионов вместо каких-то семи, восьми или двенадцати. А некоторые из них могут быть похожи на Тодда Баудена.

— Вы сейчас почти также отвратительны, как и он сам, —

сказал Риклер.

Вайскопф кивнул.

— Тема отвратительна. Все эти мертвые люди и животные в подвале Дуссандера… разве они не отвратительны? Вам не приходило в голову, что этот мальчик мог начать просто с интереса к концлагерям? Безобидного интереса, как у всех мальчишек, как собирание монет или марок, или любовь к книжкам про головорезов на Диком Западе. Он просто пришел к Дуссандеру, чтобы получить информацию, что называется, из первых рук.

— Или из первых уст, — пробормотал Вайскопф. Его почти заглушил рев еще одного обгоняющего их трейлера. На борту крупными буквами было написано название фирмы. «Странная страна, — подумал Вайскопф и зажег новую сигарету. — Они не понимают, как мы можем жить среди арабов, но если бы я пожил здесь хоть пару лет, у меня случился бы нервный срыв». — Может быть. А может, просто невозможно стоять рядом с убийством, на убийстве, и не запачкаться.

29

От невысокого человечка, пришедшего в отделение полиции, ужасно пахло. Непередаваемое сочетание гнилых бананов, прогорклого масла и тараканьего помета, плюс содержимое городского мусоровоза. На нем были ветхие, неопределенного цвета брюки, полосатая рубашка и выцветшая утепленная голубая куртка, молния которой болталась, как зубы пигмея на веревочке. Подошвы и верх обуви держались с помощью липкой ленты. На голове невообразимо грязная шляпа. Он был похож на смерть в похмелье.

— О Боже, убирайся отсюда! — закричал дежурный сержант. — Ты же не арестован, Хэп! Клянусь Богом! Клянусь матерью! Только убирайся! Мне же нужно дышать!

— А мне нужно поговорить с лейтенантом Бузманом.

— Он умер, Хэп. Вчера. Мы все потрясены. Так что иди отсюда и дай нам спокойно его оплакать.

— Мне нужно поговорить с лейтенантом Бузманом! — сказал Хэп громче.

Его дыхание тоже несло шлейф запахов пиццы, леденцов от кашля «Холлс» и красного крепленого вина.

— Ему пришлось по делу уехать в Сиам, Хэп. Так что иди отсюда подальше.

— *Мне нужно поговорить с лейтенантом Бузманом и я не уйду, пока не увижу его!*

Дежурный сержант вылетел из комнаты. Он вернулся минут через пять вместе с Бузманом, высоким немного сутулым мужчиной лет пятидесяти.

— Только забери его к себе, Дэн, хорошо? — попросил дежурный. — Это же нормально?

— Пошли, Хэп, — сказал Бузман, и через минуту они оказались в небольшом закуточке, где и был кабинет. Бузман предусмотрительно открыл единственное окно и включил вентилятор, прежде чем сесть.

— Чем могу служить, Хэп?

— Ты все еще занимаешься теми убийствами, лейтенант?

— Бродяг? Да, они все еще на мне.

— Я знаю, кто их укокошил.

— Хэп, это правда? — спросил Бузман. Он закуривал трубку. Он редко курил трубку, но ни вентилятор, ни открытое окно не спасали от чудовищного запаха Хэпа. «Еще немного, — подумал Бузман, — и краска на стенах свернется и осыплется». Он вздохнул.

— Помнишь, я говорил, что Сонни разговаривал с парнем за день до того, как его нашли изрезанным в той трубе? Помнишь, лейтенант Бузман, как я это говорил?

— Я помню.

Несколько бродяг, околачивавшихся возле Армии спасения и бесплатной столовой в паре кварталов от нее, рассказывали одну и ту же историю о двух убитых бездомных: Чарлзе «Сонни» Бракетте и Питере «Поли» Смите. Они видели молодого парня, он говорил и с Сонни, и с Поли. Никто точно не знал, уходил ли Сонни с этим парнем, но Хэп и два других подтвердили, что видели, как Поли Смит ушел с ним. Им казалось, что парень был несовершеннолетний и просил помочь купить бутылку муската в обмен на часть содержимого. Несколько других бродяг заявили, что видели такого парня поблизости. Описание парня было отличным, подходящим для суда, словно получено из неоспоримых источников. Молодой, белый, с белокурыми волосами. Что еще нужно для портрета?

— Так вот я вчера был в парке, — сказал Хэп, — и… случайно наткнулся на кипу старых газет…

— Хэп, в этом городе за бродяжничество наказывают по закону.

— Я их просто убирал, — тоном праведника заявил Хэп. — Люди ужасно мусорят. Я выполнял общественную работу, лейтенант. Просто скромную общественную работу. Некоторые газеты были недельной давности.

— Да, Хэп, — сказал Бузман.

Он смутно вспомнил, что был голоден и с нетерпением ждал обеда. Как давно это было.

— И когда я проснулся, одна газета упала мне прямо на лицо, я посмотрел и увидел парня. Я так и подпрыгнул на месте. Вот, смотри, это тот парень. Вот здесь на снимке.

Хэп достал смятый, пожелтевший газетный лист из кармана куртки и развернул его. Бузман наклонился вперед уже с интересом. Хэп положил лист ему на стол, и он смог прочесть заголовок: «ЧЕТЫРЕ МАЛЬЧИКА ВОШЛИ В СБОРНУЮ ЮЖНОЙ КАЛИФОРНИИ». Ниже четыре фотографии.

— Который из них, Хэп?

Хэп указал грязным пальцем на фото справа:

— Это он. Здесь написано, что его зовут Тодд Бауден.

Бузман перевел взгляд с фото на Хэпа и подумал, что в мозгу Хэпа остались клетки, способные еще как-то работать после стольких лет пропитывания дешевым вином и периодических уколов.

— Хэп, а ты уверен? Он на фото в бейсболке, и не понять,

какие у него волосы.

— Улыбка, — сказал Хэп. — Он так улыбался. Он точно так улыбался Поли, такой классной улыбкой, когда они вместе уходили. Я узнаю эту улыбку через тысячу лет. Это точно он, тот парень.

Бузман уже не так внимательно слушал, он напряженно думал и вспоминал. Тодд Бауден. Что-то знакомое в этом имени. Что-то, что беспокоило еще больше, чем то, что герой местной средней школы может шататься с бродягами. Ему казалось, что это имя прозвучало в разговоре сегодня утром. И он нахмурился, стараясь вспомнить.

Хэп ушел, а Дэн Бузман все пытался это вспомнить, когда вошли Риклер и Вайскопф, и звук их голосов, когда они пили кофе в дежурке, помог ему наконец все сложить вместе.

— Боже правый, — сказал лейтенант Бузман и торопливо поднялся.

30

И мать, и отец предложили отменить свои Планы на после обеда (Моника — покупки, а Дик — гольф с бизнесменами) и остаться дома с Тоддом, но Тодд сказал, что ему лучше побыть одному. Он подумал, что надо почистить винтовку и как следует все обдумать. Постараться все разложить по полочкам.

— Тодд, — начал Дик и вдруг понял, что не знает что сказать. Он подумал, что его отец в такой ситуации посоветовал бы помолиться. Но сменились поколения, и Баудены уже не были так религиозны. — Все бывает, сынок, — закончил он, запинаясь, потому что Тодд все еще смотрел на него. — Постарайся об этом не думать.

— Все будет нормально, — ответил Тодд.

Когда они ушли, Тодд вынес тряпки и ружейное масло на скамейку около розовых кустов. Потом вернулся в гараж за винчестером. Положил его на скамью, разобрал. Сладковатый запах роз приятно щекотал ноздри. Он тщательно чистил винтовку, мурлыча какую-то песенку и даже иногда насвистывая ее сквозь зубы. Потом снова собрал винтовку. Он мог бы это сделать и в темноте. Мысли его блуждали. Идея пострелять по мишеням не сильно вдохновляла сегодня, но все равно зарядил винтовку. Сам себе признался, что не знает зачем.

Нет, ты знаешь, Тодд-малыш. Как говорится, час пробил.

И вот тут-то на дорожку въехал ярко-желтый «сааб». Человек, вышедший из машины, показался слегка знакомым, но Тодд узнал его только, когда он захлопнул дверцу и направился к нему. Тодд увидел кроссовки — открытые, светло-голубые. Вот и говори потом о проклятии из прошлого. Прямо по дорожке к Тодду приближался Калоша Эд Френч, Кедман.

— Привет, Тодд. Сто лет не виделись.

Тодд прислонил винтовку к скамейке и улыбнулся широко и победно.

— Привет, мистер Френч. Что привело вас в эту дикую часть города?

— Твои родители дома?

— Не-а. А они вам нужны?

— Нет, — сказал Эд Френч после долгого раздумья, — Нет, пожалуй, нет. Наверное, лучше, если мы с тобой просто поговорим. Хотя бы для начала. Может быть, ты сможешь дать всему разумное объяснение. Хотя я очень сильно сомневаюсь.

Он вытащил из кармана газетную вырезку. Тодд понял, что там, еще до того, как Калоша Эд передал ее, и второй раз за

сегодня увидел два снимка Дуссандера. Снятый уличным фотографом был обведен черным фломастером. Тодду все стало ясно: Френч узнал «дедушку». А теперь хотел рассказать об этом всему миру, хотел стоять у истока хорошей новости. Старый добрый Калоша Эд со своей дурацкой болтовней и идиотскими кроссовками.

Полиции будет интересно, конечно, они уже интересуются. Он это знал. Почувствовал примерно через полчаса после ухода Риклера. Словно высоко летел на воздушном шаре, а потом холодная стальная стрела пронзила ткань шара, и теперь он резко снижался.

Звонки — вот где он попался. Чертов Риклер так ловко расставил сети. А он, как *идиот,* очертя голову, ринулся в эту западню. Ему звонили раз или два в неделю. Пусть они обыщут всю Южную Калифорнию в поисках мифического нациста. Отлично. Разве что телефонная компания даст другую информацию. Тодд не знал, может ли телефонная компания сказать, как часто используется телефон для местных звонков… но Риклер так посмотрел…

А потом письмо. Он неосторожно сказал Риклеру, что дом не ограблен, и Риклер, несомненно, ушел с мыслью, что если Тодд так в этом уверен, значит сам приходил туда… Так оно и было, но не один, а три раза: один раз забрал письмо, и еще пару раз приходил в поисках еще чего-нибудь изобличающего. Но ничего не нашел, даже гестаповской формы, ее Дуссандер за четыре года куда-то задевал.

А потом еще трупы. Риклер ничего о них не сказал.

Сначала Тодд подумал, что это хорошо. Пусть они поищут подольше, пока он соберется с мыслями и обдумает свою версию. Можно не беспокоиться о земле, запачкавшей его одежду, когда он закапывал тело, все было выстирано в ту же ночь. Он сам высушил все, зная, что Дуссандер может умереть, и тогда все откроется. Осторожность превыше всего, так сам Дуссандер любил говорить.

Потом постепенно до него дошло, что это совсем не хорошо. Погода теплая, а в такую погоду запах из подвала был сильнее. В последний его визит он его явно ощущал. Естественно, полиция не могла не заинтересоваться им и не найти источник этого запаха. Тогда почему Риклер скрыл это? Приберегал на потом? Хотел сделать маленький гнусный сюрприз? А если Риклер начинает планировать маленькие гнусные сюрпризы, значит, он что-то подозревает. Тодд поднял глаза от вырезки и увидел, что Калоша Эд не смотрит на него. Он смотрит на улицу, хотя там ничего не происходит. Риклер может подозревать, только и всего.

Если только не появится конкретное свидетельство связи его со стариком.

Именно такое свидетельство мог дать Калоша Эд Френч, Смешной человек в паре смешных кроссовок. Такой смешной человек не достоин жить. Тодд взялся за ствол винчестера.

Да, Калоша Эд — недостающее звено в их цепочке. Они никогда бы не смогли доказать, что Тодд помогал Дуссандеру скрывать одно из его убийств. Но после свидетельства Калоши Эда они докажут сговор. И этим не кончится. Потом они возьмут его фотографию и начнут показывать бродягам в районе Миссии. Дальний прицел, естественно, Риклер уцепится. Если можно повесить одно из убийств на него, можно повесить и другие. А что потом? Потом суд.

Отец, конечно, наймет целую кучу адвокатов. И адвокаты его, конечно же, вытащат. Свидетельства слишком случайны. Он произведет благоприятное впечатление на присяжных. Но его жизнь все равно будет испорчена. Газеты будут смаковать подробности, вытащат их на свет, как полуразложившиеся трупы из подвала Дуссандера.

— Этот человек с фото приходил ко мне, когда ты учился в девятом классе, — резко сказал Эд, снова поворачиваясь к Тодду. — Он сказал, что он твой дедушка. А теперь оказывается, что он разыскиваемый военный преступник.

— Да, — сказал Тодд.

Его лицо стало странным. Оно превратилось в лицо манекена из универмага. Все здоровье, жизнь и веселость словно ушли из него. Осталась только пугающая бессмысленная пустота.

— Как это произошло? — спросил Эд, он хотел задать этот вопрос, как громогласное обвинение, а вместо этого вопрос прозвучал грустно, растерянно и фальшиво. — Как же это произошло, Тодд?

— Как? Одно за другим, — сказал Тодд и взял винтовку. — Вот так и произошло. Просто одно… за другим. — Он щелкнул предохранителем и наставил винтовку на Калошу Эда. — Это звучит глупо, но так получилось. Вот и все.

— Тодд, — сказал Эд, вытаращив глаза. Он отступил назад. — Тодд, ты же не хочешь… пожалуйста, Тодд. Мы можем поговорить. Можем обсу…

— Обсуждайте с этим чертовым фрицем в аду, — сказал Тодд и нажал курок.

Выстрел нарушил тишину жаркого и безветренного дня. Эд Френч прислонился к своему «саабу». За спиной он схватил и оторвал дворник с лобового стекла. И тупо смотрел, как кровь растекается по его голубой водолазке, потом выронил дворник и

посмотрел на Тодда.

— Норма, — прошептал он.

— Ладно, — сказал Тодд. — Как скажешь, парень.

Он выстрелил в Калошу Эда опять, и половина головы Эда исчезла в кровавых брызгах.

Эд повернулся, как пьяный, и стал пытаться открыть дверцу водителя, вновь и вновь повторяя имя дочери сдавленным слабеющим голосом. Тодд выстрелил еще раз, прицелившись в основание позвоночника, и Эд упал. Ноги немного подергались на гравии, потом перестали.

«Слишком тяжелая смерть для завуча», — подумал Тодд, издав короткий смешок. И в ту же секунду страшная боль, как игла, пронзила его мозг, он закрыл глаза.

Когда открыл их снова, то почувствовал себя лучше, чем в последние месяцы — а может даже, чем в последние несколько лет. Все нормально. Все сложилось.

Пустота ушла с лица, уступив место какой-то дикой красоте.

Он вернулся в гараж и взял все свои патроны, больше четырехсот. Положил их в сумку, повесил сумку на плечо. Когда снова вышел на улицу, он взволнованно улыбался, глаза бегали, так улыбаются мальчишки в день рождения, на Рождество и в День независимости. Эта улыбка предвещала салюты, елочные балы, тайные знаки и тайные встречи, круг почета после триумфа в игре, когда восторженные болельщики несут игроков в город на плечах. Исступленная улыбка светловолосых мальчиков, уходящих на войну в шлемах, похожих на угольные ведерки.

— Я — повелитель мира! — громко закричал он в синее небо и на секунду поднял винтовку над головой.

Потом пошел к тому месту на склоне, где земля уходила круто вниз, а поваленный ствол служил убежищем.

Его сняли оттуда лишь через пять часов, когда уже почти стемнело.